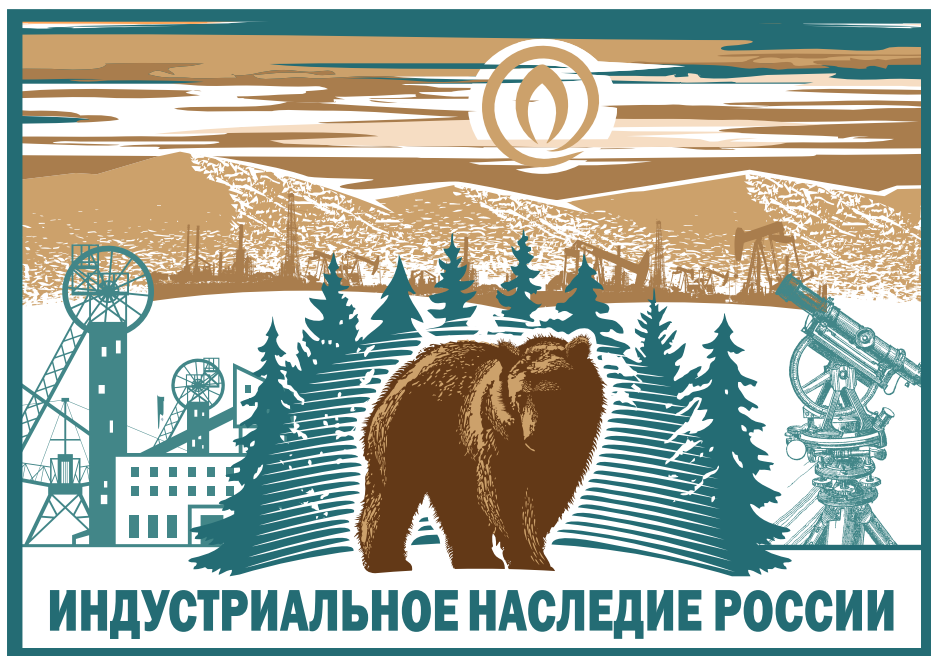

ИНДУСТРИАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ РОССИИ: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ, ОПЫТ СОХРАНЕНИЯ, СТРАТЕГИИ РЕНОВАЦИИ

Сборник тезисов

Всероссийской научной конференции,
посвящённой 175-летию Русского географического общества
и 90-летию Ханты-Мансийского автономного округа – Югры

Ханты-Мансийск
2020

ИНДУСТРИАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ РОССИИ: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ, ОПЫТ СОХРАНЕНИЯ, СТРАТЕГИИ РЕНОВАЦИИ

**Сборник тезисов
Всероссийской научной конференции,
посвящённой 175-летию Русского географического общества
и 90-летию Ханты-Мансийского автономного округа – Югры**

Ханты-Мансийск
2020

УДК 62 (091)

ББК 65.03(2)030я431+63.3(2)0-231я431

Рецензенты:

Ковалёв Михаил Владимирович, кандидат исторических наук,
ведущий научный сотрудник, Архив РАН (Москва)

Исаченко Александр Петрович, кандидат экономических наук,
академик РАЕН (Москва)

И60 Индустриальное наследие России: междисциплинарные исследования, опыт сохранения, стратегии реновации: Сб. тезисов Всероссийской научной конференции, посвящённой 175-летию Русского географического общества и 90-летию Ханты-Мансийского автономного округа – Югры / Департамент культуры ХМАО-Югры, БУ ХМАО-Югры «Музей геологии, нефти и газа», Региональное отделение Рус. географич. общества в ХМАО-Югре. – Ханты-Мансийск : Югорский формат, 2020. – 203 с.

ISBN 978-5-6043278-5-2

В сборнике представлены тезисы Всероссийской научной конференции «Индустриальное наследие России: опыт сохранения, стратегии реновации», состоявшейся в Ханты-Мансийске 8–9 октября 2020 года.

В материалах сборника рассматриваются проблемы определения места индустриального наследия в природном и культурном наследии России, особенности терминологического аппарата и методы изучения, вопросы сохранения индустриального наследия, организации индустриального туризма и просвещения. Отдельное внимание уделено проблемам историко-культурного наследия Западно-Сибирского нефтегазового комплекса, вопросам формирования индустриального стандарта в освоении Сибири и влияния трансформаций на судьбы коренных народов Севера.

Для специалистов в области изучения индустриального наследия, научных работников учреждений культуры, науки и образования.

Тезисы изданы в авторской редакции.

Издание сборника осуществлено в рамках реализации государственной программы Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «Культурное пространство на 2019–2025 годы и на период до 2030 года»

УДК 62 (091)

ББК 65.01(2)030Я431+63.3(2)0-231Я431

ISBN 978-5-6043278-5-2

© Департамент культуры Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, 2020

© БУ «Музей геологии, нефти и газа», 2020

© Региональное отделение Русского географического общества в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре, 2020

© Оформление. ООО «Югорский формат», 2020

ПАРТНЁРЫ КОНФЕРЕНЦИИ

СУРГУТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

обско-угорский институт
прикладных исследований
и разработок

ЮГОРСКИЙ
государственный
университет

СОДЕРЖАНИЕ

Место индустриального наследия в природном и культурном наследии России	9
ИНДУСТРИАЛЬНЫЕ ПРИОРИТЕТЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ	
О. В. Лысикова, Н. П. Лысикова	9
РОЛЬ ПРОМЫШЛЕННОЙ АРХИТЕКТУРЫ 1920-Х – НАЧАЛА 1950-Х ГГ. В ФОРМИРОВАНИИ АРХИТЕКТУРНО-ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОГО ОБЛИКА ГОРОДОВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ	
С. С. Духанов	15
К ПРОБЛЕМЕ АССИМИЛЯЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА ТУНДРОВЫХ СООБЩЕСТВ ПРИ РАЗМЕЩЕНИИ ОТХОДОВ БУРЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ ЯНАО	
М. П. Матвеев, Е. И. Тихомирова	19
ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ КАК СИСТЕМНЫЙ ЭЛЕМЕНТ ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПОД ИНВЕСТИЦИОННЫЙ ПРОЕКТ	
М. В. Дмитриева	24
ОТРАЖЕНИЕ ЭКОЛОГО-ГУМАНИСТИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ НАРОДОВ СЕВЕРА И ДЕТЕЙ НА ПРИМЕРЕ АРХЕОПАРКА «САМАРОВСКИЙ ОСТАНЕЦ»	
И. И. Хабибуллина.....	30
Терминологический аппарат и методы изучения индустриального наследия.....	32
ОСВОЕНИЕ, ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ, СТАНДАРТЫ ОСВОЕНЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ	
Г. Ю. Колева.....	32

ДИНАМИКА БАЛАНСА ЗЕМЕЛЬ КАК ИНДИКАТОР УСТОЙЧИВОГО ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ ЗАСТРОЕННЫХ И ЗАСТРАИВАЕМЫХ ТЕРРИТОРИЙ РОССИИ – МАТЕРИАЛЬНЫХ НОСИТЕЛЕЙ ОБЪЕКТОВ ИНДУСТРИАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ	
А. П. Сизов, Т. В. Илюшина, О. В. Миклашевская, С. А. Атаманов, З. С. Косаруков.....	37
МИРОВОЕ ИНДУСТРИАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ: К ВОПРОСУ О ТЕРМИНОЛОГИИ ИЗУЧЕНИЯ И СОХРАНЕНИЯ	
Е. В. Алексеева.....	48
МОЙ ЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ СОХРАНЕНИЯ ИНДУСТРИАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ	
Е. Л. Сумина.....	55
ОХРАНА И ПРОПАГАНДА ПАМЯТНИКОВ ТРУДОВОЙ СЛАВЫ СОВЕТСКОГО НАРОДА КАК СПОСОБ СОХРАНЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ ИНДУСТРИАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ В СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ	
Е. С. Лахтионова	60
ЦИФРОВЫЕ КАРТЫ КУЛЬТУРНОГО И ИНДУСТРИАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ ХАНТЫ-МАНСКИЙСКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА – ЮГРЫ	
Г. А. Кочергин, А. А. Тогачев, М. А. Куприянов, О. А. Байсаямова.....	64
КАРТОГРАФИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ АНАЛИЗА ПРОЦЕССОВ ИНДУСТРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ Г. ОМСКА	
П. В. Большаник.....	68
СОВЕТСКАЯ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ: УРАЛМАШ И ЕГО СТРОИТЕЛИ В АВТОБИОГРАФИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ	
Л. В. Енина, Н. Б. Граматчикова	73
ИЗ ОПЫТА СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКОГО НЕФТЯНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В 1970-Е ГГ.	
Е. В. Лешукова	76

ПРОЯВЛЕНИЕ РОССИЙСКОЙ СПЕЦИФИКИ В ВОПРОСАХ ФОРМИРОВАНИЯ КОНЦЕПЦИИ «ИНДУСТРИАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ»	
Н. М. Будкевич	81
МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ И КАРТОГРАФИРОВАНИЯ ИНДУСТРИАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ	
В. А. Голубенко	85
АТЛАС ИНДУСТРИАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ ЮГРЫ КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ РЕГИОНА	
Е. С. Подкопаева, И. А. Яшков	90
Сохранение индустриального наследия: вопросы просвещения, прикладной музеологии и организации индустриального туризма	95
ИНДУСТРИАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ И ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ РАБОТА ПО ЕГО СОХРАНЕНИЮ И ИСПОЛЬЗОВАНИЮ	
Е. В. Зайцева, В. В. Запарий	95
КРАСНОЯРСКОЕ ДЕЛО ГЕОЛОГОВ 1949 Г. В КОНТЕКСТЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ И ВЫСТАВОЧНОЙ РАБОТЫ ТОМСКОГО МЕМОРИАЛЬНОГО МУЗЕЯ «СЛЕДСТВЕННАЯ ТЮРЬМА НКВД»	
В. А. Ханевич	101
О ВОЗМОЖНОСТЯХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ОБЪЕКТОВ ИНДУСТРИАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ В ТУРИСТИЧЕСКИХ ЦЕЛЯХ НА ТЕРРИТОРИИ БАРСОВОЙ ГОРЫ	
Е. В. Игнатьевская	102
«ЦЕННОСТНОЕ» И «ОБЫДЕННОЕ» В ОФИЦИОЗНЫХ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯХ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ХАНТЫ- МАНСКИЙСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ОКРУГА В ПАРТИЙНО- СОВЕТСКОЙ ПЕЧАТИ ПРЕДВОЕННОГО ВРЕМЕНИ	
А. Г. Киселев	107

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ИНДУСТРИАЛЬНОГО ТУРИЗМА В СТАРОПРОМЫШЛЕННЫХ РЕГИОНАХ Н. Ф. Апарина, Н. В. Кавкаева.....	112
ИНДУСТРИАЛЬНЫЙ ТУРИЗМ В ЮГРЕ Е. В. Шуляк	118
ИНДУСТРИАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ 2.0: РАЗВИТИЕ ИНТЕРНЕТ- СЕРВИСОВ ДЛЯ УПРАВЛЕНИЯ ПРОМЫШЛЕННЫМ ТУРИЗМОМ Т. О. Сундукова, Г. В. Ваныкина	121
РУДНИК И ОЗЕРО ТЕЛЬБЕС КАК ОБЪЕКТЫ ИНДУСТРИАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ – КУЗБАССА О. С. Андреева, А. Д. Доренская, Н. Т. Егорова	126
Историко-культурное наследие Западно-Сибирского нефтегазового комплекса	131
ПУТЕШЕСТВИЕ В СТРАНУ НЕФТИ: К ИЗУЧЕНИЮ ПОВСЕДНЕВНОСТИ СИБИРСКОГО ФРОНТИРА М. Ф. Ершов, С. Б. Акименко	131
ВАХТОВЫЕ ПОСЁЛКИ КАК ОБЪЕКТЫ ИНДУСТРИАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ ЮГРЫ: СОВРЕМЕННОСТЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ Б. А. Середовских	137
К ИСТОРИИ ОДНОГО ПАМЯТНИКА (ТЮМЕНСКАЯ ОПОРНАЯ СКВАЖИНА КАК ОБЪЕКТ ИСТОРИКО- КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ЗАПАДНО-СИБИРСКОГО НЕФТЕГАЗОВОГО КОМПЛЕКСА) М. В. Комгорт	143
ПРОБЛЕМА ВЕДОМСТВЕННОГО ГОРОДА В ЗАПАДНО- СИБИРСКОМ НЕФТЕГАЗОВОМ КОМПЛЕКСЕ И. Н. Стась	149
ИНДУСТРИАЛЬНОЕ ОСВОЕНИЕ СЕВЕРА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ К. С. Барабанова.....	156

ИНДУСТРИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ЮГРЫ В СЕР. 1960–1980-Х ГГ.	
Д. В. Кириллук	159
«А ЕСТЬ ЛИ НЕФТЬ?»: ГЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИЗЫСКАНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ СУРГУТСКОГО РАЙОНА В 1930-Е ГГ.	
Э. Р. Юскаев	165
Индустриальный стандарт в освоении Сибири в XX веке и влияние трансформаций на судьбы коренных народов Севера	173
ИНДУСТРИАЛЬНЫЙ СТАНДАРТ ОСВОЕНИЯ СИБИРСКОГО СЕВЕРА (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XX В.)	
Е. И. Гололобов	173
ЗАКОНЫ ВЗАИМНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ: ОБЫЧНОЕ ПРАВО И СОЦИАЛЬНЫЕ СТАНДАРТЫ ПРОМЫШЛЕННЫХ КОМПАНИЙ	
Н. И. Новикова	177
ЭТАПЫ ИНДУСТРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ СИБИРСКОГО РЕГИОНА В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД	
А. И. Тимошенко	183
ИНДУСТРИАЛЬНОЕ ОСВОЕНИЕ СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА: ПРОЕКТЫ И ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ	
М. С. Мостовенко	187
РЫБНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И ВЕДОМСТВЕННЫЙ ПОДХОД В ОСВОЕНИИ ОБСКОГО СЕВЕРА (1940–1950 ГГ.)	
А. С. Иванов	192
СИБИРСКИЕ «СПЕЦЫ» (ПРОЕКТ СОЗДАНИЯ КНИГИ ПАМЯТИ СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ, СОСЛАННЫХ В ТОМСКУЮ ОБЛАСТЬ)	
В. Н. Уйманов	193
ЦЕНА ВОПРОСА О ЗЕМЛЕ	
О. Г. Корниенко (Быстрыкова)	200

МЕСТО ИНДУСТРИАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ В ПРИРОДНОМ И КУЛЬТУРНОМ НАСЛЕДИИ РОССИИ

ИНДУСТРИАЛЬНЫЕ ПРИОРИТЕТЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

О. В. Лыскова

*Саратовский государственный технический университет
имени Гагарина Ю. А. (Саратов), olga.lysikova@inbox.ru*

Н. П. Лыскова

*Саратовский национальный исследовательский
государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
(Саратов), 450885@list.ru*

Региональная культура представляет собой совокупность культурных взаимодействий и взаимовлияний, в результате которых формируется некоторая общность, владеющая системой ценностей, особым языком, ментальностью, определёнными видами деятельности, а также необходимыми условиями для экономического, социального и культурного развития территории. Приоритетное место в культуре региона занимает его экономическая составляющая, которая включает природный и производственный потенциал, население и трудовые ресурсы, в совокупности предопределяющие развитие данной территории и благосостояние населения. Интенсивность и противоречивость глобальных и локальных процессов, происходящих в разных сферах жизни и деятельности современного социума, влияют и на состояние региональной культуры Саратовского Поволжья, которая благодаря уникальности ментальной конструкции, неповторимости конфигурации её характеристик, культурному многообразию и своеобразием, объединяющим проживающую общность, индустриальному потенциалу сохраняет свои стратегические преимущества и имеет серьёзные перспективы роста.

Значительную роль в развитии аграрно-индустриального региона играют открытие, разработка, экспорт, переработка полезных ископаемых. Саратовская область располагает достаточными ресурсами многих видов полезных ископаемых, позволя-

ющими удовлетворять как собственные потребности, так и обеспечивать вывоз ряда из них за её пределы. Саратовская область является одной из старейших нефтегазодобывающих территорий России, в ней производится 1,8 % всей добываемой нефти Поволжья, 17 % природного газа. В настоящее время нефтегазовая добыча базируется в основном на эксплуатации 69 мелких месторождений с большим коэффициентом обводнённости и малыми дебитами нефти на скважинах. Однако районы добычи характеризуются достаточно высоким ресурсным потенциалом, превышающим 270 млн тонн нефтееквивалента, неглубоким залеганием основных нефтегазоносных комплексов и довольно высокой степенью изученности.

Генезис освоения месторождений в Саратовском крае связан с деятельностью профессора Бориса Александровича Можаровского, ставшего лучшим выпускником геологической школы Московского университета 1909 года, учеником знаменитого русского геолога, академика А. П. Павлова. Благодаря разработкам Б. А. Можаровского в 1941 году было открыто Елшанское газовое месторождение, осенью 1942 года первый газопровод соединил месторождение и СарГРЭС, большинство саратовских и эвакуированных оборонных заводов стали работать на местном топливе, а в 1946 году был запущен важнейший газопровод Саратов – Москва, значение которого в послевоенные годы сложно переоценить (Иванов, 2004).

Особый вклад в приближение Великой Победы внесли сотрудники научных лабораторий, исследовательские группы, учёные вузовских кафедр, научные разработки и открытия которых стали прорывными и имели огромное оборонное значение. За годы войны Саратовский государственный университет выполнил более 1000 анализов для предприятий, завершил свыше 500 исследований, представил более 1500 научно-технических заключений и 2000 консультаций по изобретениям. Так, было дано заключение об использовании местных месторождений фосфористых глин, анализе нескольких сортов угля, что имело стратегическое значение. Рецепты зажигательных смесей, известные как «коктейль Молотова», были разработаны на кафедре неорганической химии, возглавляемой профессором Я. Я. Додоновым. Они успешно использовались для уничтожения вра-

жеской бронетехники, в том числе «Тигров» и «Пантер». Основоположник саратовской химической школы, член-корреспондент АН СССР, профессор В. В. Челинцев разработал проект невоспламеняющегося костюма, создал новый метод получения бензина, при этом выход продукта стал вдвое больше, что дало возможность снабжать фронт горючим.

Саратовский государственный технический университет был открыт 90 лет назад, в 1930 году, как Саратовский автодорожный институт, переименованный позднее в Саратовский политехнический институт, а затем в Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю. А. В годы Великой Отечественной войны коллектив Саратовского автодорожного института внёс достойный вклад в дело победы над врагом. Преподаватели, студенты и сотрудники внесли весомую лепту в создание оборонительных сооружений вокруг города, оказывали помощь размещённым в Саратове многочисленным военным госпиталям. Продолжая готовить инженеров, институт выполнял научные разработки, имевшие оборонное значение.

Большую роль в обеспечении обороны сыграли теоретические и прикладные разработки профессоров института: А. П. Кахцазов занимался восстановлением массивных опор, В. Л. Бойницкий – маскировкой военных и промышленных объектов оборонного значения, коллектив кафедры автомобилей и двигателей во главе с доцентом Г. К. Бутовским разработал газовую топливную аппаратуру, позволившую перевести транспортные двигатели на местное газовое топливо, А. И. Ключков совершенствовал схему перевода автомобилей на твёрдое топливо и сжиженный газ. Профессора Б. А. Берг и К. С. Терецкий занимались методами расчётов по механике грунтов и скоростного конструирования дорожных покрытий. В 1942 году по проекту директора института И. И. Прокофьева и заведующего кафедрой производства и ремонта автомобилей доцента Н. С. Решетникова открылись авторемонтные мастерские Юго-Западного фронта. Проведя обследование, коллектив кафедры мостов и строительства дал заключение по 250 искусственным оборонительным сооружениям.

Важное место в открытии месторождений, их освоении и подготовке кадров специалистов для нефтегазодобывающей отрасли занимают геологический факультет и геологический колледж Са-

ратовского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского и кафедры «Геоэкологии и инженерной геологии» института урбанистики, архитектуры и строительства Саратовского государственного технического университета имени Гагарина Ю. А. Серьёзное подспорье в освоении студентами учебного материала, повышении профессионального уровня выпускников, сохранении каменного материала, собранного во время производственных практик и геолого-съёмочных работ, просветительской деятельности, профориентации школьников оказывает региональный музей земледения и музей естествознания, открытие которого состоялось 9 октября 2010 года и было приурочено к празднованию 80-летия Саратовского государственного технического университета. Формирование и развитие музейных коллекций и экспозиций Музея естествознания связано с подвижнической деятельностью А. В. Иванова, И. А. Яшкова, О. Д. Смилевца.

Плодотворную работу по сохранению исторической памяти, просвещению и профориентации молодёжи проводит Музей Трудовой славы Саратовского нефтеперерабатывающего завода, входящего в настоящее время в состав «Роснефти». В его экспонатах и стендах отражается история развития основанного 27 апреля 1934 года завода, создание основных видов продукции. В музее собрана богатая коллекция предметов, отражающая памятные даты и разные периоды деятельности завода, а также раскрывающая индустриальный потенциал региональной культуры, связанный с переработкой нефти. Экспонаты музея условно поделены по десятилетиям. Значительная их часть посвящена 1930-м годам и связана с генезисом предприятия. Представлено много фотографий, которые показывают сложный период строительства будущего завода, продукты, производимые заводом. Кроме бензина на заводе производили также мазут, крекинг-мазут и моторное топливо из бакинского сырья. Сотрудники музея с гордостью отмечают, что каждый шестой мотор на фронте работал на саратовском топливе. В музее рассказывается и об истории завода в годы Великой Отечественной войны. Тогда завод подвергался массированным бомбардировкам. В музее сохранилась карта поражений объектов завода. В 1942–1943 годы погибло около 700 рабочих этого предприятия. Завод был разрушен практически до основания и быстро восстановлен в рекордно короткие сроки.

Большую просветительскую и профориентационную работу с молодёжью проводят краеведческие музеи региона, знакомящие посетителей как с культурными достижениями области, так и с её индустриальными приоритетами. Саратовский областной музей краеведения разработал образовательные, просветительские, досуговые программы, знакомящие с природными богатствами края, его геологией, археологией, промышленностью. Сотрудники Новоузенского краеведческого музея на занятиях со школьниками рассказывают о своеобразии растительного и животного мира, истории, заселении, промыслах района. Особое внимание уделяется развитию орошения, возникновению первоцелинных совхозов. Самойловский краеведческий музей ориентирован на работу по формированию патриотического воспитания и чувства «малой родины». С этой целью организованы выставки «Уголки природы чудной», «Символ края моего», «Творение души и рук», «Возвращение к истокам». Экспозиции и выставки Марковского музея краеведения повествуют о большом вкладе жителей города в приближение Победы как на военных фронтах, так и в тылу. В течение одного месяца завод тяжёлого машиностроения «Коммунист» по распоряжению Народного Комиссара переориентировал своё производство на выпуск боеприпасов. Культурные и индустриальные приоритеты региональной культуры раскрывают в своих лекциях, экскурсиях, выставках, экспозициях сотрудники музея истории города Балаково, краеведческих музеев Аткарска, Аркадака, Красноармейска, историко-краеведческого музея Калининска.

Особыми темами в контексте индустриальных приоритетов региональной культуры являются перспективы развития индустриального туризма в мегаполисе посредством эстетической реконструкции туризма в городском пространстве, систематизации индустриальных объектов для показа и рассказа в ходе экскурсионной деятельности (Лысикова, 2014). Индустриальный туризм является ресурсом городской регенерации и улучшения качества жизни местного населения. Музеи промышленной истории под открытым небом, экскурсии для местных жителей и туры выходного дня для гостей города по специально разработанным маршрутам являются перспективными направлениями индустриального туризма в Саратове.

Таким образом, индустриальные приоритеты региональной культуры в настоящее время остаются в центре внимания научно-исследовательской, учебно-методической, просветительной, воспитательной, профориентационной работы университетского и музейного сообществ, потому что именно они закладывают основы социально-экономического развития Саратовской области и благосостояния местных жителей.

Литература

1. Иванов А. В. Борис Александрович Можаровский: наследие ученого // Известия Саратовского университета. Новая серия. – 2004. – Т. 4. – № 1–2. – С. 4–11.
2. Лысикова О. В. Индустриальный туризм в городском пространстве: кейс-стади Саратова // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. – 2014. – № 1. – С. 38–48.

РОЛЬ ПРОМЫШЛЕННОЙ АРХИТЕКТУРЫ 1920-Х – НАЧАЛА 1950-Х ГГ. В ФОРМИРОВАНИИ АРХИТЕКТУРНО-ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОГО ОБЛИКА ГОРОДОВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

С. С. Духанов

*Научно-исследовательский институт теории и истории
архитектуры и градостроительства,
филиал «ЦНИИП Минстроя России» (Москва), ssd613@ngs.ru*

В рассматриваемый период развитие городов Западной Сибири шло под мощным влиянием доминировавшего в то время в СССР ведомственного подхода. С началом индустриализации во второй половине 1920-х гг. и вплоть до запрещения в середине 1950-х гг. размещать крупные промышленные предприятия в существующих городах, города Западной Сибири формировались по принципу организации промышленно-селитебных районов. Это был период доминирования ведомственных застройщиков и ведомственных проектных организаций. Характерное для ведомственного подхода стремление подчинить город своему градообразующему предприятию не только в организационно-финансовом, но и в архитектурно-планировочном отношении, во многом предопределило ту особую роль, которую промышленная архитектура сыграла в формировании облика городов Западной Сибири.

Роль промышленных застройщиков и проектных организаций, а также созданной ими промышленной застройки, определялась следующими факторами.

1. Во-первых, тяжёлая промышленность имела приоритетное финансирование, и необходимые денежные средства более или менее полно выделялись лишь на промышленное строительство союзного значения. Так, строительство Первого Кузнецкого металлургического комбината Наркомата тяжёлой промышленности СССР обошлось в 600 млн руб., на создание при нём социалистического города Сталинска требовалось свыше 1 млрд руб., но к 1935 г. было выделено и освоено немногим более 100 млн (ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 1866. Л. 1 об.; ГАНО.

Ф. Р-12. Оп. 3. Д. 1011. Л. 38, 43). Соответствующими были и архитектурно-градостроительные результаты.

Если города-новостройки Западной Сибири первых пятилеток представляли собой неблагоустроенные территории со стихийно сложившейся планировкой и барачной застройкой, то территории заводов, напротив, – огромные промышленные ансамбли, застроенные и благоустроенные куда более цельно и комплексно. Когда в публикациях первых пятилеток говорилось о «новом архитектурном облике» городов Западной Сибири, как правило, речь всегда шла о заводах. Именно многоэтажные каменные цеха и огромные металлические агрегаты градообразующих предприятий, а вовсе не бараки, олицетворяли архитектуру будущего и формировали «архитектурное лицо» городов региона в 1920-х – первой половине 1930-х гг. К началу 1950-х гг. многие западносибирские архитекторы были убеждены: «промышленное предприятие тоже может оформлять город» (ГАНО. Ф. Р-1444. Оп. 1. Д. 81. Л. 57–58).

Проблема полноценного финансирования гражданского строительства сохраняла свою остроту и в послевоенное десятилетие. Строились промышленные предприятия и их рабочие посёлки, а ансамбли общегородского значения из многоэтажных зданий башенного типа, призванные композиционно «собрать» города Западной Сибири, напротив, так и не были построены. Роль высотных доминант городов в 1950-х гг. снова играли инженерные объекты – такие, как, например, металлические радио- и телебашни в Новосибирске и Кемерово (ГАНО. Ф. Р-1444. Оп. 1. Д. 81. Л. 53).

2. Во-вторых, благодаря ведомственному подходу к ландшафту промышленные районы получили в структуре городов Западной Сибири особую роль. С целью экономии затрат на инженерную подготовку ведомства в период первых пятилеток подчиняли функциональное зонирование будущих городов (их распределение на районы) морфологии ландшафта. В соответствии с региональной спецификой последнего, в Западной Сибири промышленные и жилые районы получали удлинённую форму и располагались параллельно друг к другу и торцами к долине крупной реки. В результате жилые районы новых промышленных предприятий в Сталинске, Новосибирске, Кемерово

и других крупных городах региона оказывались развернуты своими «фасадами» (длинными сторонами) не на Иртыш, Обь или Томь, а на свой промышленный район. В этих условиях комплексная застройка градообразующего предприятия становилась «одним из наиболее выигрышных фасадов города» (ГАРФ. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 7882. Л. 39, 64).

Так как жилые и промышленные районы соприкасались длинными сторонами и были на всём протяжении разделены природными и антропогенными препятствиями (речками, оврагами, железными дорогами), значимую роль в облике городов стали играть потребовавшиеся в значительном числе инженерные сооружения – виадуки, путепроводы и т. п. – парадные «входы» и «въезды» в промышленные районы.

3. В-третьих, особое положение проектных организаций промышленных предприятий сделало их одним из важнейших проводников новых архитектурно-градостроительных идей в Западную Сибирь, где до начала индустриализации отсутствовали крупные проектные организации. Крупнейшие промышленные стройки имели всесоюзное значение, а штаты их проектировщиков комплектовались выпускниками ведущих архитектурных вузов страны. Благодаря этому в творчестве проектных отделов промышленных организаций нашли отражение важнейшие архитектурные течения того времени. В составе проектных бюро первых пятилеток – Сибугля, Кузбасстроя, Сибирского и Новосибирского отделений Горстройпроекта и др. – было много сторонников конструктивизма. В послевоенное десятилетие в Западной Сибири работали представители неоклассических течений: сторонники школы академика И. В. Жолтовского проектировали для Новосибирского завода химических концентратов (НЗХК), представители ленинградской школы, архитекторы Ленгипростроя – для Сибирского химического комбината в Томске и т. д.

Благодаря тесной связи промышленного и гражданского строительства промышленных предприятий, ведущие архитектурные течения, прежде всего авангарда, нашли отражение и в промышленной архитектуре. Для 1920–1930-х гг. характерны авангардные по облику и яркому цветовому решению цеха завода «Красный пахарь» в Омске, конструктивистские и функцио-

налистские цеха и многоквартирные дома Кузнецкого металлургического и Барнаульского меланжевого комбинатов. Для послевоенного десятилетия показательно сходство архитектурного и стилистического решений административных и культурно-бытовых построек ряда заводов (НЗХК и Тяжстанкогидропресс в Новосибирске, Нефтеперерабатывающий завод в Омске) с застройкой их же рабочих посёлков. Как правило, эти объекты проектировались одними и теми же архитекторами.

Благодаря финансовым возможностям ведомственных застройщиков именно в промышленном строительстве получили распространение уникальные для своего времени решения и инженерные объекты. Таковы, например, сооружения 1920-х – начала 1930-х гг.: автогужевой тоннель под Кузнецким металлургическим заводом или подвесная дорога через Томь к Кемеровскому коксохимическому комбинату.

Литература

1. Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. Р-12. – Оп. 3. – Д. 1011.
2. ГАО. Ф. Р-47. – Оп. 1. – Д. 1866.
3. ГАО. Ф. Р-1444. – Оп. 1. – Д. 81.
4. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-314. – Оп. 1. – Д. 7882.

К ПРОБЛЕМЕ АССИМИЛЯЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА ТУНДРОВЫХ СООБЩЕСТВ ПРИ РАЗМЕЩЕНИИ ОТХОДОВ БУРЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ ЯНАО

М. П. Матвеев

*Саратовский государственный технический университет
им. Ю. А. Гагарина, ООО «АКРОС» (Саратов),
matveevmp@gmail.com*

Е. И. Тихомирова

*Саратовский государственный технический университет
им. Ю. А. Гагарина (Саратов), tichomirova_ei@mail.ru*

Ямало-Ненецкий автономный округ относится к числу регионов с активным промышленным освоением территории: как следует из ежегодных «Докладов об экологической ситуации...», издаваемых Департаментом природно-ресурсного регулирования, лесных отношений и развития нефтегазового комплекса Ямало-Ненецкого автономного округа (ЯНАО) (Доклад, 2020), площадь земель промышленности и др. за последние 12 лет засвидетельствовала практически двукратный рост (с 131,4 до 234,5 тыс. га или на 36 % в период 2012–2018 гг.), при том что рост площади ООПТ по имеющимся данным показывает, в целом, более слабую динамику (с 6113 до 8325 тыс. га или на 36 % в период 2012–2019 гг.). Идёт освоение 238 открытых месторождений углеводородного сырья (93 – разрабатываемых, 145 – находящихся в стадии геологоразведки), площадь лицензионных участков, где производится нефтегазодобыча, составляла 270 тыс. км², т. е. 37 % территории ЯНАО.

Неотделимым от процесса бурения являются как процесс использования различных по составу буровых растворов, так и сопряжённый процесс образования буровых отходов (к которым относятся буровой шлам, отработанный буровой раствор, буровые сточные воды). Буровой шлам является поликомпонентной суспензией, имеющей в своём составе все применяемые в используемом буровом растворе хим. реагенты. Их спектр и, соответственно, уровень опасности бурового шлама различен и определяется используемой технологией бурения (Опекунов, 2015). При строительстве одной скважины глубиной до 3000 м образуется

от 1000 до 3000 м³ жидких отходов (Солодовников, Солодовникова, 2019) – бурового шлама, отработанного бурового раствора, буровых сточных вод. Централизованный сбор этих отходов производится в шламовом амбаре, в подавляющем большинстве случаев – расположенного на той же площадке, что и буровая. Важнейшими составляющими содержимого шламовых амбаров являются вода (45,1 %) и твёрдая фаза (51,4 % суммарно, 30,0 % из которых – выбуренная порода) (Скипин, 2014).

Согласно нашей работе (Матвеев, Сверчков, 2019) средняя площадь шламового амбара одной кустовой площадки ЯНАО составляет 0,31 га, средняя проектная вместимость – 5338 т; эти показатели отличаются в большую сторону по сравнению со средними по РФ (площадь – 0,25 га; средняя наполненность – 500 м³). Показана корреляция между объёмом добычи углеводородного сырья (нефти и газового конденсата) и числом шламовых амбаров, учтённых государственными службами на территории региона (0,724 и 0,733 соответственно).

В связи с прогнозируемым для РФ снижением добычи нефти не ранее 2030–2040-х годов и ростом добычи природного газа к 2040 году на 29,5 % (Отчёт, 2019), а также установленной тесной (0,7117) корреляционной связи между объёмами бурения и добычи нефти (Лебедев, 2014) представляется очевидным, что по мере исчерпания легкодоступных запасов, общий объём бурения в регионе будет возрастать, что приведет к росту объёмов отходов бурения и увеличению техногенных рисков ввиду их размещения в высокоширотных регионах арктических и субарктических тундр.

В прикладной экологии под ассимиляционным потенциалом (АП) окружающей природной среды (ОПС) принято понимать её способность воспринимать, самостоятельно обезвреживать и перерабатывать различные антропогенные воздействия в определённых масштабах без изменения своих основных параметров в неопределённо длительной перспективе (Лунева, 2017). Наличие АП обусловлено конечностью срока существования большинства токсических соединений; благодаря протеканию в ОПС физико-химических и биологических процессов происходит их распад и включение в биогеохимический цикл. Эти процессы обуславливают наличие АП, как особого вида природно-ресурсного потенциала (Янаев, 2012).

Недостаток тепла и избыток влаги, низкая ёмкость биологического круговорота, небольшое количество растительного опада, его замедленная гумификация и минерализация – всё это определяет главные черты геохимических процессов и почвообразования арктических тундр в целом (Зональные типы..., 2003). В полной мере перечисленные факторы можно отнести к определяющим величину АП рассматриваемого региона.

Общеизвестно то обстоятельство, что географическое распределение элементов биоты любого региона и Земли в целом определяется климатом (Коновалов, 2013). В то же время не менее известным фактом является и то, что все элементы климата (ЭК) тесно связаны друг с другом (Гашев, 2018). В ЯНАО, где природные комплексы отличаются неустойчивостью (вследствие низкой теплообеспеченности и замедленного биологического круговорота веществ), вопросы влияния климата на биоразнообразие имеют большое значение для экологического прогнозирования (Коновалов, 2015).

А. А. Коноваловым в его работах делаются следующие выводы:

- начиная с уровня классов количество таксонов перестает зависеть от климата, становится примерно постоянным и одинаковым во всех БКК;
- общая формула зависимости параметров биоты севера Тюменской области (количество видов, родов, семейств животных и растений; продуктивности; биомассы) практически линейна:

$$Y = A\Sigma_{>0} + B,$$

где Y – общее обозначение биотических параметров, A и B – эмпирически найденные численные коэффициенты (для наиболее ценных в рамках нашего исследования продуктивности и биомассы A равно 0,006 и 0,17 соответственно; B равно 0; коэффициент детерминации R^2 – 0,98 и 0,96 соответственно), $\Sigma_{>0}$ – сумма положительных температур (градусосутки).

Найденные закономерности подтверждают тезисы о затухании активности биоты по мере продвижения к высоким широтам, о большей уязвимости ОПС арктической и субарктической зоны ЯНАО к хозяйственной деятельности и перспективны для дальнейшего моделирования АП в широтной закономерности.

Настоящей работой показаны следующие положения:

1. Ожидается продолжение роста нагрузки на ОПС ЯНАО от воздействия нефтегазодобычи в среднесрочной перспективе вне воздействия изменения конъюнктуры рынка УВ.

2. Ввиду низкой продуктивности биоты арктической и суб-арктической зоны все виды техногенных воздействий будут наносить больший ущерб ОПС, чем при аналогичных работах в средней полосе. Рекультивационные мероприятия также будут отличаться высокой трудоёмкостью и затратностью.

3. Учитывая возможное выпадение доходов недропользователей от падения цен и спроса на УВ, предлагается проработка темы об усилении контроля за исполнением рекультивационных мероприятий и интенсификации проведения данных работ.

Представляется перспективным дальнейшее изучение затронутой темы в плане численного моделирования АП ОПС ЯНАО.

Литература

1. Гашев С. Н. о характере взаимодействия элементов биоты и климата в Западной Сибири / С. Н. Гашев, А. А. Коновалов, М. Н. Казанцева // Вестник Тюменского государственного университета. – 2018. – Т. 4. – № 2. – С. 108–125.

2. Доклад об экологической ситуации в Ямало-Ненецком автономном округе. Салехард, 2020 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dprg.yanao.ru/documents/74512/> (дата обращения 22.08.2020).

3. Зональные типы биомов России: антропогенные нарушения и естественные процессы восстановления экологического потенциала ландшафтов / под ред. К. М. Петрова. СПб, 2003. – 246 с.

4. Коновалов А. А., Распределение и иерархия биотических таксонов на территории Тюменской области / А. А. Коновалов, С. Н. Гашев, М. Н. Казанцева // Аграрная Россия. – 2013. – № 4. – С. 17–21.

5. Коновалов А. А. Аппроксимации климатической зависимости биоты на севере Тюменской области / А. А. Коновалов [и др.] // Вестник кибернетики. – 2015. – № 1. – С. 11–23.

6. Лебедев А. С. Исследование причинно-следственных связей изменения показателей развития нефтедобывающей отрасли /

А. С. Лебедев // Инновации в управлении региональным и отраслевым развитием: мат. Всероссийской с международным участием научно-практической конференции / ТюмГУ. – Тюмень, 2014. – С. 189–196.

7. Лунева Е. В. Правовая сущность ассимиляционного потенциала окружающей среды: постановка проблемы // Юрист. – 2017. – № . 11. – С. 30–35.

8. Матвеев М. П. Эколого-технологические аспекты образования и размещения отходов бурения в ЯНАО: к проблеме реабилитации арктических тундровых экосистем / М. П. Матвеев, А. А. Сверчков // Бурение и нефть. – 2019. – № . 9. – С. 56–58.

9. Опекунов А. Ю. Оценка загрязнения почв отходами буровых работ на территории ЯНАО / А. Ю. Опекунов, М. Г. Опекунова [и др.] // IV международная научная экологическая конференция (с участием экологов Азербайджана, Армении, Беларуси, Германии, Грузии, Казахстана, Киргизии, Латвии, Ливана, Молдовы, Приднестровья, России, Словакии, Узбекистана и Украины / КГАУ. – Краснодар, 2015. – С. 443–448.

10. Отчет о мониторинге Прогноза научно-технологического развития отраслей ТЭК России на период до 2035 года в 2019 году [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://minenergo.gov.ru/node/6366> (дата обращения 20.04.2020).

11. Скипин Л. Н. Техногенное воздействие шламовых амбаров на окружающую среду полуострова Ямал / Л. Н. Скипин // Вестник Красноярского государственного аграрного университета. – 2014. – № 11. – С. 146.

12. Солодовников А. Ю. К вопросу утилизации отходов производства и потребления на предприятиях нефтегазового комплекса / А. Ю. Солодовников, З. А. Солодовникова // Наука сегодня: реальность и перспективы: материалы международной научно-практической конференции / ООО «Маркер». – Вологда, 2019. – С. 158.

13. Янаев Э. М. Описание подхода к определению ассимиляционного потенциала как показателя экологической оценки городских территорий // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. – 2012. – № . 75. – С. 1–10.

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ КАК СИСТЕМНЫЙ ЭЛЕМЕНТ ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПОД ИНВЕСТИЦИОННЫЙ ПРОЕКТ

М. В. Дмитриева

*Угутский краеведческий музей имени П. С. Бахлыкова
(Угут), dochimacho@yandex.ru*

Историко-культурное наследие мы, современные люди, зачастую воспринимаем как предметы, находящиеся в музейных комплексах, либо как признанные памятники недвижимого наследия. На самом деле это не совсем так. Наша среда буквально соткана из исторических единиц, которые мы не идентифицируем зачастую как историческую ценность: остовы зданий и сооружений эпохи индустриального развития, мостовые, скверы, набережные, историческая память о событиях, людях, явлениях, представляющих конкретную территорию во времени. А между тем, все эти составляющие могли бы отвечать современному запросу людей – запросу на самоидентификацию территории и человека на ней как части целого и индивидуально особенного.

Обратимся к новейшей истории музееведения. Недалеко ушли времена (отметим репер 1991 г.), когда наши музеи представляли формационную теорию развития общества и отвечали задачам пропаганды строительства нового общества. Не буду давать оценку этим событиям, но отмечу, что она, конечно, неоднозначна. И вот с 1991 года, года формирования постсоветского общества возникла острая общественная проблема – проблема исторической и социальной самоидентификации постсоветского человека. И, прежде всего, вербально она вылилась в поиски новых путей развития отрасли культуры: от сетевой трансформации до включения инновационных методологий и подходов в работе учреждений и междисциплинарного пула специалистов, ориентированных на создание общественных связей. Эта трансформация коснулась в первую очередь музейной сети РФ, т. к. именно музеи являются отражением того, что происходит в исторической канве представляемого ими общества. Ярким образцом этих перемен явилась территория Урала.

Как отмечает Щинова Ольга Владимировна, «за период с 1991 по 2005 годы музейная сеть Урала выросла более чем в три раза и включала в себя около 230 музеев, в том числе и филиалы» (Щинова, 2012).

Отмечу, что это общая тенденция для развития всей музейной сети РФ данного периода: люди хотели оформить вербально свою укоренённость и значимость на той земле, где проживали. Со временем это породило некоторые проблемы с финансированием вновь созданной сети: как государственной, так и муниципальной её частей.

Сегодня музейная сеть вновь претерпевает изменения. Эти изменения носят административный характер: идёт объединение структур, оптимизация штатной численности сотрудников, введение новых досуговых форматов деятельности музеев. Безусловно, что об увеличении музейной сети в ближайшие десятилетия говорить не приходится. Пока сложно сказать, результат с каким знаком мы получим на выходе: «+» или «-», но одно сказать можно точно: идею наличия и включённости историко-культурного наследия нужно выводить на новый уровень и за пределы классического музейного пространства, представлять через новые форматы.

В контексте всего сказанного можно предложить идею формирования историко-культурной тематики как составляющей части инвестиционного девелоперского проекта.

Обская цивилизация (акватория р. Обь, в нашем случае Средняя Обь) с древнейших времен и до сегодняшнего дня несёт в своей макрокультуре элемент менталитета Большой Воды. Аналоговый менталитет можно прочесть у жителей территорий других крупных водных артерий России: Иртыш, Волга, Дон, Финский залив и пр. Человек по возможности стремится обживать эти акватории через строительство рекреационных зон, промышленных объектов.

И здесь видится интересным и перспективным формирование инновационного формата недвижимости рекреационного характера – сети дачных агломераций на воде в пределах исторического уреза уровня воды, т. е. на побережье естественного водоёма.

Исторические аналоги мы видим в уже существующем виде недвижимости – эллингах.

Теперь несколько из истории развития эллингов как типа современной недвижимости. Слово, произошедшее от нидерландского *helling*, означает помещение, предназначенное для строительства крупных объектов. Большая Советская Энциклопедия это слово трактует следующим образом: «1) сооружение на берегу моря, реки или озера, оборудованное для строительства судов. Э. является основной частью судостроительной верфи, отчего последнюю иногда также называли Э. В Э. размещаются наклонные к воде дорожки – стапели, на которых производится закладка и сборка корпусов, а также спуск судов. Различие между Э. и стапелем в значительной мере стёрлось, термин «Э.» стал употребляться главным образом как название перекрытий над стапелем. Открытые Э. имеют иногда горизонтальные стапельные площадки, на которые судно переводится с помощью тележек. На современных больших судостроительных заводах сборка судов производится в Э., напоминающих сухие Доки. 2) Э. судоремонтный – сооружение для вытаскивания судов на берег с целью ремонта или осмотра корпуса. 3) Помещение на гребной станции, оборудованное для хранения и мелкого ремонта спортивных судов, вёсел и другого инвентаря. 4) Сооружение для постройки, хранения и ремонта дирижаблей. В отличие от судостроительных, эти Э. не имели стапелей, строились полностью закрытыми и снабжались системой сборочных устройств и фиксаторов для сборки и последующей подвески дирижаблей в верхней части Э. В 70-х гг. некоторые страны имели небольшие Э. и причальные мачты для обслуживания лёгких дирижаблей полужёсткого типа» (Макаров, 1978).

Таким образом, мы видим, что эллинги изначально трактуются как элемент промышленного пула сооружений. Но, в постсоветское время частные эллинги стали довольно быстро трансформироваться в гостиницы для приезжающих туристов (наиболее известен пример черноморского и азовского побережий) и позже как частные места для отдыха (Санкт-Петербург, Калининград).

Сегодня эллинги – это небольшие комфортабельные коттеджи со всей необходимой инфраструктурой.

Особенности и достоинства:

- Доступная практически для любого отдыхающего ценовая категория.
- Возможность остановки на совсем непродолжительное время, что позволяет не задерживаться надолго и объездить как можно больше мест.
- Развитый при необходимости сервис: кафе, рестораны, игровые площадки, образовательный сегмент и прочее.
- Размещение у самой береговой линии, что позволяет всецело насладиться отдыхом на воде.

В современных курортных городах эллинги образуют целые посёлки, которые представляют собой ряды построек, разделяемых между собой узкими улочками. Подобные курортные поселения обычно находятся в отдалении от оживлённых мест, но имеют всю необходимую инфраструктуру для комфортного проживания отдыхающих: магазины, парковки, аптеки и различные места для развлечений. Номера же в них практически не отличаются от гостиничных апартаментов.

Думается, что с некоторыми поправками данный тип недвижимости интересен для бассейна югорских Оби и Иртыша. Безусловно, Югра – не территория традиционных туристических маршрутов, но она обладает внутренним запросом на подобный тип водной инфраструктуры. Сегодня практически во всех крупных городах Югры существует такая единица инфраструктуры, как лодочные гаражи. Существующий набор услуг, который предлагает данная инфраструктура, владельцев подобных гаражей не устраивает, и они говорят о необходимости создания яхт-клубов на территории крупных городов. Кроме того, в Югре очень развито и пользуется спросом от года к году дачное домовладение, т. е. люди много времени проводят на природе у себя, не выезжая за пределы своей территории проживания. Поэтому, думается, что предлагаемый формат недвижимости интересен под реализацию внутри региона.

Таким образом, видится перспективным проектом застройка сети дачных эллингов на территории основных водных артерий округа.

Примерный пул тематических реперов, к примеру, Сургутского района, возможных к включению в круг туристического использования под внутренний формат с тематическим обозначением историко-культурной значимости:

- п. г. т. Белый Яр – Белоярская Пристань
- с. п. Угут, д. Юган – Юганская цивилизация
- д. Тундрино, п. Высокий Мыс – Таёжное село
- с. п. Локосово – Обское село
- д. Русскинская – Люди Божьей реки
- г. Лянтор – Пимская культура

В Сургуте будет интересен Сургутский порт, Сургутский речной вокзал, Сургутский рыбоконсервный завод.

Таким образом, мы вводим в современную инфраструктуру региона историческую тему на новом витке развития, восстанавливаем утраченные символы через формирование инфраструктуры под современные запросы общества. Как уже обозначено, бассейн сургутской Оби получил бы развитие исторической памяти таких известных инфраструктурных и промышленных брендов, как Сургутская Пристань, Сургутский речной вокзал, Сургутский порт, Сургутский рыбоконсервный завод.

Напомним, что обязательным сегментом дачных эллингов являются публичные пространства типа кают-компаний с включением активного сегмента социального характера (тематическая экспозиция, интерактивная экспозиция по переработке дикоросов (обработка орехов, рыбы и т. д.), т. е. по сути – это стандартные музейные экспозиции традиционного и интерактивного характера.

Что же от этого приобретает сфера историко-культурного наследия региона?

1. Расширение сети тем, освящённых в публичном пространстве;

2. Расширение площадей экспозиционного музейного пространства за счёт привлечения площадей частного сектора;

3. Увеличение количества посетителей музейных экспозиций за счёт большей доступности и близости к посетителю.

Следует отметить, что предлагаемый проект является масштабируемым и клонируемым, т. е. он может быть разных объ-

ёмов как единиц сети, так и единиц внутри отдельного дачного эллинга. Также, как уже отмечалось, подобная агломерация сети дачных эллингов может быть реализована в любой точке РФ при наличии у населения менталитета «большой воды».

Литература

1. Макаров С. Я. Большая советская энциклопедия. – М.: Советская энциклопедия, 1969, 1978.

2. Щинова О. В. Музейная сеть Урала в постсоветский период // в мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии: сб. ст. по матер. XV междунар. науч.-практ. конф. – Новосибирск: СибАК, 2012.

ОТРАЖЕНИЕ ЭКОЛОГО-ГУМАНИСТИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ НАРОДОВ СЕВЕРА И ДЕТЕЙ НА ПРИМЕРЕ АРХЕОПАРКА «САМАРОВСКИЙ ОСТАНЕЦ»

И. И. Хабибуллина

*Югорский государственный университет
(Ханты-Мансийск), ilgizka-habibullina@mail.ru*

Значение скульптуры в жизни человечества сложно переоценить, произведения авторов разных веков дают нам представление о тех временах, в которых они создавались. По сути, скульптура – отражение действительности, «замершая жизнь», кусок безжизненного материала, в который ваятель вложил душу.

На территории Ханты-Мансийского автономного округа действует множество этнических музеев, включая экспозиции под открытым небом (Молданова, 2014). «Самаровский останец» является одним из любимых мест жителей г. Ханты-Мансийска (Ткачёв и др., 2018); скульптурные образы животных и людей отражают идею семейных ценностей и преемственности поколений; в образе человека запечатлена главная особенность древних культур – неразрывная связь с природой, осуществляемая на интуитивном уровне. Культурно-историческая составляющая представлена наличием в этом месте артефактов, связанных со стоянками первобытных людей, геологическими отложениями, которые датируются четвертичным периодом, отражением традиционных культур Севера и их представлениями об экологии, гуманности, поведении в мире природы, что закреплялось на уровне обычного права и иных социальных норм.

Значительная ценность и уникальность археопарка состоит в культурно-образовательном и воспитательном воздействии на его посетителей: практически все скульптурные группы, представленные там, – это семьи с детенышами или детьми. Детский мир восприятия отличается особой впечатлительностью, особыми красками и проективностью воздействия. Таким образом, археопарк содействует социализации, а наиболее значительное влияние в этом плане происходит в детские годы (Сенягина, 2013).

Археопарк является отражением духовной культуры коренных малочисленных народов Севера, их экологических пред-

ставлений и неразрывной связи с природой, а это особенно актуально в условиях политики по сохранению этих культур.

Изображение первобытных людей таково, что они не кажутся «царями природы», а, наоборот, максимально вписаны в природу. Примечательно, что группа первобытных людей изображена в нижнем ярусе археопарка: действительно, в традиционной культуре хантов женщинам репродуктивного возраста запрещено подниматься на второй или последующий ярусы жилища или подобного природного ландшафта (Дробышев, 2011). Таким образом, археопарк формирует у посетителей особое отношение к человеческой культуре, к пониманию своего места в широких связях с окружающей природой.

«Самаровский останец» является не только ведущим туристским объектом в г. Ханты-Мансийске и Югре, но и местом отражающих идею семейных ценностей. При восприятии скульптурного творения у зрителя возникает желание прикоснуться к нему рукой, почувствовать его объём и трёхмерность. В процессе восприятия прекрасного формируется у детей эстетическое, нравственное чувство, вкус, уважение к искусству. Расширяется кругозор ребенка, так как это искусство несёт определённую информацию.

Литература

1. Ткачев Б. П., Зайцева А. В., Ткачева Т. В. Расчет экологического следа в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре // Успехи современного естествознания. 2018. – № 11–2. – С. 395–399.

2. Дробышев А. Н. Музейный парк как форма презентации археологического наследия: Автореф. дис. ... канд. культурологии. Кемерово, 2011. – 289 с.

3. Молданова Т. А. Этнографические музеи под открытым небом: хранилища материальных ценностей или живые очаги культуры? // Вестник угроведения. 2014. – № 2 (17). – С. 170–172.

4. Молданова Т. А. Этническая культура в детских этнических стойбищах Югры // Вестник угроведения. – 2014. – № 4 (19). – С. 116–123.

5. Сенягина А. И. Значение искусства скульптуры в нашей жизни // Успехи современного естествознания. – 2013. – № 8. – С. 86–87.

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АППАРАТ И МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ ИНДУСТРИАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ

ОСВОЕНИЕ, ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ, СТАНДАРТЫ ОСВОЕНЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ

Г. Ю. Колева

*Тюменский индустриальный университет (Тюмень),
gukoleva@gmail.com*

Термин «освоение» достаточно часто употребляется применительно к территориям, включаемым или некогда включавшимся в хозяйственный оборот, подчинённый государственным целям. Термин «освоение» всегда соотносится с «новыми» для хозяйственной жизни пространствами. И исходными условиями для начала процесса, обозначаемого этим термином, должны быть: удалённость территории от сложившегося в государстве центра, её слабая заселённость, недостаточная включённость в хозяйственную жизнь. Освоение, как нам представляется, в выше обозначенном контексте, следует рассматривать с учётом разных его стадий. Первая стадия предполагает освоение – первоначально как исследование, вторая стадия – как включение территории в систему экономических связей и отношений. Освоение, как знакомство с территорией, осуществлялось в рамках специально организуемых теми или иными заинтересованными силами, группами лиц, а в последующем и государством, походами, экспедициями, с более узкими или более широкого масштаба задачами, как, например, присоединение территории к своим владениям, организация промыслов, извлечение выгоды через сбор дани, ясака.

Специальные научные исследования, которые в России отмечались в первой половине XVIII в., содержали задачи географического, геологического, гидрографического, этнографического изучения территорий и т. д. Полученные результаты чаще всего были связаны с закреплением открываемых земель в составе государства, в остальном географические открытия длительное время не имели практического приложения, хотя вели к

проникновению на новые земли предприимчивых промысловиков. Так, итоги Великой Северной экспедиции 1733–1743 гг. позволяли узнавать пределы Российской империи и открывать новые земли, включать их в состав российской империи, но ни заселения, ни хозяйственного освоения Новой Земли, Земли и островов Земли Франца Иосифа, как полуострова Таймыр, и т. д. в тот период не последовало. На многие десятилетия остались нетронутыми уникальные записи Миллера, которые он составил, продвигаясь по Иртышу и его притокам, подробно описывая поселения по берегам этой великой сибирской реки. Однако, нельзя не отметить, что во второй половине XVIII в. прослеживалось заселение территории через высылку крестьян. Но любого рода научные исследования, как первая стадия освоения территории, создавали лишь условие перехода к хозяйственному освоению, которое должно предполагать заселение территории, создание устойчивых поселений, расширение на этих территориях активной хозяйственной деятельности.

Индустриальное освоение – более сложная стадия освоенческой практики той или иной территории. Оно предполагает создание новых отраслей промышленности, заселение через привлечение новых групп населения, включённых в индустриальный процесс, строительство городов и посёлков, соответствующих стадии индустриального развития, и конечно, в обязательном порядке, создание системы транспортных коммуникаций, а не использование тех путей, которые порождались самой природой. Но в любом варианте освоение территории подчиняется государственным целям, осуществляется с целью обслуживания экономических, финансовых интересов государства.

Стандарт освоенческой практики определяется целями государства, степенью изученности территории, наличием на ней созданной в результате предварительных исследований той или иной ресурсной базы, степенью значимости этой ресурсной базы для реализации тех или иных государственных целей. Зачастую, значительное влияние на содержание практики и темпы осуществляемых процессов освоения той или иной территории оказывает не столько фактор внутренний, сколько внешний. Строительство Транссибирской железнодорожной магистрали, осуществлявшееся в XIX в. на длительном историческом про-

межутке, несомненно содействовало хозяйственному освоению огромных восточных пределов Российской империи, активизировало экономическую жизнь многих городов, оказавшихся на её пути, содействовало включению их в индустриальное развитие. Но её строительство определялось прежде всего геополитическими амбициями российских властителей.

Внешнеполитический фактор, преобладающий в причинах подступа к освоению территорий, может быть связан с геополитическим противостоянием в той или иной сфере, с экономическими и политическими амбициями государства, может диктоваться экономической конкуренцией на мировой арене, ожиданием существенной экономической, финансовой выгоды. Освоение территории всегда подчиняется неким масштабным целям государства. Так, договорённости с государствами Юго-Восточной Азии в 1960-е гг. породили активность в расширении освоенческой практики дальневосточных рубежей СССР. Началось строительство Байкало-Амурской магистрали, как одного из возможных путей продвижения наших ресурсов к берегам Тихого океана. Последующий срыв договорённостей, в частности, с Японией, а затем и осложнение отношений с Китаем, привели к тому, что темпы работ стали замедляться. Начатый проект потерял свою актуальность. Намеченное освоение пространств в связи с реализацией этого масштабного проекта не состоялось. В современных условиях достижение новых соглашений и подписание договоров со странами Северо-Восточной Азии вновь вывели на повестку дня проблемы освоения Дальнего Востока.

Влияние внешнеполитического фактора на подступ к освоению сложных по природно-климатическим условиям территорий, удалённых от центра, не имеющих сложившейся системы транспортный коммуникаций, имеет самое существенное значение. Территории нового хозяйственного, или индустриального освоения, связанные с созданием новых отраслей промышленности требуют существенных финансовых, материальных ресурсов, перемещения больших масс населения. Реализация процесса сопровождается формированием сложной производственной инфраструктуры, созданием строительного производства и промышленности строительных материалов и конструкций, объектов жилищного и культурного бытового назначения. Фи-

нансовые затраты государство должно предполагать окупить в недалёком будущем, получаемыми доходами.

Сложнейшим проектом индустриального освоения территории стало создание Западно-Сибирского нефтегазодобывающего района, начатое в 1960-е гг. Индустриальное освоение территорий северо-западной части Западной Сибири, с 1944 г. соотносимой с Тюменской областью, знает в XX в. про две основные фазы. Первая начинается с 1920-х гг., продолжается по 1950-е гг., характеризуется развитием лесозаготовительной отрасли, созданием системы леспромпхозов, развитием поселений, привязанных к ним, строительством железной дороги Ивдель-Обь (Колева, 2007, с. 128, 129). Рождение лесозаготовительной отрасли обуславливалось структурой советского экспорта, в котором вывозка древесины с начала 1920-х гг. занимала 2-е место. Параллельно развивалась рыбная промышленность, увязанная с рыбопереработкой и созданием рыбоконсервных комбинатов, первый из которых в пределах севера Тобольской губернии был создан ещё в 1882 г. (Колева, 2005, с. 49). С начала 1960-х гг. началось развитие нефтяной и газовой отраслей промышленности, создание нового для страны нефтегазодобывающего района (Колева, 2007), что также диктовалось внешнеполитическими обстоятельствами: проблемами мирового нефтегазового противостояния в рамках Холодной войны, необходимостью обеспечения нефтью и газом наших союзников по социалистическому блоку, потребностью в валюте, не только для решения внутренних проблем, но и для решения ряда внешнеполитических задач. В стандарте освоения в рамках второго этапа индустриального освоения территории северо-западной части Западной Сибири: создание новых отраслей, строительного производства, промышленности строительных материалов, транспортных коммуникаций – в виде железных и автомобильных дорог, развитие авиационного сообщения, создание городов, число которых за вторую половину XX в. выросло с 7 до 29, рост числа населения, при самых высоких или одних из самых высоких темпах в стране. В 2000-е гг. на территории ЯНАО, как части Тюменской области, начался новый этап индустриального освоения территории, связанный с активным освоением Арктической зоны, вводом в эксплуатацию месторождений Бованенско-

го, Русского, Мессояхского и ряда других, строительством заводов Ямал СПГ, строительство крупного морского порта в Сабетте и т. д. Что также корнями уходит в конкуренцию в сфере производства СПГ, дальнейшего отстаивания позиций в Арктике, укрепления портов на Северном морском пути и т. д. (Колева, 2019, с. 10–11).

Опыт последних десятилетий в практике включения территорий в активную хозяйственную жизнь отразил создание невероятных выгодных условий для экономической деятельности зарубежных корпораций. Реализация нефтегазовых проектов на Сахалине через соглашения о разделе продукции (СРП) – Сахалин-1 и Сахалин-2 привела к обеспечению лидирующего положения зарубежных компаний (американской, индийской, японской компании с общей долей в 80 % в проекте Сахалин-1, длительное время 100 % владению акциями Shell (55 %) и 2 японских компаний в проекте Сахалин-2). Отчисления в бюджет Сахалинской области осуществлялись, но выступления в Хабаровске последнего времени обозначили и зависимость Дальнего Востока от высоких цен на топливо, диктуемых американской компанией, а также российского сырья, полученного на о. Сахалин.

Литература

1. Колева Г. Ю. Создание Западно-Сибирского нефтегазового комплекса в практике хозяйственного освоения Западной Сибири (1964–1989 гг.). Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук / Томский государственный университет. Тюмень, 2007. В 2-х т. – Т. 1. – 379 с. – С. 128, 129.

2. Колева Г. Ю. Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс: история становления. В 2-х ч. – Тюмень: ТюмГНГУ, 2005. – 152 с. – С. 49.

3. Колева Г. Ю. Создание Западно-Сибирского нефтегазового комплекса в практике хозяйственного освоения Западной Сибири (1964–1989 гг.). Автореф. дис. ...доктора исторических наук / Томский государственный национальный университет. Томск, 2007. – 39 с.

4. Колева Г. Ю. Основные этапы освоения арктических зон северо-западной части Западной Сибири // Вестник Ямало-Ненецкого автономного округа. – 2019. – № 4(105). – С. 4–11.

**ДИНАМИКА БАЛАНСА ЗЕМЕЛЬ
КАК ИНДИКАТОР УСТОЙЧИВОГО
ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ ЗАСТРОЕННЫХ
И ЗАСТРАИВАЕМЫХ ТЕРРИТОРИЙ РОССИИ –
МАТЕРИАЛЬНЫХ НОСИТЕЛЕЙ
ОБЪЕКТОВ ИНДУСТРИАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ¹**

А. П. Сизов

*Московский государственный университет геодезии
и картографии (Москва)*, ar_sizov@mail.ru*

Т. В. Илюшина

**, tilyushina@yandex.ru*

О. В. Миклашевская

**, miklashevski2004@yandex.ru*

С. А. Атаманов

**, uvcfeut@miigaik.ru*

З. С. Косаруков

**, kosarukovzs@gmail.com*

1. Введение

Поиск критериев, с помощью которых возможен надлежащий анализ результатов пространственного развития территорий, обуславливает актуальность работы. Нами установлено, что пространственное развитие территорий возможно диагностировать при помощи исчисления величины их средоформирующего потенциала, функционально зависящего от баланса угодий земель на конкретной территории (Сизов А. П., 2018). Целью исследования было уточнение возможностей методов анализа системы статистической информации для характеристики результатов пространственного развития территорий и совершенствование количественных методов исчисления показателей, связанных с оценкой состояния и использования земель.

¹ Статья выполнена в рамках государственного задания 0708-2020-0001 Минобрнауки России.

В последнее пятилетие в России принципиально изменилась перспективная цель регулирования земельно-имущественных отношений, формулируемая в настоящее время как обеспечение комплексного устойчивого пространственного развития государства как геополитической единицы современного монадиалистского, по А. Г. Дугину, мира на фундаментальной основе цифровой пространственной информации. Причиной изменений стала принципиально иная международная обстановка. Задача удержания огромных территорий при постоянном оттоке населения с периферии в центральную часть страны невозможна без правильного научно-методического обеспечения пространственного развития.

Словосочетание «пространственное развитие» встречается достаточно часто, хотя его содержательное наполнение в разных источниках весьма различно (Мезенина, 2019; Стребкова, 2018). Развитию застроенных территорий посвящена ст. 46.1 Градостроительного кодекса Российской Федерации (Градостроительный кодекс..., 2004). Но, из смысла термина ясно, что именно пространственное развитие обеспечивает развитие страны, государства в целом. Без него любое развитие будет ограниченным в пространственно-временном континууме. Европейским советом в целях совершенствования системы государственного планирования принята Европейская хартия регионального/пространственного планирования – первый документ по пространственному развитию, определивший тематику дальнейших международных исследований и ставший базисом выработки «Основопологающих принципов устойчивого пространственного развития европейского континента». В хартии введено понятие «spatial planning» (пространственное планирование), позволившее формализовать ряд задач эффективного планирования и развития территорий на современном уровне информатизации и разработки инфраструктуры пространственных данных (ИПД) на национальном и межгосударственном уровнях (The European regional/spatial planning charter..., 1983). В концепции европейской перспективы пространственного развития (ESDP), именно пространственное планирование придаёт географическое выражение совокупности экономической, социальной, культурной и экологической политикам общества, современ-

менный пространственный подход позволяет формализовать и интегрировать разнородную информацию. Введённое понятие в разных странах реализуется в соответствии со спецификой национальной истории формирования информационных ресурсов и разработкой национальной ИПД.

Для России характерна ситуация государственного централизованного подхода к задачам планирования развития государства и регионов. Процесс урбанизации стимулирует развитие географических основ природопользования в «стране городов» и роль градостроителей, поэтому градостроительное регулирование должно основываться на принципах экологически ориентированного природопользования (Карфидова, 2016). Пока же в нашей стране консолидированный и системный экологический подход в постановке задач территориального планирования отсутствует.

2. Постановка задачи и методы исследования

Под пространственным развитием территорий мы будем понимать деятельность по развитию территорий РФ, в том числе её субъектов, муниципальных образований, городов и иных поселений, осуществляемую в виде формирования национального геоэкономического пространства путём организации производственной (промышленной, сельскохозяйственной и иной), градостроительной, социально-экономической и иной деятельности. Научные принципы пространственного развития сформулированы нами (Абросимов, 2018)

В настоящем исследовании акценты поставлены на землях застроенных и застраиваемых территорий. Именно эти земли, относящиеся к 2-й и 3-й категориям земель, перечисленных в Земельном кодексе, являются материальным носителем, пространственным базисом для размещения подавляющего большинства объектов индустриального наследия как исторически ценной составляющей всей совокупности производственных/промышленных зданий и сооружений.

Пространственное развитие территорий может быть как *экстенсивным* (например, размещать увеличивающееся количество жителей в городе, увеличивая площадь земель застройки при неизменной этажности зданий), так и *интенсивным* (размещать увеличивающееся количество жителей в городе, увеличи-

вая этажность зданий при неизменной или даже снижающейся площади земель застройки). В систему комплексной оценки состояния и использования земель включаем следующие интегрирующие показатели:

- как природного объекта – показатели оценки качества земель;
- как природного ресурса – показатели оценки эффективности использования земель в части динамики средоформирующего потенциала территорий;
- как недвижимого имущества – показатели кадастровой оценки земель и собираемости земельных платежей.

Реализация развития территорий различна в зависимости от категорий земель.

«Физическим» результатом пространственного развития территорий является изменение баланса земель (по категориям или по угодьям). Обычно увеличивается абсолютная площадь земель застройки, а площадь земель сельскохозяйственного назначения и лесопокрытых, как правило, уменьшается. В конкретных ситуациях возможны иные варианты, но в любом случае для определённого технологического уклада достигается оптимальный баланс земель, устойчивый для некоторого более или менее длительного периода. Скачкообразное изменение баланса земель связано, в большинстве случаев, со сменой очередного технологического уклада.

Показатели динамики баланса земель мы предлагаем разделить на две группы:

- «пассивные» показатели – изменения долей отдельных категорий земель и отдельных видов угодий от суммарной площади территории за определённый промежуток времени;
- «активные» показатели – изменения долей отдельных видов угодий в составе отдельной категории земель от суммарной площади данной категории земель за определённый промежуток времени (возможен, но менее информативен, расчёт доли земель отдельных категорий в составе отдельного вида угодий от суммарной площади данного вида угодий).

Использовались методы информационно-логического анализа в предметной области землепользования и прямого счёта. Исходя из нашего неизменного научного кредо «минимум исходной информации (по возможности, простой и доступной) – максимум обоснованных обобщений (по возможности, убедительных и понятных)», сделана попытка на основе легко доступных открытых данных, ежегодно публикуемых Росреестром, с минимальными затратами получить воспроизводимые результаты, отражающие динамические процессы развития территории РФ. Такой подход апробирован нами при исследовании результатов государственного земельного надзора в РФ (Сизов, 2019). Осуществлён опыт анализа динамики «активных» показателей на уровне РФ в целом за период 2011–2017 гг. Исходная репрезентативная информация о балансе земель в формате распределения угодий по землям двух наиболее динамично изменяющихся категорий подготовлена по актуальным сведениям Росреестра (Сведения ..., 2018), имеющимся в открытом доступе.

3. Обсуждение результатов

Изменения абсолютных площадей земель различных категорий и угодий (в единицах площади) неудобны для оценки динамики баланса, лучше воспользоваться относительными показателями (удельными, в расчёте на единицу площади, выраженными в долях от единицы или в процентах) (табл. 1, 2)

Таблица 1. Динамика долей различных угодий от площади земель населённых пунктов (%)

Угодья	2011	2015	2017	Результат
Сельскохозяйственные	47,54	47,57	47,69	прирост: ↑
Лесные земли	10,14	10,23	10,17	~ const
Земли застройки	17,81	18,16	18,17	прирост: ↑
Под дорогами	9,65	9,39	9,36	убывание: ↓
Нарушенные земли	0,49	0,48	0,48	~ const

Таблица 2. Динамика долей различных угодий от площади земель промышленности и иного специального назначения (%)

Угодья	2011	2015	2017	Результат
Сельскохозяйственные	6,51	6,63	6,69	прирост: ↑
Лесные земли	24,45	23,96	23,93	убывание: ↓
Земли застройки	5,32	5,52	5,66	прирост: ↑
Под дорогами	10,70	10,56	10,53	убывание: ↓
Нарушенные земли	2,19	2,35	2,40	прирост: ↑

Рациональное объяснение ситуации с не слишком большими, но устойчивыми изменениями заключается в следующем. Баланс земель как по категориям, так и по угодьям в столь большом по территории государстве, как РФ, весьма устойчив, и не может быть иным, так как значительная часть территории практически не используется в хозяйственной деятельности. Только длительное и планомерное пространственное развитие территории РФ может существенно изменить количественные данные баланса земель в целом по стране.

Следствием мизерности изменения долей угодий в составе земель различных категорий является наше предложение о том, что показатели динамики угодий в составе различных категорий земель должны использоваться в качестве количественных критериев развития отдельных субъектов РФ и отдельных территорий с особым статусом, в первую очередь тех, в которых происходит более интенсивная хозяйственная деятельность, связанная с пространственным развитием. Вероятно, оптимальным будет применение показателей динамики угодий в составе различных категорий земель при оценке развития территорий муниципальных образований и населённых пунктов (Сизов, 2018; Абросимов, 2017; Липски, 2018); кроме того, важным для дальнейших исследований представляется исследование взаимосвязей между показателями динамики угодий и факторами, определяющими скорость такой динамики.

Были также рассчитаны скорости изменения долей различных угодий от площади земель различных категорий для периода с 2011 по 2017 г. (табл. 3).

Этот простой, но надёжный показатель предлагается использовать в качестве интегрирующего для оценки развития и

ранжирования территорий одного уровня при наличии сведений за одинаковый период времени.

Таблица 3. Скорости изменения долей различных угодий от площади земель различных категорий (%/год).

От площади земель категории	Сельскохозяйственные угодья	Лесные земли	Земли застройки	Под дорогами	Нарушенные земли
населённых пунктов	0,03 ↑	const	0,06 ↑	-0,05 ↓	const
промышленности и иного специального назначения	0,03 ↑	-0,09 ↓	0,06 ↑	-0,03 ↓	0,04 ↑

С 2011 по 2017 гг. доля земель населённых пунктов от всего земельного фонда в РФ увеличилась с 1,15 % до 1,19 %, промышленности и иного специального назначения – увеличилась с 0,99 % до 1,02 %. Эта динамика соответствует современным российским представлениям о пространственном развитии территорий, но развитие это – экстенсивное.

Информативным показателем динамики баланса земель является достаточно парадоксальное увеличение доли сельскохозяйственных угодий в составе земель обеих рассмотренных категорий. Это обусловлено как абсолютным приростом сельскохозяйственных угодий, так и снижением доли земель сельскохозяйственного назначения в земельном фонде РФ. Определённую роль сыграло и включение в границы РФ территории Крыма, богатого сельскохозяйственными угодьями. Однако данный факт свидетельствует не столько о развитии земель обеих рассмотренных категорий, а, скорее, об их деградации.

Доля лесных земель немного, но чётко уменьшилась в составе земель промышленности и иного специального назначения. Это показывает, что «источником» новых сельскохозяйственных угодий для земель сельскохозяйственного назначения служат лесные земли (в современных условиях тенденция допустимая). Убыль лесных земель из земель промышленности и иного специального назначения относительная (за счёт более

существенного увеличения площади последних), в абсолютных величинах в этой категории земель существует небольшой прирост лесных земель, снижение количества которых, пока не наблюдаемое, было бы экологически не целесообразным.

В составе земель населённых пунктов и промышленности и иного специального назначения несколько возросла доля земель застройки, но уменьшилась доля земель под дорогами. Этот факт свидетельствует о несбалансированном развитии указанных категорий земель. Кроме того, в составе земель промышленности и иного специального назначения несколько возросла доля нарушенных земель, не снижающаяся и на землях другой категории, что подтверждает известный факт недостаточности осуществления работ по рекультивации земель.

4. Выводы

1. Пространственное развитие территории РФ возможно диагностировать при помощи исчисления величины средоформирующего потенциала, функционально зависящего от баланса угодий земель на конкретной территории. Приоритетными показателями динамики баланса земель следует считать «активные» показатели – доли различных видов угодий в составе отдельных категорий земель от суммарной площади данной категории земель.

2. Показатели динамики угодий корректнее применять для оценки развития территорий муниципальных образований и населённых пунктов с более интенсивной хозяйственной деятельностью, связанной с пространственным развитием.

3. В качестве интегрирующего оценочного показателя для ранжирования территорий по их пространственному развитию предлагается использовать скорость изменения долей различных угодий от площади земель различных категорий, %/год.

4. С 2011 по 2017 гг. доля земель населённых пунктов от всего земельного фонда в РФ увеличилась с 1,15 % до 1,19 %, промышленности и иного специального назначения увеличилась с 0,99 % до 1,02 %, что соответствует экстенсивному пространственному развитию указанных территорий, являющихся материальным носителем, пространственным базисом для размещения подавляющего большинства объектов индустриального наследия как исторически ценной составляющей массива производственных/промышленных зданий и сооружений.

5. В этот же период доля сельскохозяйственных угодий в РФ постепенно возрастала в составе земель обеих рассмотренных категорий со скоростью 0,03 %/год, что свидетельствует о деградации указанных земель.

6. Доля лесных земель несколько уменьшилась в составе земель промышленности и иного специального назначения (–0,09 %/год). Именно лесные земли послужили «источником» новых сельскохозяйственных угодий для земель сельскохозяйственного назначения. В абсолютных же величинах убыль лесных земель из земель населённых пунктов и промышленности и иного специального назначения отсутствует.

7. В составе земель населённых пунктов и промышленности и иного специального назначения несколько возрастает доля земель застройки (0,06 %/год), но снижается доля земель под дорогами (от –0,03 до –0,05 %/год), что свидетельствует о несбалансированном развитии обеих категорий земель. В составе земель промышленности и иного специального назначения возросла доля нарушенных земель (0,04 %/год), не снижающаяся и на землях населённых пунктов, что свидетельствует о недостаточности работ по рекультивации земель.

Литература

1. Сизов А. П. Оценка средоформирующего потенциала территории населённых пунктов при осуществлении государственного мониторинга земель // Геодезия и картография. – 2018. – № 6. – С. 43–50.

2. Мезенина О. Б. Развитие территорий муниципальных образований: цель, проблемы, предложения / О. Б. Мезенина, Д. А. Шаповалов // Московский экономический журнал. – 2019. – № 3. – С. 17–25. Mezenina, O. B. Development of municipal territories: purpose, problems, proposals / O. B. Mezenina, D. A. Shapovalov // Moscow economic journal. – 2019. – № 3. – P. 17–25.

3. Стребкова А. Н. Развитие застроенных территорий [Электронный ресурс] / А. Н. Стребкова // Молодой ученый. – 2018. – № 47. – С. 293–295. – Режим доступа: URL <https://moluch.ru/archive/233/54190/> (дата общ.: 08.05.2019). Strebkova, A. N. Development of built-up areas [Electronic resource] / A. N. Strebkova // Young scientist. – 2018. – № 47. – P. 293–295.

– Access mode: URL <https://moluch.ru/archive/233/54190/> (accessed: 08.05.2019).

4. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 190-ФЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51040/ (дата обр.: 08.05.2019). Town-planning code of the Russian Federation of 29.12.2004 № 190-FL [Electronic resource].

5. The European regional/spatial planning charter (Torremolinos Charter) (20.05.1983). [Electronic resource].

– <https://rm.coe.int/6th-european-conference-of-ministers-responsible-for-regional-planning/168076dd93>;

<http://vasilievaa.narod.ru/mu/csipfo/kpr/frames/guide/erchapregspatplann.htm>.

Европейская хартия регионального / пространственного планирования: принята на VI Конференции министров пространственного планирования (СЕМАТ) в Торремолиносе, Испания 20.05.1983). [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

<https://rm.coe.int/6th-european-conference-of-ministers-responsible-for-regional-planning/168076dd93>;

<http://vasilievaa.narod.ru/mu/csipfo/kpr/frames/guide/erchapregspatplann.htm> (дата обр.: 08.05.2019).

6. Карфидова Е. А. Необходимость геоэкологических исследований в стратегическом и среднесрочном планировании / Е. А. Карфидова, А. П. Сизов. – в кн.: Сергеевские чтения. Инженерная геология и геоэкология. Фундаментальные проблемы и прикладные задачи. Юбил. конф., посв. 25-летию образования ИГЭ РАН. Отв. редактор В. И. Осипов. М., 2016. – С. 753–758. Karfidova E. A. The Need for geoecological studies in strategic and medium-term planning / E. A. Karfidova, A. P. Sizov. – In the book: Reading memories Sergeyev. Engineering Geology and geoecology. Fundamental problems and applied problems. Anniversary conference dedicated to the 25th anniversary of the IGE RAS. Responsible editor V. I. Osipov. M., 2016. – P. 753–758.

7. Абросимов В. В. Избранные проблемы и перспективные вопросы землеустройства, кадастров и развития территорий – 2017: Коллективная монография / В. В. Абросимов, Е. И. Аврунёв, О. М. Антонова, С. А. Атаманов, И. А. Басова и др.; под ред. А. П. Сизова. – М.: Русайнс, 2018. – 262 с. Abrosimov V. V. Select-

ed problems and future issues of land management, cadastre and territory development – 2017: Collective monograph / V. V. Abrosimov, E. I. Avrunyov, O. M. Antonova, S. A. Atamanov, I. A. Basova etc.; under the editorship A. P. Sizov. – M.: Ruscience, 2018. – 262 p.

8. Сизов А. П. Опыт использования методов математической статистики при анализе результатов государственного земельного надзора // Геодезия и картография. – 2019. – Т. 80. – № 10. – С. 55–64.

9. Сведения о наличии и распределении земель в Российской Федерации на 01.01.2012; на 01.01.2016; на 01.01.2018 [Электронный ресурс]. – Официальный сайт Росреестра. Режим доступа:

<https://www.rosreestr.ru/site/activity/sostoyanie-zemel-rossii/gosudarstvennyy-natsionalnyy-doklad-o-sostoyanii-i-ispolzovanii-zemel-v-rossiyskoy-federatsii/> (дата обр.: 08.05.2019). Data on availability and distribution of lands in the Russian Federation for 01.01.2012; 01.01.2016; 01.01.2018 [Electronic resource]. – Official website of Rosreestr.

10. Липски С. А. Правовое обеспечение земельного надзора (контроля) и мониторинга земель / С. А. Липски. – Саратов : Изд-во «Ай Пи Эр Медиа», 2018. – 140 с. Lipsky S. A. Legal support of land supervision (control) and monitoring of land / S. A. Lipsky. – Saratov: PH “IPR Media”, 2018. – 140 p.

МИРОВОЕ ИНДУСТРИАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ: К ВОПРОСУ О ТЕРМИНОЛОГИИ ИЗУЧЕНИЯ И СОХРАНЕНИЯ¹

Е. В. Алексеева

*Институт истории и археологии Уральского отделения
РАН (Екатеринбург), alekseeva167@mail.ru*

Ревалоризация индустриального наследия как особая исследовательская дисциплина и как практическое направление деятельности активно развивается в последние десятилетия. К её актуальным вопросам относятся разработка методологии изучения и сохранения индустриального наследия с опорой на эвристически продуктивный понятийный аппарат. Существующее понятийное поле требует анализа, фиксации и разработки терминологии, что предполагает выявление и сведение в единую систематизированную базу понятий и дефиниций. В данном небольшом тексте обозначены лишь некоторые из них.

Терминология отражает существующий в государстве подход к проблеме наследия в целом, задаёт направления её конкретных решений. Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» № 73-ФЗ (2002 г.) содержит общие понятия и основные механизмы работы с культурным наследием, включая в него, среди прочих, объекты науки и техники. Видами сохранения объектов культурного наследия полагается *консервация* (защита от быстрого разрушения), *ремонт* памятника (поддержание в эксплуатационном состоянии), *реставрация* памятника или ансамбля (выявление и сохранение ценности), *приспособление* (создание условий) для современного использования.

В англоязычном мире с 1970-х гг. и до рубежа XX–XXI вв. практически параллельно употреблялись термины *industrial archaeology* (индустриальная археология) и *industrial heritage* (индустриальное наследие). В настоящее время первый из них ско-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Свердловской области в рамках научного проекта № 20-49-660009. «Индустриальное наследие Большого Екатеринбурга: методология изучения, принципы презентации, актуализация ценности».

рее имеет коннотацию с методами работы, в то время как второй объемлет более широкое понятие, равнозначное французскому *patrimoine industrielle* (индустриальное наследие). В Швеции интерес к сохранению промышленных зданий и окружающей их среды, существенно выросший с 1980-х гг., выражается термином *industriminnen* (индустриальное наследие).

Авторитетным ориентиром для исследователей региональных примеров индустриального наследия (Alekseev V., Alekseeva E., 2011) является подход и терминология, используемая профильными организациями. Согласно Нижнетагильской хартии, принятой Международным комитетом по сохранению индустриального наследия (ТICCIH) в 2003 г., *индустриальное наследие* включает в себя остатки индустриальной культуры (зданий и механизмов, мастерских, заводов и фабрик, шахт и площадок для переработки и обработки; складских помещений и магазинов; мест, где производилась, передавалась и использовалась энергия; транспорта и его инфраструктуры; жилья, объектов религиозного служения или образования), которые имеют историческую, технологическую, социальную, архитектурную или научную ценность. Подходящим и экономически эффективным способом обеспечения сохранности промышленных зданий в Нижнетагильской хартии названа *симпатическая адаптация* (*sympathetic adaptation*) и *повторное использование* (*reuse*). Допускается возможность *адаптации* (*adaptation*) индустриального объекта к *новому использованию* (*new use*) в целях обеспечения его сохранения (The Nizhny Tagil Charter...).

Согласно Дублинской хартии, утверждённой 17 Генеральной ассамблеей ИКОМОС в 2011 г., *индустриальное наследие* состоит из структур, комплексов, территорий и ландшафтов, а также соответствующего оборудования, объектов или документов, которые свидетельствуют о прошлых или текущих процессах промышленного производства, добыче сырья, превращении их в товары и связанной с ними энергетической и транспортной инфраструктуры, оно отражает глубокую связь между культурной и природной средой, включает в себя как материальные активы, так и нематериальные измерения, такие как технические ноу-хау, организация труда работников, а также сложное социальное и культурное наследие, которое сформировало жизнь

сообществ и привело к серьёзным организационным изменениям во всех обществах и в мире в целом. Дублинская хартия ставит вопрос о методах обеспечения эффективной охраны и сохранения структур индустриального наследия, объектов, территорий и ландшафтов. Соответствующее оригинальное или альтернативное и адаптивное использование (*adaptive use*) полагается наиболее распространённым и зачастую самым целесообразным способом сохранения объектов индустриального наследия (Joint ICOMOS – TICCIH Principles...).

Тайбэйская декларация по индустриальному наследию Азии, принятая на конгрессе TICCIH в 2013 г., расширила определение индустриального наследия для Азии, включив в него технологии, оборудование и производственные мощности, построенные сооружения и искусственно созданную среду периодов *до* и *после* индустриальной революции, подчеркнув специфику функционирования азиатской промышленности с учётом разнообразия местностей и этносов. Декларирована гибкость стратегий и методов сохранения наследия в целях обеспечения устойчивого развития промышленного наследия в Азии, которые допускают адаптивное повторное использование (*adaptive reuse*) промышленного наследия для новых функций, не в ущерб сбережению его ценности, с учётом мнения людей относительно судеб наследия (Taipei Declaration...).

Англоязычные градостроители, архитекторы, девелоперы активно используют термин *adaptive reuse*, который определяется как «процесс преобразования здания для использования, отличного от того, для которого оно было спроектировано» (Mugtagh W. J., 1997). Термин проник и в российский дискурс, под *адаптацией* промышленных территорий уральские специалисты предлагают понимать комплекс мероприятий, направленных на их приспособление к реальным или ожидаемым изменениям в политической, экономической, природной и социальной сферах жизнедеятельности общества с целью эффективного использования и повышения качества городского пространства (Попов А. В., Демидова Е. В., 2014).

С эвристической точки зрения термин *повторное использование* (*reuse*) не слишком продуктивен, поскольку не даёт достаточно глубокого понимания целей и последствий адаптации

старой структуры к новым функциям, а само понятие использовалось со времён индустриальной революции, так как бывшие промышленные постройки с давних пор находили новое применение и использовались вновь (Stratton M., 2000). Большой ценностный смысл несёт термин *восстановление* (rehabilitation), трактуемый, например, американской Службой национальных парков как «акт или процесс создания возможности сочетаемого использования имущества путём ремонта, изменения и дополнения при сохранении тех частей или элементов, которые передают его исторические, культурные или архитектурные ценности». Реабилитация в этом смысле более продуктивна по сравнению с простым *сохранением*, которое определяется как «акт или процесс применения мер, необходимых для поддержания существующей исторической формы, целостности и материалов» (The Secretary of the Interior's Standards..., 1995).

Применительно к стратегиям работы с индустриальным наследием в англоязычном мире применяются термины *industrial heritage conservation and regeneration* (сохранение и возрождение индустриального наследия). Программа «регенерации через наследие» (regeneration through heritage), запущена в Великобритании в 1998 г. принцем Уэльским с целью «способствовать осознанию возможностей в сфере промышленного наследия» в противовес «комплексной перепланировке», ведущей к его тотальному уничтожению. С принцем Чарльзом также связаны другие инициативы по сохранению и новому использованию исторических промышленных зданий (*conservation and reuse of heritage industrial buildings*). Оживление (*regeneration*) территории «запускается» восстановлением ключевых зданий (например, переоборудованием складов под офисы – *refurbishment of the warehouse for offices*), дальнейшим драйвером развития выступает коммерческий рынок (A speech by HRH The Prince of Wales..., 1999).

Стремление к реализации комплексного подхода в условиях принципиального отсутствия универсальных решений, применимых к большинству построек, порождает разнообразие методов работы с наследием. Среди них распространённым является *redevelopment* (перестройка, реконструкция). Например, табачная фабрика в г. Роверето, Италия, закрытая в 2008 г., рекон-

струирована для размещения новых производств, бизнес-центра, рекреационных зон, многофункционального зала и теплицы (Progetto Manifattura). *Реновация* (приспособление здания или его части под новую функцию) предполагает сохранение внешнего облика здания. Данный метод применим к зданиям, обладающим ценным для среды обликом, представляющим историческую и художественную ценность (Макатьева О. В., 2015). Примером может служить шоколадная фабрика Менье, принадлежащая корпорации Нестле в г. Нуазель под Парижем.

Франкофоны используют спектр терминов, этимологически близкий английским: *conservation* (сохранение), *réhabilitation* (восстановление), *valorisation* (сохранение ценности), *mettre en valeur* (развитие с учётом ценности), *réconversion* (приспособление к новым функциям), *réutilisation* (новое использование), *transformation* (переделка) (Le patrimoine industriel dans tous ses états..., 2019). Аналогичную терминологию применяют итальянские специалисты по индустриальному наследию, занимающиеся проектами городской регенерации: *rigenerazione*, *conservazione*, *valorizzazione* (Preite M., 2015, 2017).

Существенным методологическим вызовом является несводимость разнообразного мирового опыта к единым терминам, что создает сложности перевода. Например, трудности вызывает подбор подходящего аналога понятия «поселения, возникшего в целях производственной деятельности», что порождает обилие терминов на разных языках, таких как: «заводские посёлки», «фабричные посёлки», «города-заводы», «рабочие поселения», «промышленные колонии» (factory cities, mill towns, company towns, villages ouvriers, villes-usines, colonia) и т. д., за каждым из которых стоят исторические, культурные, географические и прочие особенности возникновения и функционирования.

Для описания бывших промышленных территорий, часто заброшенных, находящихся в непривлекательном и даже экологически неблагоприятном состоянии, активно используется термин *brownfields* (англ.) и *friches industrielles* (фр.). По мере закрытия исторически значимых промышленных предприятий в результате смены технологий, количество таких индустриальных пустошей, зачастую расположенных в пределах городской черты на землях, требующих эффективного развития, во

всём мире растёт, что делает задачу их перепрофилирования для нужд постиндустриального общества чрезвычайно актуальной. По оценке Агентства по охране окружающей среды, количество таких заброшенных участков в США составляет от 450 000 до 500 000 (Mallach A., 2006).

Итак, ревалоризация индустриального наследия – сохранение через новое использование, признание ценности материальных и культурных объектов, продуктов, созданных в индустриальную эпоху развития человечества и придание им новых смысловых и функциональных значений – является многогранной научной проблемой, которая имеет глобальный характер. Перспективным представляется использование терминов «перепрофилирование памятников индустриальной эпохи» и «ревалоризация», делающих акцент на ценностных аспектах индустриального наследия в контексте современного городского развития. Значительные различия в терминологии, относящейся к культурно-историческому наследию в целом и к индустриальному наследию, в частности, существующие между странами, отражают особенности реализуемой политики и практики и требуют специального изучения и глубокого компаративного анализа.

Литература

1. Alekseev V., Alekseeva E. L'Oural métallurgique, histoire et patrimoine. Chambéry. Université de Savoie. Édition française de Gracia Dorel-Ferré. 2011. – 178 p.

2. The Nizhny Tagil Charter For the Industrial Heritage. <https://ticcih.org/about/charter/>

3. Joint ICOMOS – TICCIH Principles for the Conservation of Industrial Heritage Sites, Structures, Areas and Landscapes. <https://ticcih.org/about/about-ticcih/dublin-principles/>

4. Taipei Declaration for Asian Industrial Heritage. <https://ticcih.org/about/charter/taipei-declaration-for-asian-industrial-heritage/>

5. Murtagh W. J., Keeping Time. The History and Theory of Preservation in America. New York, 1997. P. 116.

6. Попов А. В., Демидова Е. В. Архитектурно-пространственная адаптация промышленных территорий Урала // Академический вестник УралНИИпроект РААСН. – 2014. – № 3. – С. 28.

7. Stratton M. Reviving Industrial Buildings: an overview of conservation and commercial interests // Michael Stratton (ed.), *Industrial Buildings. Conservation and Regeneration*, London 2000. – P. 8.

8. The Secretary of the Interior's Standards for the Treatment of Historic Properties With Guidelines For Preserving, Rehabilitating, Restoring & Reconstructing Historic Buildings. 1995.

<https://www.nps.gov/tps/standards/treatment-guidelines-2017.pdf>

9. A speech by HRH The Prince of Wales titled 'Making Heritage Industrial Buildings Work' at a conference organised by Regeneration Through Heritage, held at the restored former Great Western Railway Works, Swindon, Wiltshire 26 April 1999

<https://www.princeofwales.gov.uk/speech/speech-hrh-prince-wales-titled-making-heritage-industrial-buildings-work-conference>

10. Макарьева О. В. Реконструкция и реновация заброшенных зданий на примере промышленных объектов // *Архитектурное наследие Сибири: материалы Всерос. (с междунар. участием) науч.-практ. конф., посвящ. Междунар. дню памятников и истор. мест. 18 апреля 2015 г. / отв. за вып.: С. М. Геращенко, В. И. Царев, М. Е. Меркулова, И. А. Ряпосов. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2015. – 284 с.*

11. *Le patrimoine industriel dans tous ses états, un hommage à Louis Bergeron*. Chambéry. Université de Savoie-Mont Blanc. – 2019.

12. Preite M. *Paesaggi industriali e patrimonio UNESCO*. Arcidosso: Effigi, 2017. Idem. *La requalificazione d'une cité industrielle en Italie: la company town d'Adriano Olivetti* // *Monumental*, 2015, semestriel 1, Paris: Éditions du patrimoine, Centre des monuments nationaux, 2015. – P. 66–71.

13. Mallach A. *Bringing Buildings Back. From Abandoned Properties to Community Assets*. Montclair & New Jersey, 2006.

МОЙ ЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ СОХРАНЕНИЯ ИНДУСТРИАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ

Е. Л. Сумина

*Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова, Музей архитектуры им. А. В. Щусева
(Москва), stromatolit@list.ru*

Для непрофессионала самым понятным и доступным способом сохранения индустриального наследия, к тому же в «индустриальных масштабах», является фотографирование предприятий с последующей передачей фотографий в профильный музей. Трудностью здесь является только закрытость данных объектов. Однако если увлечение непреодолимо, то не имеет значения, открытый предмет интереса или закрытый. Хорошо также, когда личная цель совпадает с какой-нибудь полезной общественной целью. У меня такое совпадение произошло с Музеем архитектуры им. А. В. Щусева. Оказалось, что фотографий старинной (100 и более лет) промышленной архитектуры практически нет, а мне очень нравились именно старинные и именно фабрики и заводы. Переговорив на эту тему с Д. А. Саркисяном, который тогда был директором музея (и продолжив тему с директорами-последователями И. М. Коробьиной и Е. С. Лихачёвой), я получала рекомендательные письма с просьбой оказывать мне содействие. Но что такое просьба по сравнению с частной собственностью, ведь в частных руках сейчас находится подавляющее большинство предприятий?! Поэтому приходилось довольствоваться тем, что есть, и в связи с этим изобретать разные подходы.

Мои первые попытки фотосъёмки заводов относятся к 1997 году, но ещё не возникло тогда ощущения неотвратимости увлечения, ещё можно было жить без него. Конечно, некоторые знаменитые фабрики и заводы мне были известны и до всякого фотографирования, как, например, кондитерская фабрика «Красный Октябрь» или металлургический завод «Серп и молот». Ещё с детства я помнила «Пивоваренный завод им. Бадаева» и «Завод пишущих принадлежностей им. Сакко и Ванцетти» на Кутузовском проспекте, где я ходила в детский сад. И вот почему-то не забылись.

В 2003 году, будучи в Ленинграде и перемещаясь по городу, нельзя было не обратить внимание на одни из самых мрачных из-за цвета старого кирпича и мощной архитектуры, да и огромных по площади, зданий города: на старинные промышленные предприятия. Наверное, тогда и наступила точка невозврата. Мои съёмки начались с Васильевского острова, но в смысле незнания города все его районы тогда были для меня одинаковыми. Как-то само собой сложились первые маршруты – Кожевенная и Косая линии. Ленинград, как известно, магический город, а магия промышленной архитектуры – особая. Суровая обстановка, деловая атмосфера, ничего лишнего. Все эти безрадостные для большинства людей пейзажи не шли ни в какое сравнение с остальным архитектурным наследием города, конечно же, в пользу первых.

Как это всё происходит? Идешь по совершенно незнакомому району, вдруг видишь глухую кирпичную стену, из неё торчит какой-то явно индустриальный гаджет, например, кронштейн, но очень красивый и со следами долгих лет, откуда-то сверху вырываются клубы пара, а за поворотом вдруг башенка с изящным флюгером и корпус с большими окнами и красивым кирпичным орнаментом. Краны, дымовые трубы, железо, вообще какая-то осмысленная деятельность. Мне кажется, сила промышленной архитектуры в том, что этот «музей» еще и работает, мы ведь привыкли – или экспонат, или уж производство. И всё это огорожено и везде охрана, шлагбаумы. Я сразу решила попробовать договариваться, а не обходить любыми путями, ведь интерес, увлечённость и бескорыстие по-прежнему в цене.

Любая поездка превращалась в настоящее приключение, по силе граничащее с паломничеством, и любой разговор с теми, от кого зависели мои съёмки – в миссию. Иногда казалось, что и сам город отвечает взаимностью – то увидишь грудку старинного кирпича с надписями, и именно в этом месте обнаружится в заборе дыра, то вдруг длинная фура, загораживающая какой-нибудь красивый фасад, неожиданно уезжает, то какая-нибудь дивная фабричка оказывается и вовсе без охраны. Так было, например, на канатной фабрике Гота, когда я свободно прошла на территорию и оказалась в ином времени – тихая местность, как будто и не Ленинград вообще, низкие прекрасные здания со старинными бал-

ками, складом и даже аутентичными механизмами, и можно медленно бродить, чтобы не пропустить какой-нибудь заповедной детали. И везде следы от еще недавней деятельности – обрывки сырья, детали станков, остатки готовой продукции... и чувство несправедливости, что этого больше нет. Именно в такие моменты происходит очеловечивание неодушевленного, понимаешь, что заводы – живые. Это полезное чувство потом сменяется еще одним, более действенным – чувством здоровой злости.

Способы попадания на территорию предприятий можно рассмотреть по пунктам.

1. На объекте не ведется никакой деятельности и есть какой-либо проход. Опасность – собаки, которые, как правило, живут хорошо организованной стаей и почему-то все большого размера. Такой случай произошел со мной и моим коллегой на гигантской территории завода «Красный треугольник», когда собаки издали побежали к нам, неприятно скалясь. Опыт показал, что они просто дали понять, кто здесь главный и, убедившись, что достаточно нас напугали, разбрелись, лениво почесываясь. Во время атаки мы просто стояли без видимых признаков жизни. Эти же собаки дали нам возможность продолжить осмотр территории.

2. Завод не работает, но охраняется. Нужно вызвать у охранников сочувствие к своей просьбе или даже симпатию к себе. Во всех случаях я показывала письма. Разговаривать нужно не быстро и сразу объяснить, зачем и почему мы это делаем и почему это важно. Поскольку дело касается производства, беседа часто входит в политическое русло и наши личные взгляды на справедливость всегда поддерживаются охранниками, которые сами работали на этих заводах и жалеют об их закрытии. Итог – мы свои люди и нам всё можно.

3. Завод работает. Можно тут же позвонить по служебному телефону секретарю генерального директора. Охрана сразу видит, что интерес не праздный и всё серьезно. Иногда директор прямо с ходу вызывает к себе в кабинет для объяснений. Неплохой, кстати, вариант. 32 предприятия были сняты именно таким путём. Можно предложить по окончании съёмки скопировать все полученные фотографии на заводской компьютер. Нежи-

данное и бесплатное приобретение чего-то нового увеличивает шансы провести съёмку немедленно.

4. Завод работает, но провести съёмку сразу нельзя. Это самый распространённый вариант, но он требует отдельного именного письма к руководству. К сожалению, ответ может быть отрицательным. Так, например, случилось с московской трикотажной фабрикой «Красный восток». Пришёл ответ о невозможности проведения фотосъёмки. Потом завод сломали, и теперь можно сфотографировать жилые дома на месте, где он когда-то стоял.

Иногда для проведения съёмок большого предприятия нужно несколько дней. Самый счастливый вариант, если директор – человек просвещённый. Он не только всё разрешит, поселит и накормит, но ещё и велит показать музей или архив, где ещё и подарят книжку о предприятии. Так было на Прядильно-ниточном комбинате им. Кирова в Ленинграде, на текстильных комбинатах «Томна» в Кинешме и «Красном Перекопе» в Ярославле, на небольшой и милой фабрике «Красные ткачи» в Ярославской области, на «Тульме», «Гаврилов-Ямском льняном комбинате». Или на знаменитых и старейших Ижорских заводах. И не только там.

Старинные тюрьмы, если смотреть на них стилистически, тоже можно отнести к объектам промышленной архитектуры. В одной известной тюрьме взаимные симпатии с принимавшими нас сотрудниками оказались настолько сильными, что нас даже провели по строительным лесам на куполе восстанавливаемого храма и звонили в колокола.

Но бывают и неудачи. Если попасть на предприятие в процессе смены собственника, отказ гарантирован. К сожалению, в то время, да и сейчас таких предприятий немало. Одно из них – замечательной архитектуры сталепрокатный завод на 26 линии Васильевского острова. Наверное, сейчас этот завод уже сломан – в худшем случае, а в лучшем – обработан пескоструйкой, обвешан рекламами и превращён в культурный или бизнес-центр. Производство почему-то не относится к объектам культуры...

Справедливости ради надо все-таки сказать, что все заводы и фабрики, где провели реновацию территории и устроили современные общественные и культурные пространства, сделаны

с большим вкусом. К ним относятся, в частности, московские бывшие заводы «Флакон», «Винзавод», бизнес-центр «Даниловский», креативное пространство «Артплэй». Это, правда, красиво. Одно «но». На заводах люди занимались делом, и там были востребованы лучшие человеческие качества. Деятельность в офисах даже не подлежит сравнению и все возражения здесь – вне здравого смысла.

Бывают иногда курьезные случаи. В одном бывшем фабричном, а ныне торговом комплексе, я сделала неосторожную попытку самовольно сфотографировать красивую старинную чугунную лестницу и на выходе была задержана охраной. Препятствовать моим покупкам они не могли, поэтому вынуждены были сопровождать меня до выхода. Это был первый случай в моей жизни, когда я покупала кружева под конвоем.

Не часто, но иногда приходится иметь дело с совсем солидными организациями, например, Следственным комитетом, ФСИН или МВД, а чтобы снять бывшую телефонную станцию Эриксона на Малой Лубянке, пришлось обращаться даже в приёмную ФСБ.

Самые драматические, если не сказать, трагические, случаи – это когда завод сломали, а он так и остался не сфотографированным. Таких случаев немало. Остался неснятым ЗИЛ, металлургический завод «Серп и молот» (бывший завод Гужона), завод «Красный пролетарий» (бывший завод братьев Бромлей), завод «Компрессор» (бывший завод Дангауэра и Кайзера), завод «Красный выборжец» в Ленинграде (бывший завод Розенкранц).

За 14 лет съёмок в Ленинграде из 87 запланированных предприятий удалось сфотографировать только 28, в городах России из 104 – только 52, в Москве из 124 предприятий удалось сфотографировать чуть больше 50-ти. Увы... Но продолжать нужно, ведь, как мы знаем, дымовые трубы ленинградского Прядильно-ниточного комбината им. Кирова носили названия «Вера», «Надежда» и «Любовь».

ОХРАНА И ПРОПАГАНДА ПАМЯТНИКОВ ТРУДОВОЙ СЛАВЫ СОВЕТСКОГО НАРОДА КАК СПОСОБ СОХРАНЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ ИНДУСТРИАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ В СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Е. С. Лахтионова

*Уральский федеральный университет имени первого
Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург),
elza1982@yandex.ru*

Трудности в изучении индустриального наследия советского периода во многом определяются тем, что в то время не существовало чёткого понимания, что такое памятник индустриального наследия. Объекты, которые современные исследователи относят к этой категории, назывались по-разному: памятники истории, памятники промышленной архитектуры, памятники истории науки и техники, памятники трудовой славы советского народа (Лахтионова, 2019). На эту последнюю группу памятников хотелось бы обратить особое внимание.

В начале 1970-х гг. на научно-методической конференции «Охрана и пропаганда памятников трудовой славы советского народа» было сформулировано определение, что памятники трудовой славы советского народа – это памятники истории советского прошлого «о грандиозных стройках страны, гигантах энергетики и металлургии, новых центрах науки и культуры», памятники, связанные «с восстановлением народного хозяйства, социалистическими стройками первых пятилеток, примерами коммунистического труда». На этой конференции многими делегатами из разных регионов было отмечено, что с изучением, охраной и пропагандой данной категории памятников в стране дело обстояло плохо. В списках объектов, подлежащих охране, они занимали ничтожное место (Белявский, Агапова, 1973).

В 1973 г. на Втором Пленуме Свердловского Совета Всесоюзного общества охраны памятников истории и культуры (далее – ВООПИК), посвящённом памятникам трудовой славы советского народа, среди последних были названы и те объекты, которые мы сейчас относим к памятникам индустриального наследия: уникальные печи, станки и промышленное оборудова-

ние, важные исторические комплексы предприятий, промышленные корпуса, культурно-бытовые объекты для трудящихся, остатки промышленно-строительных объектов исторического значения, места научных открытий, творческих достижений в области техники, старые города, старые кварталы и улицы людей одной профессии (металлургов, шахтёров и т. д.), памятные места-комплексы, где начинало осуществляться строительство завода, электростанции, железной дороги (Решение, рекомендации областного отделения, 1973). Эти объекты хорошо укладываются в классификацию памятников индустриального наследия, предложенную профессором В. В. Запарием (Запарий, 2007).

Урал с давних времен славится замечательными примерами героического труда и научных открытий. Свердловская область представляет собой крупнейший индустриальный район Урала, имеющий богатую историю, в многочисленных памятниках которой отражены специфические особенности промышленного развития края.

Изучая литературу и источники советского периода, можно выделить несколько направлений деятельности по охране и пропаганде памятников трудовой славы Свердловской области: выявление, изучение, постановка на учёт и пропаганда.

Среди таких памятников подавляющую часть занимали, конечно, заводы, их отдельные цеха или даже устройства. Например, это Верх-Исетский металлургический завод (мартеновское производство), Екатеринбургский металлургический завод («Монетка»), Серовский металлургический завод (мартеновские печи № 1 и 4, доменная печь № 5, прокатный цех) и др. (Памятники трудовой славы, 1972). Кроме того, к памятникам трудовой славы советского народа, взятых на учёт и подлежащих охране, относили те объекты, которые были связаны с понятием «первые»: Егоршинская электростанция в г. Артемовском, фабрика имени Нолина в Белоярском районе (Смирнов, 1973), разливочная машина на Кушвинском металлургическом заводе, литейный цех имени В. И. Ленина на Баранчинском электромеханическом заводе (Список памятников трудовой славы, 1972).

Даже из этих немногочисленных примеров ясно, что все эти памятники относятся к индустриальному наследию нашей стра-

ны, хоть и назывались они памятниками трудовой славы советского народа.

Что касается пропаганды, то как и все категории памятников в СССР, наши объекты также подлежали освещению с целью дальнейшего коммунистического воспитания трудящихся. Большой вклад в этом деле внесло ВООПИК, которое проводило лекции для всех желающих, а в 1973 г. стало организатором научно-практической конференции, осветившей ситуацию в разных регионах страны в сфере выявления, сохранения и пропаганды данной категории памятников. На этом мероприятии делегаты не только обменивались опытом, но и участвовали в разработке теоретико-методологических подходов в охранной деятельности (Охрана и пропаганда памятников, 1973). Как было отмечено одним из делегатов, представлявших Свердловскую область, в ней «вокруг памятников трудовой славы общественностью, активом, учёными систематически проводится пропагандистская работа. Трудовая доблесть уральцев широко показывается в лекциях, докладах, в периодической печати, по телевидению, в передачах по радио и в кино-журналах» (Выступление..., 1973).

Таким образом, среди памятников трудовой славы советского народа Свердловской области можно отметить немало объектов индустриального наследия, по отношению к которым проводилась деятельность по выявлению, изучению, постановке на учёт и пропаганде. Как отмечают специалисты советского периода, данная работа хоть и осуществлялась, но пока ещё в недостаточной мере. Особенно это касается Урала, отличавшимся наличием большого количества старых заводов. Огромное значение в деле охраны и пропаганды таких памятников имело ВООПИК, объединявшее множество равнодушных людей, желающих сохранить остатки промышленного прошлого своей страны и региона для будущих поколений.

Литература

1. Белявский М. Т., Агапова Т. И. Проблемы классификации, принципов отбора, выявления и изучения памятников трудовой славы советского народа // Охрана и пропаганда памятников трудовой славы советского народа. Материалы научной конференции. – М.: Издательство «Советская Россия», 1973. – С. 7–21.

2. Выступление на научно-технической конференции «Памятники трудовой славы советского народа. Их охрана и пропаганда» (Свердловское отделение ВООПИК). 1973 г. // Центр документации общественных организаций Свердловской области (далее – ЦДООСО). Ф. 250. Оп. 1. Д. 85. Л. 8.

3. Запарий В. В. Индустриальное наследие (к вопросу о понимании данной концепции в России и за рубежом) // Экономическая история. Обзорение. Выпуск 13. – М.: Издательство МГУ, 2007. – С. 211–217.

4. Лахтионова Е. С. Основные направления нормативно-правовой базы в сфере охраны индустриального наследия в 1940–1980-е гг. // Кубанские исторические чтения: Материалы X Международной научно-практической конференции (Краснодар, 21 июня 2019 г.). Краснодар, 2019. – С. 108–118.

5. Охрана и пропаганда памятников трудовой славы советского народа. Материалы научной конференции. М.: Издательство «Советская Россия», 1973. 164 с.

6. Памятники трудовой славы, взятые на учет по Серовскому отделению ВООПИК в 1972 г. // ЦДООСО. Ф. 250. – Оп. 1. – Д. 30. – Л. 60–61.

7. Решение, рекомендации областного отделения Общества о выявлении, учете, сооружении памятников трудовой и боевой славы. 1973 г. // ЦДООСО. Ф. 250. – Оп. 1. – Д. 91. – Л. 1–3.

8. Смирнов В. И. из опыта работы Свердловского отделения общества по охране и пропаганде памятников трудовой славы // Охрана и пропаганда памятников трудовой славы советского народа. Материалы научной конференции. М.: Издательство «Советская Россия», 1973. – С. 144–147.

9. Список памятников трудовой славы и шествующих над ними предприятий. 1972 г. // ЦДООСО. – Ф. 250. – Оп. 1. – Д. 65. – Л. 26.

ЦИФРОВЫЕ КАРТЫ КУЛЬТУРНОГО И ИНДУСТРИАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ ХАНТЫ-МАНСИЙСКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА – ЮГРЫ

Г. А. Кочергин

*Югорский НИИ информационных технологий
(Ханты-Мансийск)*, KocherginGA@uriit.ru*

А. А. Тогачев

**, TogachevAA@uriit.ru*

М. А. Куприянов

**, KupriyanovMA@uriit.ru*

О. А. Байсалимова

**, BaysalyamovaOA@uriit.ru*

Центром космических услуг Югорского научно-исследовательского института информационных технологий реализованы проекты, посвящённые изучению культурного и промышленного освоения Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. Цифровые карты, представленные атласами исторического и индустриального наследия, реализованы с использованием геоинформационных систем, картографических материалов, в том числе исторических, и различных результатов космической деятельности. Целевой аудиторией проектов являются школьники, студенты, специалисты, посетители музеев.

Основными задачами создания цифровых карт являются:

- сохранение исторической информации об автономном округе;
- визуализация и повышение доступности архивной информации;
- формирование геоинформационной грамотности населения;
- формирование навыков работы с геопространственными данными;
- формирование навыков работы с современными мобильными приложениями и веб-порталами;
- адаптация проекта под образовательную программу школ;

- интеграция различных категорий данных для использования в сфере туризма;
- развитие творческого интереса у детей и подростков в области краеведения и этнографии.

В основе исходных данных для тематических атласов лежит различная справочная литература, статистическая информация по отдельным категориям объектов, списки памятников истории и культуры, картографическая информация, документы архивов. Работа по созданию атласов включает в себя: сбор и систематизацию информации об объектах наследия, расположенных на территории округа, определение характеристик объектов (дата появления, назначение и местоположение), оцифровку материалов и дальнейшую публикацию цифровой карты на общедоступном геопортале.

Цифровая карта «Атлас индустриального наследия Югры» (Цифровая карта «Атлас индустриального наследия Югры»...) создана сотрудниками Центра космических услуг совместно с Музеем геологии, нефти и газа и Музейно-выставочным центром г. Когалым. Данный атлас представляет собой картографический сервис, визуализирующий информацию о культурном и промышленном развитии территории округа. Работы по наполнению цифровой карты «Атлас индустриального наследия Югры» информацией проводятся совместно сотрудниками АУ «Югорский НИИ информационных технологий» и БУ «Музей геологии, нефти и газа», а также учащимися СОШ № 8 г. Ханты-Мансийска. При этом, сотрудники АУ «Югорский НИИ информационных технологий» выполняют роль администратора картографического портала, а сотрудники БУ «Музей геологии, нефти и газа» формируют перечень потенциальных для создания информационных слоёв на основе имеющейся в фондах информации, а также осуществляют сбор, подготовку и верификацию разнородных данных для размещения на портале (Кочергин, 2002). Карта включает в себя следующие тематические слои:

- Корпоративные музеи.
- Минералы.
- Памятники нефтяной истории.
- Именные нефтегазовые месторождения.

- Керн.
- Герои медали «За освоение недр и развитие нефтегазового комплекса Западной Сибири».
- Уникальные технические объекты.
- Нефтяные города.
- Комсомольские стройки.

Каждый объект тематического слоя имеет характеристику, например, в слое «Памятники нефтяной истории» представлена информация о расположении памятников по нефтяной истории с кратким и полным описанием, местоположением, датой установки и именем автора или, например, в слое «Минералы» представлена информация по минералам, обнаруженным на территории Приполярного Урала: название, местоположение, краткое и полное описание, имя автора, дата установки. Также к большинству объектов прилагаются фотографические материалы.

Для наполнения атласа информацией активно привлекаются к работе школьники. В 2017 г. был проведен конкурс среди школ автономного округа, по итогам которого лучшие фотографические материалы были включены в слой «Памятники нефтяной истории» (Атлас индустриального наследия Югры...). Также были проведены мероприятия по ознакомлению с атласами на уроках географии в школе № 8 среди учащихся младших и средних классов.

Цифровая карта «Атлас культурного наследия Югры» (Цифровая карта «Атлас исторического наследия Югры»...) создана с использованием веб-сервисов, визуализирующих на картографической основе 1903 г. мест проведения исследований А. А. Дунина-Горкавича (Дунин-Горкавич, 1996). Информация цифровой карты «Атлас культурного наследия Югры» представлена двумя группами: картографическими основами в виде геопривязанных архивных карт за период 1800–1900 гг. и тематическими слоями. Ниже приведён список тематических слоёв карты:

- Географические центры.
- Памятные знаки.
- Туристские маршруты «Ожерелье Югры».
- Исследования А. А. Дунина-Горкавича.

- Исследования Д. Г. Мессершмидта.
- Исследования Г. Ф. Миллера.
- Границы объектов культурного наследия.

Промежуточные итоги выполненных работ по цифровым картам, были представлены на следующих мероприятиях: X международная научно-практическая конференция «Новые информационные технологии в образовании и науке», Екатеринбург, 2017 г.; XIV Межрегиональная научно-практическая конференция имени А. А. Дунина-Горкавича, Ханты-Мансийск, 2018 г.; Международная конференция «Информация и коммуникация в цифровую эпоху: явные и неявные воздействия» под эгидой ЮНЕСКО, Ханты-Мансийск, 2018 г.; Круглый стол «Цифровые установки и контент» в рамках третьего российского фестиваля «Человек труда», Екатеринбург, 2018 г.

Литература

1. Цифровая карта «Атлас индустриального наследия Югры» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vis.uriit.ru/resource/239/display> (дата обращения 20.07.2020 г.)
2. Кочергин Г. А. Инновационный образовательный проект «Атлас индустриального наследия Югры» / Г. А. Кочергин // Новые информационные технологии в образовании и науке : НИТО-2017 : материалы X международной научно-практической конференции, Екатеринбург, 27 февраля – 3 марта 2017 г. / Рос. гос. проф.-пед. ун-т [и др.]. – Екатеринбург: РГППУ, 2017. – С. 498–501.
3. Атлас индустриального наследия Югры пополнится фото-работами юных югорчан [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://uriit.ru/news/atlas-industrialnogo-naslediya-yugry-popolnyat-fotoraboty-yunyh-yugorchan/> (дата обращения 20.07.2020 г.)
4. Цифровая карта «Атлас исторического наследия Югры» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vis.uriit.ru/resource/259/display> (дата обращения 20.07.2020 г.)
5. Дунин-Горкавич А. А. Географическое и статистико-экономическое описание страны по отдельным географическим районам. В 2 т. Т. 2 Тобольский Север / А. А. Дунин-Горкавич. – М.: Либерия, 1996. – 432 с.: ил.

КАРТОГРАФИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ АНАЛИЗА ПРОЦЕССОВ ИНДУСТРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ Г. ОМСКА

П. В. Большаник

*Омский государственный педагогический университет
(Омск), bolschpetr@mail.ru*

Актуальность. Бурный рост городов сопровождается активным преобразованием осваиваемой территории. Одним из результатов такого освоения является процесс трансформации окружающей среды. Такая трансформация вызывает определённые геоэкологические проблемы, которые будут рассмотрены в данной статье на примере северо-восточной части г. Омска.

Целью работы является картографический анализ причин возникновения геоэкологических проблем, вызванных индустриальным развитием территории. Объектом анализа является территория равнинной поверхности Прииртышского увала, на которой расположена селитебная и индустриальная части г. Омска.

Методы. Для выявления процесса трансформации рельефа города нами были проанализированы архивные материалы и картографические источники Омского госархива.

Результаты. На основании анализа картографических источников можно обнаружить, что центральная меридиональная магистраль города «Красный путь» пересекает пять оврагов и долину малого водотока. Улица пересекала овраги по деревянным мостам. К 1955 году остаётся лишь один, хорошо выраженный овраг, проходящий по ул. Долгирева до одноимённого трамвайного кольца. Этот овраг начинался у Дрожзавода, небольшой длиной в 150–170 м. Означенная рытвина образовалась в 1924 г. во время весеннего половодья. Устья трёх остальных оврагов были засыпаны, и воду из них стали отводить по дренажным трубам. В настоящее время устье одного оврага хорошо видно по созданному в его долине озерку у остановки «Старозагородная роща». От ещё одного из оврагов остались озерки (так называемый Кизюринский ручей). Следующий овраг по мере движения на север пересекает Красный мостик у Аграрного университета. В его долине так же сохранилось озерко у ул.

Физкультурной. Самый большой из оврагов, в настоящее время занят отчасти ул. Заозёрной, оставил после себя несколько озёр. Этот овраг имел значительную площадь водосбора. При впадении в Иртыш он имеет очень большую глубину и крутые обрывистые, почти отвесные берега. Через этот овраг построена плотина, которая при половодье в 1924 г. была смыта. Затем плотина была восстановлена, и по ней даже ходил трамвай. Севернее, ближе к бывшей деревне Захламиной, имелся еще целый ряд овражков и рытвин, но значительно меньших размеров, не представляет собою опасности в смысле дальнейшего роста и освоения этой территории.

Долина малого водотока протягивалась с северо-востока на юго-запад. Исток находился в Амурском посёлке, долина пересекала ул. 13-ая Северная и Средняя, а устье располагалось на ул. Долгирева.

Все эти овраги и долина ручья, располагавшиеся на правобережье Иртыша, были рекультивированы – транспортная развязка (овраг у телецентра), часть парковой зоны (в районе ост. Старозагородная роща), или перешли в стадию затухания – овраг в районе сада Кизюрина, Аграрного университета. Не все работы по рекультивации земель под оврагами были проведены в должной мере. Так, по данным ряда работ (Тюменцева О. В., 2003), в частном секторе в районе улиц с 9-ой по 14-ую Северные, 5-ая Поселковая, Заозерных на месте локального водосбора в весенне-осенний период отмечается регулярное затопливание подпольев и погребов, отмечена сырость в домах, гниение пола и стен.

На большей части застроенной территории глубина залегания грунтовых вод не превышает 1–3 м. Это явление получило своё распространение в связи с затруднённым оттоком поверхностных вод и, как следствие, на пониженных участках наблюдаются явления поверхностного заболачивания: на поверхности высокой поймы и первой надпойменной террасы (вдоль её тыловых швов), вдоль автомобильных и железных дорог, на отработанных карьерах.

Главными причинами для возникновения процесса подтопления вследствие повышения уровня грунтовых вод являются естественные факторы: геологическое и геоморфологическое строение, климат, гидрология.

Естественные причины подтопления. В работе (Недбай, 2008) отмечено, что геологические факторы имеют определяющее значение в развитии процесса подтопления в г. Омске. Основными из них являются: характер и глубина залегания кровли водоупора, наличие и распространённость низкофильтрующих водовмещающих пород. Кроме естественных, на подъём уровня грунтовых вод влияли и антропогенные причины.

Нарушение естественного стока поверхностных вод. При изменении рельефа территории (засыпки оврагов, логов, планировании строительных площадок и т. д.) зачастую происходит нарушение естественного стока поверхностных вод. Ухудшение поверхностного стока вызывается также пересечением ложбин стока насыпями автомобильных и железных дорог, отвалами, складированными на поверхности материалами, а также зданиями, расположенными длинными сторонами перпендикулярно его направлению. Так, во время интенсивной застройки, начиная с 50-х годов, исчезли некоторые овраги: у Кировск-Омского элеватора (глубиной 25 м), по улице 7 Северная, у Судоремонтного завода. Территория лишилась естественных дренажей, а уровень грунтовых вод поднялся до нулевой отметки.

Во время ливней, интенсивного таяния снега существующая ливневосприимчивая сеть не справляется со своей задачей. Результатом являются размытые обочины, разрушенные тротуары, ливневые потоки по мостовой, из-за осложнённого отвода поверхностных вод на длительное время затоплены значительные территории. Например, 3 мая 2007 года прошедший ливень затопил улицы Ленина, 2-ую Восточную, Амурский посёлок и др. Затопление достигло уровня более 30 см.

Последствия подтопления. Основным фактором уровня грунтовых вод в 1937 году составлял от 2 до 5 м, также были многочисленны участки с уровнем грунтовых вод 5–7 и более метров. К районам с высоким залеганием грунтовых вод относился район в северной части г. Омска с распространением его в пределах улиц Орджоникидзе и Тарской и пересекающих их улиц Интернациональная.

Проблема повышения уровня грунтовых вод в городе стала одной из наиболее острых в 50-е годы, поскольку в эти годы произошёл перелом промышленной структуры города.

К 1984 г. на правобережной части города отмечается расширение зон с глубиной уровня грунтовых вод менее 2 м и появление обширных участков с глубиной залегания уровня до 1 м.

Изогипсы глубин залегания уровней 1997 г. показывают, что практически 80 % городской территории находится в зоне подтопления. При этом в правобережной части города на 50 % застроенной площади уровень залегания грунтовых вод был менее 1 м. Лишь на уступах террас отмечается наибольшая глубина уровней, где она не превышает 5 м (Недбай, 2008).

Таким образом, анализ изменения уровней грунтовых вод позволяет сделать *выводы* об основных последствиях их повышения:

- Большая часть территории городских ландшафтов находится в зоне подтопления с глубиной залегания грунтовых вод менее 2 м. Дальнейшая тенденция подъёма уровня сохраняется. При этом на участках с глубиной залегания менее 1 м скорость подъёма составляет 1–7 см в год независимо от литологического состава пород.
- На участках плотной застройки городских территорий многоэтажными зданиями и промышленными предприятиями отмечается наиболее активный подъём уровня грунтовых вод, скорость которого составляет 9–28 см в год в суглинках и 5–12 см в год – в песках и супесях.
- На водораздельных пространствах с близким залеганием водоупорных неогеновых глин подъём уровня грунтовых вод происходит со скоростью 5–12 см в год, что обусловлено низкой проницаемостью глин, ограничивающей фильтрацию, как в вертикальном направлении, так и по потоку.
- На территориях, расположенных вне зоны влияния техногенных факторов, колебание уровня происходит со скоростью 1–5 см в год в ту или другую сторону и обусловлено многолетней цикличностью колебаний уровней подземных вод.
- В результате обводнения городских ландшафтов отмечены изменения свойств грунтов: консистенции, несущей способности, деформационных свойств. Грунтовые воды, залегающие в пределах городской черты, обладают агрессивными свойствами по отношению к фундаментам (т. е. вы-

щелачивания). Кроме того, в связи с повышением уровня грунтовых вод произошло изменение пучинистых свойств грунтов (Большаник, 2017).

Для дальнейшего развития г. Омска, обустройства территории для хозяйственной деятельности и комфортного проживания необходима разработка мероприятий по защите городской территории от негативного влияния техногенных процессов, улучшения экологической обстановки и условий жизнедеятельности населения. Поэтому необходима организация мониторинговых наблюдений за состоянием природной среды, в том числе систематического изучения режима грунтовых вод и техногенных процессов, причем наблюдениями должна быть охвачена вся территория города, что позволит дать сравнительную оценку происходящих изменений среды.

Литература

1. Большаник П. В. Геоэкологические проблемы трансформации рельефа урбанизированных территорий (на примере городов Западной Сибири) Большаник П. В., Недбай В. Н. – М.: ИНФРА-М, 2017. – 243 с.

2. Голубенцев К. М. Материалы инженерно-геологических исследований территории г. Омска в строительных целях / К. М. Голубенцев // Омская область. – 1937. – № 9. – С. 20–56.

3. Недбай В. Н. Изменение уровня грунтовых вод на староосвоенной территории г. Омска за 70 лет / В. Н. Недбай // Актуальные проблемы образования и воспитания: международный опыт и перспективы сотрудничества: материалы II Международной научно-практической конференции 25–28 марта 2008 года. – Омск: Изд-во НОУ ВПО «Омский гуманитарный институт», 2008. – С. 120–124.

4. Тюменцева О. В. Геоэкологическая проблема г. Омска в связи с подтоплением территории: монография / О. В. Тюменцева. – Омск: Изд-во СибАДИ, 2003. – 205 с.

5. Разгадана загадка ул. Долгирева
<https://omchanin.livejournal.com/641443.html>. Период обращения 09.06.2020.

СОВЕТСКАЯ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ: УРАЛМАШ И ЕГО СТРОИТЕЛИ В АВТОБИОГРАФИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ¹

Л. В. Енина

*Уральский федеральный университет им. первого
президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург),
enina.lidia@gmail.com*

Н. Б. Граматчикова

*Институт истории и археологии Уральского отделения
Российской академии наук (Екатеринбург),
n.gramatchikova@gmail.com*

Индустриальное наследие может иметь целый ряд измерений: ландшафтное, историческое, музейное. Мы предлагаем обратиться к индустриальному наследию через автобиографическую специфику текстов, написанных работниками завода «Уралмаш». Эти тексты хранятся в Музее истории Уралмашзавода и составляют фонд «Первостроителей Уралмаша». Фонд формировался с начала открытия музея в 1967 году и до 1985 года включительно и содержит около ста текстов-воспоминаний. Первоначально было задумано собрать воспоминания участников строительства Уралмаша для подготовки книги к юбилею завода. Однако книга так и не была подготовлена, и Фонд первостроителей остался в архиве музея. Сегодня эти тексты представляют собой уникальный материал для междисциплинарных исследований. В настоящий момент исследовательской группой гранта РФФИ осуществляется перевод текстов с бумажных носителей в электронный вариант, что выполняет задачу сохранения коммуникативно-культурной памяти о советской индустриальной эпохе и значительно расширяет возможности доступа к новым источникам для специалистов разных гуманитарных наук.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-012-00553А / The study was supported by the financial Russian Foundation for Basic Research, project No. 19-012-00553A

Авторы воспоминаний – работники Уралмашзавода – люди, различающиеся происхождением, образованием, профессией и социальным статусом; профессиональных литераторов среди них нет. Их объединяет общее место работы – завод, ставший гордостью города и страны. Их воспоминания – наглядный пример, как заводчанин вписывает себя и своих соратников в контекст советской истории и создает заводскую идентичность посредством автобиографического нарратива (Грамотчикова, Енина, 2020).

Индустриальное производство всегда требует массового стандартизированного подхода: «для того, чтобы могло существовать индустриальное производство, необходимо, чтобы по возможности все обладали минимальными необходимыми культурными навыками» (Тесля, 2019, с. 26, см. также: Раннесоветское общество..., 2018). Для наших авторов стандартизированный подход был воспроизведён и при написании текстов. В текстах обнаруживаются стабильно повторяющиеся темы: темпоральная и пространственная организация завода в целом и цехов в частности; подробные описания конкретных профессиональных действий на рабочем месте; отводится важная роль партии и комсомолу в организации строительства и жизни завода. Совпадает и эмоционально-оценочная сторона текстов: авторы пишут об энтузиазме, воодушевлении в работе и гордости за завод и за своих коллег. Из-за этого многие тексты кажутся похожими друг на друга. Заводская идентичность в автобиографических нарративах создается благодаря повторяющимся смыслам «я, как все» и сопровождается риторической стратегией показать совершенство организованной заводской жизни.

Но личная история никогда полностью не вписывается в стандартизированный канон, поэтому тексты содержат и смыслы «я, в отличие от всех». Индивидуализация часто проявляется в воспоминаниях о профессиональных взаимоотношениях. В таких фрагментах эмоциональная палитра значительно шире: о соратниках пишут с благодарностью и с обидой, с гордостью и с печалью, со страхом и с уважением. Ценностный аспект взаимоотношений с другим не укладывается в общую риторическую стратегию и не сводится к непротиворечивому образу советского человека.

Для изучения индустриального наследия важно вступить в диалог с человеком советской индустриальной эпохи, одним из способов которого является обращение к автобиографическим текстам.

Литература

1. Граматчикова Н. Б., Енина Л. В. Время и пространство воспоминаний заводчан в конструировании коллективной идентичности первостроителей Уралмаша // Научный диалог. 2020. – № 7. – С. 55–75.

2. Раннесоветское общество как социальный проект, 1917–1930-е гг. : монография : в 2-х ч. – Ч. 1. Страна Советов: пространство, власть, экономика. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та. 2018. – 468 с.

3. Тесля А. А. «Истинно русские люди»: История русского национализма. Москва: Группа Компаний «РИПОЛ классик» / «Панглосс». 2019. – 319 с.

ИЗ ОПЫТА СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКОГО НЕФТЯНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В 1970-Е ГГ.

Е. В. Лешукова

*Сургутский государственный университет (Сургут),
leshukova1971@mail.ru*

Потепление советско-американских отношений, пиком которых стало подписание лидерами сверхдержав Л. И. Брежневым и Д. Картером в июне 1979 года Договора «ОСВ-2», благоприятно отразилось на нефтяной отрасли. В этом году советские делегации нефтяников участвовали в X Мировом нефтяном конгрессе (Румыния), XVII Генеральной Ассамблее Международного геодезического и геофизического союза (Австралия), IX Международном конгрессе ИМАКС (Италия), IX Международной научной конференции по геохимическим и физико-химическим проблемам при разведке и добыче нефти и газа «Петрольгеохим-79» (ГДР), а также ряде выставок: «Интеркан-79» (Канада), «Энергия-79» (США), «Нефтегазэкспо-79» (г. Москва), «Полимерные трубы-79» (г. Москва), «Бритморнефтегаз-79» (г. Москва).

В самом СССР в 1979 году помимо научно-технических выставок было проведено 28 симпозиумов и семинаров, в которых от Миннефтепрома приняло участие более 200 специалистов центрального аппарата Министерства, научно-исследовательских и проектных институтов и организаций, а также производственных объединений (РГАЭ Ф. 70 О. 1, Д. 8631, л. 59).

Зарубежными фирмами-организаторами данных семинаров выступили: французские «Рон-Пуленк» (дважды), «Нортэн», «Сатам», «АМРИ», «Сит Алькатель», Французский институт нефти; английские «Веир Памс», «Тейлор» (дважды), «Бритиш Петролеум Компани», «Джон Браун Инджиниринг»; американские «Дау Кемикал Компани» (дважды), «Вортингтон Турбодайн», «Дрессер Индастриз инкорпорейшн», «Дженерал электрик», «Барроуз», «Санстренд», «Камерон»; финские «Контрам», «Нове»; итальянские «Талетра», «М. Бертинетти СПА»; шведская «Малоко АГ», бельгийская «Куперхит» (РГАЭ (г. Москва) Ф. 70 О. 1 Д. 8631, л. 61–63). Чаще всего организаторами научно-технических семинаров и симпозиумов, проведённых в 1979 году в СССР, станови-

лись: США – 9 раз, Франция – 7 раз, Великобритания – 5 раз, Финляндия – 3 раза.

Судя по количеству участников данных форумов, у советских нефтяников повышенную заинтересованность вызвали мероприятия, проводимые специалистами США. Так, семинар и технические лекции на выставке «Бритморнефтегаз» по британскому оборудованию и технологии для нефтяной и газовой промышленности, проводившийся компаниями «Бритиш Петролеум» (Великобритания), «Дрессер Иидастриз, инк» (США), «Куперхит» (Бельгия) посетила самая представительная советская делегация из 46 специалистов. В семинаре по химреагентам для нефтяной промышленности, на котором был представлен опыт полимерного заводнения в США с использованием полимеров типа «Пушер», применение деэмульгаторов фирмы Dow Chemical для обезвоживания и обессоливания нефти и жидкости по закачиванию скважин участвовали 22 советских специалиста-нефтяника. В состав советских делегаций на семинарах по газовым турбинам и новой технике производства труб, строительства и эксплуатации газопроводов входило 12 работников советской нефтегазовой отрасли (РГАЭ Ф. 70 О. 1, Д. 8631, л. 61–63).

Особым направлением советско-американского сотрудничества становится разработка совместных проектов и открытие в СССР представительств американских компаний, специализирующихся на разработках нефтепромыслового оборудования и новых технологиях, применяющихся по разным направлениям деятельности отрасли: при поиске и разведке, добыче, подготовке, транспортировке, хранению и переработке нефти и газа.

В 1970-е гг. для советской нефтяной отрасли в целом и в первую очередь для месторождений Мангышлака и Западной Сибири, где в широких масштабах осуществлялась закачка в пласты пресной воды, проблема контроля обводнения продуктивных пластов пресной водой была особенно актуальна. Несмотря на то, что над решением данной проблемы работали многие исследовательские и конструкторские организации Миннефтепрома и Министерства геологии СССР, в нашей стране на тот период времени отсутствовали эффективные геофизические методы контроля обводнения продуктивных пластов пресной водой. По оценкам специалистов ВНИИнефте-

промгеофизика и Запсибнефтегеофизика: «В виду того, что важнейшие комплектующие изделия (специальная нейтронная трубка, термостойкий спектрометрический сцинтиллятор, функциональные амплитудные анализаторы в полевом исполнении и др.) будут разрабатываться в соответствующих организациях других ведомств, завершение разработки аппаратуры углерод-кислородного каротажа следует ожидать через 7-8 лет» (РГАЭ Ф. 70 О. 1, Д. 8632, л. 52). К этому времени в США благодаря разработкам компании «Дрессер», аккредитованное представительство которой было открыто в Москве в сентябре 1978 года, данная проблема была успешно решена.

С фирмой «Дрессер индастриз инкорпорейшн» научно-техническое сотрудничество осуществлялось по трём направлениям: «Винтовые забойные двигатели», «Совместное создание автоматизированного агрегата для ремонта нефтяных скважин», «Совместное создание аппаратуры для геофизических исследований скважин». В рамках работы по первому из них в июле 1976 года в СССР состоялась встреча экспертов по бурению, на которой была разработана программа совместных промышленных испытаний забойных винтовых двигателей советского производства с шарошечными долотами с маслonaполненной герметизированной опорой производства фирмы «Секьюрити» (отделение фирмы «Дрессер»). Долота фирма «Дрессер» обязалась предоставить для испытаний бесплатно. Было определено, что испытания будут проводиться в Альметьевском УБР объединения «Татнефть» в конце 1979 года (РГАЭ Ф. 70 О. 1, Д. 8631, л. 49). По второму направлению сотрудничества в ходе переговоров определённые вопросы возникли при обсуждении грузоподъёмности будущего агрегата. Американская сторона заявила, что грузоподъёмность аналогичных агрегатов, которые обычно используются в США для ремонта скважин, составляет 80-85 метрических тонн. В связи с этим американская сторона оставила за собой право провести дополнительное исследование экономической приемлемости для рынка США агрегата грузоподъёмностью 50 метрических тонн, предложенной советской стороной в качестве основы данного совместного проекта (РГАЭ Ф. 70 О. 1, Д. 8631, л. 49). По третьему направлению советская сторона предлагала «на контрактной основе опробовать в усло-

виях месторождения Самотлор разработанную фирмой «Дрессер Атлас» аппаратуру углерод-кислородного каротажа». Поскольку «по оценке специалистов Главтюменнефтегаза, экономическая эффективность внедрения метода контроля обводнения пластов пресной водой на месторождении Самотлор оценивается не менее 1 млн. рублей в год», «предлагается, на контрактной основе пригласить фирму «Дрессер Атлас» в СССР, которая предоставит аппаратуру и направит специалистов для проведения совместных исследований на 5-6 скважинах месторождения Самотлор». Однако из-за отсутствия денег для оплаты контракта у советской стороны дальнейшее сотрудничество в этом направлении было приостановлено (РГАЭ Ф. 70 О. 1, Д. 8632, л. 52).

Дальше других в конце 1970-х гг. советско-американское нефтяное партнёрство продвинулись с фирмой «Герхард Оуэн», соглашение о научно-техническом сотрудничестве с которой было подписано в сентябре 1978 года. Стороны принципиально договорились о совместной разработке некоторых видов геофизической промысловой аппаратуры: по созданию аппаратуры индукционного каротажа для сверхглубоких скважин (предельная температура 250 °С, давление 150 МПа, диаметр прибора 73 мм.) и аппаратуры диэлектрического каротажа (предельная температура 150 °С, давление 100 МПа, диаметр прибора 73 мм.) на базе комплектующих изделий обеих сторон (РГАЭ Ф. 70 О. 1, Д. 8631, л. 52). Советскими и американскими специалистами были согласованы технические требования к аппаратуре, разработана, согласована и утверждена рабочая программа сотрудничества. Однако контакты остановились на стадии подписания контракта.

К сожалению, нередко в истории XX века, вопреки учению Маркса о «базисе и надстройке», экономика нередко становилась «заложницей» политики. Так случилось и на рубеже 1970–1980-х гг. Начало резкому обострению международной обстановки положило решение о вводе советских войск в Афганистан в конце декабря 1979 года для оказания интернациональной помощи афганской революции. Это решение было воспринято на Западе как отказ от политики «разрядки». Новый Президент США Рональд Рейган взял курс на жёсткую конфронтацию с СССР. Была выдвинута доктрина «ограниченной ядерной вой-

ны», предусматривающая нанесение первого обезоруживающего удара по пусковым установкам ракет и центрам управления СССР. В США развернулись работы по созданию системы противоракетной космической обороны (СОИ). В такой обстановке вновь обострившегося военного соперничества СССР и США дальнейшее развитие плодотворного советско-американского сотрудничества в нефтяной отрасли становилось невозможным.

В наши дни, по прошествии 40 лет, первые научно-технические контакты советских специалистов нефтяной промышленности с американскими компаниями, специализирующимися на разработках нефтепромыслового оборудования и новых технологиях, применяющихся в нефтяной отрасли, можно оценивать как важное историческое событие, заложившие фундамент современных внешнеэкономических связей российских нефтяных компаний.

Литература

1. РГАЭ (г. Москва) Ф. 70 – О. 1 – Д. 8631. Отчёт Министерства нефтяной промышленности о выполнении плана научно-технического сотрудничества СССР с зарубежными странами за 1979 год и мероприятия по внедрению результатов сотрудничества.

2. РГАЭ (г. Москва) Ф. 70 – О. 1 – Д. 8632. Материалы по научно-техническому сотрудничеству с организациями и фирмами США.

ПРОЯВЛЕНИЕ РОССИЙСКОЙ СПЕЦИФИКИ В ВОПРОСАХ ФОРМИРОВАНИЯ КОНЦЕПЦИИ «ИНДУСТРИАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ»

Н. М. Будкевич

*Институт «Казгражданпроект» (Казань),
archinik07@gmail.com*

Развитие города напрямую зависит от способности общества к управлению организационным, технологическим, производственным и культурным потенциалом. Так, интеллектуальные ресурсы Греции способствовали формированию философской мысли в античных Афинах, а последствия технологической революции определили вектор развития Англии¹. Тем не менее, даже крупные городские образования теряют свои устоявшиеся позиции торговых, культурных или индустриальных центров и перед обществом встаёт вопрос определения стратегии самореализации, которая послужит прежде всего на благо своих обитателей.

Коренные изменения XX-го века в системе промышленного производства в значительной мере предопределили состояние индустриальных объектов, часть которых перестали выполнять прямую задачу, а подчас и вовсе оказались остановленными. Ускоренные темпы внедрения производственных инноваций и совершенствования технических устройств стали причиной окончания индустриальной эры и началом нового исторического этапа. Возрастающая угроза фактической утраты бесчисленных свидетельств индустриального прошлого, а в ряде случаев полного исчезновения целых промышленных секторов, таких, как горное дело и производство газа, сопровождается растущим интересом общества к истории и культуре, связанной с наследием данного периода. Гуманистическая направленность этих явлений обладает особенностью сохранения различных разнообразий: в природе, этнокультуре, в урбанистической и, в частности, в индустриальной культуре. Однако, круг артефактов настолько велик, что теоретическая неопределённость концепции «инду-

¹ События, связанные с переходом экономической системы Англии от аграрно-феодальной к промышленно-капиталистической в конце XVIII века

стриальное наследие» создает существенные сложности идентификации объектов, предметов и иных проявлений периода индустриализации.

Отечественный подход формирования концепции «Индустриальное наследие» характеризуется наибольшей приверженностью к теоретическому анализу трактовки основополагающих терминов. Между тем наблюдаются расхождения в определении теоретико-методологических основ этого феномена. Степень неразрешённости вопроса подтверждает хотя бы тот факт, что уже на протяжении почти двух десятилетий в научных сборниках постоянно уточняются трактовки терминов «индустриальное наследие», вновь и вновь формулируются задачи и основные принципы охранной и исследовательской деятельности (Курлаев, 2011).

Локомотивом теоретического осмысления наследия индустриального периода в России изначально выступала уральская школа. Многочисленные проявления данного исторического этапа, представленные здесь, по большей части, свидетельства металлургической и горнодобывающей промышленности, стали предметом изучения ещё в 60-х годах прошлого века. Международное сотрудничество и интеграция в русский язык понятий «индустриальное наследие» и «индустриальная археология» способствовали развитию дискуссии в научных кругах. Результатом этих взаимодействий стало проведение двух конгрессов, организованных ТИССИН, с последующей публикацией «Нижнетагильской хартии индустриального наследия», где в общем виде было сформулировано следующее понятие: «Индустриальное наследие состоит из останков индустриальной культуры, которые имеют историческую, технологическую, социальную, архитектурную или научную ценность. К этим останкам относятся здания и механизмы, мастерские, заводы и фабрики, шахты и площадки для обработки и переработки, склады и лавки, места, где производится, передаётся и используется электроэнергия, транспорт и инфраструктура, а также объекты соци-

альной деятельности, связанные с промышленностью, такие как жильё, религия или образование»¹.

Активное участие уральских исследователей в работе позволило расширить некоторые категории основополагающего документа ТИССИН. Ценностные критерии нематериальной сферы были дополнены важностью уникальных инженерных решений как неотъемлемой части самого предприятия, его структуры, компонентов и оборудования, а также социальной значимостью как части истории жизни рабочих, обеспечивающей важное чувство идентичности.

Дополняя отечественную научную базу, исследователи из Мордовии изучают историко-экономические аспекты наследия индустриального периода, освещая сущность промышленной эволюции. Исследование процессов совершенствования производительных сил, технико-технологического прогресса и усиления рыночной экономики приводит к выводам об изменениях в структуре жизнедеятельности предпринимательской среды и усилении элементов рационализма, индивидуализма, частной инициативы, а также формирования роли рыночного начала в промышленной деятельности. Авторами научных изысканий индустриальное наследие представлено, прежде всего, как продукт приложения творческих сил предшествующих поколений, позволяющий современному обществу сохранять и развивать научно-технический потенциал и социально-значимые традиции предшествующих поколений (Арсентьев, 2005). Проведение антропометрического анализа социально-экономического положения заводского населения позволяет рассмотреть уровень мате-

¹ Первый международный конгресс, проходивший в России под названием «Сохранение индустриального наследия: Мировой опыт и Российские проблемы» состоялся в Екатеринбурге – Нижнем Тагиле в 1994 году. По результатам мероприятий было организовано национальное представительство ТИССИН в России.

По результатам второго международного конгресса, проходившего в российских городах: Москва – Екатеринбург – Нижний Тагил в 2003 году, под названием «Трансформация старых индустриальных центров, роль индустриального наследия», была опубликована и принята на международном уровне «Нижнетагильская хартия индустриального наследия».

риального благосостояния, заработной платы и иных источников доходов производственного социума.

Обобщая вышеизложенное, можно предположить, что индустриальное наследие занимает самодостаточное положение в системе как материальных, так и культурных ценностей. Будучи связано с трудовой и научно-технической деятельностью предшествующего общества, позволяет приблизиться к осознанию феномена индустриализации в целях использования настоящим и передачи будущим поколениям накопленного опыта.

Литература

1. Арсентьев Н. М. Индустриальное наследие: опыт исследования ученых мордовского университета // Материалы конференции «Индустриальное наследие», 2005. – С. 49–51.

2. Курлаев А. Е. Историографическое осмысление индустриального наследия в России // Уральский исторический вестник № 4 (33), 2011. – С. 47.

МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ И КАРТОГРАФИРОВАНИЯ ИНДУСТРИАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ

В. А. Голубенко¹

*Государственный университет по землеустройству
(Москва), v.g.s96@list.ru*

Одним из направлений наших исследований по теме «Планирование и организация рационального использования инвестиционно-привлекательных объектов землеустройства» стало совершенствование методологии дальнейшего пространственного развития территорий, прилегающих к Московской кольцевой автомобильной дороге (МКАД). Ранее здесь, на относительно удалённых от Москвы территориях были сосредоточены промышленные, транспортные, перерабатывающие предприятия, склады, ТЭЦ, ткацкие фабрики, территории которых теперь, в связи с расширением многоэтажного жилищного строительства и границ Новой Москвы, повысили свою инвестиционную привлекательность. Многократно возросла ценность земель под промышленными зонами и объектами индустриального наследия. Поэтому, при их наличии, таковые следует рассматривать как возможный системный элемент предложения под инвестиционные проекты.

На территориях практически всех городских округов, примыкающих к МКАД на застроенных и застраиваемых территориях, зачастую размещены и совокупности индустриальных строений, возведённых с конца XVIII до середины XX веков, являющихся одновременно и материальными носителями объектов культурного и индустриального наследия.

При дальнейшем расширении границ Москвы их дальнейшая судьба: снос или сохранение с реновационным использованием... Полагаем, что необходима организация поисковой, познавательной деятельности путём постановки практических задач, решения вопросов о терминологии изучения и реновации их и как объектов землеустройства, требующих самостоятельного творческого решения.

¹ Научный консультант: доц., к. э. н., академик Российской академии естественных наук (РАЕН) Исаченко А. П.

На перспективу, применительно к сфере землеустройства из индустриального наследия (архитектуры, конструкций, производственного оборудования, образцов продукции, технологий, письменных источников, индустриальных ландшафтов), необходимо формирование целесообразного мировоззренческого подхода; совершенствование приёмов, способов и совокупности методов исследования.

То есть, совершенствование методологии землеустройства – как науки о методах изучения экономических явлений, хозяйственной жизни применительно к дальнейшему использованию территорий, прилегающих к МКАД с размещёнными на индустриальных ландшафтах объектами индустриального наследия, связано с потребностью самой землеустроительной науки и с допустимым заимствованием методов из смежных географических дисциплин.

Попытаемся выделить основные методы научных исследований – приёмы и средства познания предмета науки, с помощью которых учёные могут получать достоверные сведения, используемые для построения научных теорий и выработки практических рекомендаций. Имея в виду, что предметом исследования выступают возможности преимущественно реновационного использования объектов индустриального наследия, возрастающая роль промышленной архитектуры в формировании архитектурно градостроительного облика городских округов; экономико-экологические закономерности, проявляющиеся при управлении проектами устойчивого пространственного развития территорий, планировании и организации рационального использования земель под объектами капитального строительства применительно к высоким уровням потенциальной инвестиционной привлекательности земельных участков (территориальной основы нынешних индустриальных объектов) и параметров их местоположения. Таким образом, проявляется и землеустроительная специфика в вопросах формирования концепции реновации индустриального наследия.

Целью проводимого исследования является апробация направлений совершенствования управления земельными ресурсами территорий, примыкающих к МКАД, с использованием

информации об индустриальных ландшафтах и сохранившихся архитектурных объектах, строениях.

Предварительные результаты исследования: предложение вариантов дальнейшего реновационного использования индустриальных ландшафтов; предварительная оценка развития индустриального туризма с функциями: образовательная, познавательная, эстетическая, творческая, паломническая.

Индустриальные исследования традиционно основаны на стандартных методиках и ориентированы на нужды всех отраслей и звеньев индустрии; однако имеют особенности применительно к планированию и организации рационального использования объектов землеустройства – в методике сбора информации и способов организации исследований по репрезентативным выборкам. В частности, при выборе объектов индустриального наследия: объект должен быть зарегистрирован на конкретной местности, при постановке задачи комплексного развития территорий – приоритет сохранению ценных объектов индустриального наследия; работа с базами данных, использование систематизированных и сравнительных методик, анализ статистической информации, применение математических методов, экспертных интервью, картографических методов анализа процессов индустриального развития.

Под методами изучения индустриального наследия подразумеваются разные способы изучения проблемы, предметов, явлений; способы достижения цели исследовательской работы, путь исследования.

Метод исследования разделяется на: – региональный; – отраслевой; – местный.

Происходит: – накопление научного материала; – изучение литературы и источников, ознакомление с историей и теорией вопроса, достижениями в смежных областях, консультация, наблюдение; – осмысление собранного материала: сравнение, измерение, анализ и синтез, обобщение, моделирование; – проверка и уточнение фактов: критика, уточнение сделанных выводов, корректировка, обсуждение результатов, эксперимент, проверка на практике.

На примере и в рамках управления проектами устойчивого пространственного развития территорий городских округов Реутов и Балашиха нами апробируется совокупность методов изу-

чения объектов индустриального наследия на территориях, примыкающих к Московской кольцевой автомобильной дороге (в первую очередь: геоинформационных систем, исторический, картографический, космический, математический, статистический, социологический). А также методы:

Исторический и логический подход – позволяющий учесть опыт управления, проследить и оценить его изменения в зависимости от характеристик внешней среды.

Компаративный анализ – метод, построенный на использовании сравнения, нахождения аналогий между различными данными, понятиями, явлениями.

Математические – регистрация, метод ранжирования, шкалирование, статистические методы, экономико-математическое моделирование.

Методы краеведческих исследований: поиск и сбор материалов, исследование их достоверности, документальное и научное обоснование результатов исследований, публикация или обнародование результатов научно-исследовательских работ.

Наблюдений – слежение за происходящими явлениями, их регистрация, систематизация, выявление закономерностей.

Научной абстракции – отвлечение от конкретных форм проявления сущности изучаемого явления, которые могут быть нетипичными, случайными, второстепенными и несущественными и выделение типичного, главного и существенного.

Статистический – позволяющий изучить явления и процессы, выражая их через количественные определённости и соотношения; являющийся опорой при исследованиях по обобщению статистической информации и экономической конъюнктуры.

Факторный анализ – исследование экономического явления путём рассмотрения поочерёдного воздействия на него всё большего количества влияющих факторов.

Экспериментальные – лабораторный, преобразующий, констатирующий, контрольный.

А также: – графических изображений, – системный комплексный подход; – индукция и дедукция; – маржинальный (предельный) анализ; – функциональный анализ. Совокупность данных, полученных в результате использования вышепоименованных ме-

тодов исследований позволяет наиболее объективно трактовать информации и давать научно-обоснованные рекомендации.

При дальнейшем совершенствовании «городских» проектов цифровизации землеустройства нами предлагается дополнительно выделить этап изучения и картографирования объектов индустриального наследия; предложить использование следующих способов:

Ареалов – используется для показа области распространения сплошного или рассредоточенного явления (бассейнов полезных ископаемых и т. п.)

Значков – применяется для показа объектов, локализованных в пунктах, обычно не показывающихся в масштабе карты, (населённых пунктов, месторождений полезных ископаемых, промышленных предприятий, ориентиров на местности, др.)

Качественного фона – используется для показа качественных явлений сплошного распространения на земной поверхности (связан с районированием территории по какому-либо признаку).

Количественного фона – используется для районирования территорий по определённым количественным показателям.

Точечный – применяется для показа явлений массового, но не сплошного распространения, с помощью множества точек, каждая из которых имеет определённый вес, обозначая некоторое число единиц данного явления.

Новый технологический уровень землеустроительного проектирования предполагает совершенствование существующей информационной системы, позволяющей хранить и использовать всеобъемлющую информацию по земельным участкам, необходимую для проектирования, в автоматизированном режиме применять при проектировании данные: дистанционного зондирования земли (космоснимки, аэрофотоснимки, данные беспилотных летательных аппаратов; лазерного сканирования; изучения и картографирования объектов индустриального наследия, результаты их компьютерной обработки и интерпретации.

АТЛАС ИНДУСТРИАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ ЮГРЫ КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ РЕГИОНА

Е. С. Подкопаева

Музей геологии, нефти и газа (Ханты-Мансийск),
podkopaeva@muzgeo.ru*

И. А. Яшков

**, zamnr@muzgeo.ru*

В настоящее время проблема сохранения индустриального наследия признаётся во всём мире. В обществе укрепляется сознание того, что свидетельства воплощения в жизнь достижений науки и техники не менее важны для мировой цивилизации, чем произведения искусства, они являются частью общечеловеческого культурного наследия и нуждаются в поддержке и эффективном участии членов общества в его сбережении.

Реализация такого подхода уже несколько лет ведётся в Музее геологии, нефти и газа. Музей, имея научно-технический профиль, ставит своей целью сохранить и презентовать, в том числе, индустриальное наследие. Научно-исследовательский проект «Атлас индустриального наследия Югры» (Цифровая карта «Атлас индустриального наследия Югры», эл. ресурс) функционирует с 2017 г. Это партнёрский проект, созданный Музеем геологии, нефти и газа, Югорским НИИ информационных технологий и Музейно-выставочным центром г. Когалым.

Целью создания Атласа является исследование истории индустриального освоения территории Ханты-Мансийского автономного округа – Югры и потенциала современного индустриального наследия региона с помощью инструментов анализа музейных предметов и геоинформационного картографирования.

Интерактивный «Атлас индустриального наследия Югры» – это научный продукт, который синтезирует в себе целый комплекс историко-географической информации, переработанной и представленной в виде серии тематических карт, сопровождающейся пояснительными записками и фотоматериалами.

Электронный интерактивный атлас представляет собой качественно новый способ предоставления информации об индуст-

стриальном наследии. Атлас – это систематическое собрание карт, объединённых общим замыслом и подчинённых единой программе. В удобном интерфейсе электронного атласа сочетаются возможности быстрого доступа и изучения картографических, текстовых и иллюстративных материалов.

Карты атласа – «слои» – открывают доступ к пониманию современных актуальных проблем, связанных с сохранением объектов индустриального наследия, закономерно развивающихся в результате активной деятельности человека на территории региона.

Карта в основном работает с пространством, причём не только его демонстрирует или описывает, но и формирует представление о нем в массовом сознании. Музей же в большинстве случаев имеет дело со второй главной категорией человеческого бытия – временем. Таким образом, при соединении музея и карты фактически происходит синхронизация времени и пространства, делающая доступным восприятию и первое, и второе (Гринько, Шевцова, 2015). Форма атласа выбрана, в том числе, как средство, которое может формировать идентичность, в нашем случае – региональную идентичность одного из основных нефтедобывающих регионов страны. Информация в Атласе концентрирует знания и представления об индустриальном наследии региона, формируя региональную идентичность ведущего нефтегазодобывающей территории.

Результатами условных этапов геологического и нефтегазового освоения территории Ханты-Мансийского автономного округа, а также социальных и культурных следствий данных процессов стало возникновение различных артефактов и объектов, материальное и нематериальное наследие. Музей геологии, нефти и газа фокусирует внимание на тех, которые относятся к индустриальному и промышленному наследию.

В Атласе представлены различные тематические разделы, отличные друг от друга по территориальному (районы, населённые пункты), временному (эпохи, десятилетия, значимые даты) или объектному признакам. Условно разделы-слои Атласа можно разделить на большие блоки, которые представляют разные результаты этапов формирования региональной идентичности.

Первый этап связан с началом геологического масштабного освоения и обнаружения газа в Берёзовском районе в 1953 году. В Атласе это слой «Керны», который содержит 20 объектов – коллекцию кернов Берёзовской опорной скважины из фонда Музея геологии, нефти и газа.

В 1960-х начался следующий этап, на государственном уровне была организована массовая застройка и строительство городов, которые стали базами для нефтяников, работающих на промыслах, и сотрудников сопутствующей инфраструктуры. В Атласе этап отражён слоями «Комсомольские стройки» (14 объектов), «Нефтяные города» (3 объекта), «Гербы нефтяных городов Югры» (4 объекта).

«Комсомольские стройки», включающие 14 объектов, начинаются с освоения Усть-Балыкского месторождения. Месторождение введено в разработку в 1964 году (открыто в 1961). «Нефтяные города» включают 3 объекта: Нефтеюганск, Урай, Когалым. Данные были подготовлены школьниками Средней общеобразовательной школы № 8 г. Ханты-Мансийска).

Параллельно проходил этап исторического осмысления освоения территории изнутри, местными органами власти и жителями. Результатом такой неосознанной рефлексии стали памятные знаки и памятники истории геологического изучения и промышленного освоения территории Югры. Самыми ранними примерами являются памятник первопроходцам 1976 г. в п. Иг-рим, памятник «Первооткрывателям Западно-Сибирской нефти» 1977 года в г. Урае, скульптурно-декоративный комплекс «Покорителям Самотлора» («Алёша») 1978 года в г. Нижневартовске. Эти и другие памятные знаки представлены в 57 объектах слоя «Памятники нефтяной истории». Процесс, естественно, продолжается и сейчас, на карте обозначен один из последних памятных знаков – «Архитектурная форма к 25-летию «Лукойл» в г. Когалым, установленная в 2016 году.

На слое «Герои медали «За освоение недр и развитие нефтегазового комплекса Западной Сибири» представлено 42 персоналии. Слой отражает признание вклада создателей Западно-Сибирского нефтегазового комплекса на государственном уровне. Медаль учреждена в 1978 г. указом Президиума Верховного Совета СССР. Ходатайства о награждении медалью «За освоение

недр и развитие нефтегазового комплекса Западной Сибири» подавались администрацией предприятий, организаций, учреждений совместно с партийными, профсоюзными и комсомольскими организациями трудовых коллективов, а также районными, городскими партийными органами (Медаль «За освоение недр и развитие..., эл. ресурс).

Первым нефтегазовым месторождением на территории Ханты-Мансийского автономного округа, получившим именное название, стало открытое в 1971 году Фёдоровское нефтегазоконденсатное (В памяти и делах..., 2006). Месторождение получило название в память о Фёдове Викторе Петровиче (1912–1965), руководителе геофизической службы в Сургутской НРЭ. Это и другие именные нефтегазовые месторождения представлены в одноимённом слое, который содержит 27 объектов. Факт наличия «именных месторождений» на территории Западно-Сибирской нефтегазоносной провинции отражает действия по сохранению промышленного наследия в региональном сообществе.

Следующим этапом формирования региональной идентичности стали слои, представляющие современный период развития округа. Это артефакты, добытые на территории округа, например, минералы. Шесть уникальных образцов геологической коллекции Музея геологии, нефти и газа размещены в слое «Минералы» с географической привязкой к месту добычи. Слой «Уникальные технические объекты» представляет семь значимых инженерных объектов, расположенных на территории Югры. 15 объектов слоя «Корпоративные музеи» показывают, кто сейчас является теми субъектами, кто формирует, хранит и репрезентует индустриальное наследие.

Индустриальное наследие Югры, как основного нефтедобывающего региона России и одного из крупнейших нефтедобывающих регионов мира, формируется объектами промышленного освоения уникальной нефтяной территории. Реализуя проект «Атлас индустриального наследия Югры», Музей геологии, нефти и газа способствует вовлечению подрастающего поколения и всех заинтересованных лиц в изучение и сохранение индустриального наследия, предоставляет уникальную возможность стать частью истории родного округа, способствует фор-

мированию гражданственности, патриотизма как важнейших духовно-нравственных и социальных ценностей общества.

Литература

1. Цифровая карта «Атлас индустриального наследия Югры» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vis.uriit.ru/resource/239/display> (дата обращения 06.10.2020 г.).

2. Гринько И. А., Шевцова А. А. «Реанимируя Андерсона»: музей и карта в формировании современных идентичностей // Культурологический журнал [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://cr-journal.ru/rus/journals/315.html&j_id=22 (дата обращения 07.10.2020 г.).

3. Медаль «За освоение недр и развитие нефтегазового комплекса Западной Сибири» // Ордена и медали СССР » [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mondvor.narod.ru/MZapSibir.html> (дата обращения 01.10.2020 г.).

4. В памяти и делах: Мухтар Назаргалеев: историко-краеведческий сборник № 4. / Редактор-составитель Л. В. Цареградская. – Екатеринбург: Изд-во «Баско», 2006. – С. 63.

СОХРАНЕНИЕ ИНДУСТРИАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ: ВОПРОСЫ ПРОСВЕЩЕНИЯ, ПРИКЛАДНОЙ МУЗЕОЛОГИИ И ОРГАНИЗАЦИИ ИНДУСТРИАЛЬНОГО ТУРИЗМА

ИНДУСТРИАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ И ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ РАБОТА ПО ЕГО СОХРАНЕНИЮ И ИСПОЛЬЗОВАНИЮ

Е. В. Зайцева

*Уральский федеральный университет имени первого
Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург)*,
katia_zai@mail.ru*

В. В. Запарий

**, vvzap@mail.ru*

Важнейшей особенностью современного постиндустриального развития является сохранение и реабилитация индустриального наследия, которым богаты некоторые регионы нашей страны. На международной арене эту работу ведёт некоммерческая организация Международный комитет по сохранению индустриального наследия (TICCIH). В ряде стран эта работа достаточно эффективна и привела к принятию государственных программ по сохранению и реабилитации с последующим активным использованием памятников индустриального наследия. Это страны Европы: Германия (Berger, 2019), отчасти Франция (Xie, 2015), Испания (Del Pozo, Gonzalez, 2012), Бельгия (Jonsen-Verbeke, 1999), Великобритания (Landorf, 2009), Нового света: США (Chen, Kerstetter, Graefe, 2001) и др.

К сожалению, в нашей стране на государственном уровне не проявлена заинтересованность в выявлении, сохранении и последующем использовании памятников индустриального наследия, нет единой национальной политики, позволяющей широко использовать индустриальное наследие промышленных регионов. Нет понимания того, что это часть исторического, культурного и научно-технического наследия не только региона или даже страны, но и мировой культуры.

Конечно, существуют государственные, муниципальные, общественные организации и отдельные лица, которые проводят работу по популяризации и продвижению сохранения индустриального наследия как в регионах, так и в стране в целом. Это, несомненно, учёные, музейные работники, туристские, общественные и другие организации, которые проводят такую работу. Однако она никем не координируется.

Попытка скоординировать её в рамках национального представительства ТИССИН не увенчалась успехом, хотя сменились несколько национальных представителей России в этой организации. Это не удалось ни академику В. В. Алексееву, ни профессору Л. П. Холодовой, ни нынешнему национальному представителю профессору В. В. Запарию, который в своих публикациях определил причины этого (Запарий, 2015). Среди главных следует назвать проблемы с юридическим оформлением организации по сохранению индустриального наследия, нежеланием людей платить взносы и, самое главное, незаинтересованностью властных структур в существовании такой организации. Налицо конфликт между институциональными и академическими инициативами. На это накладывается нежелание муниципальных образований сохранять индустриальную архитектуру на своих территориях. В современной рыночной экономике строительство торгового центра намного прибыльнее, чем восстановление индустриального объекта прошлого.

Поэтому главной проблемой является вопрос координации действий различных субъектов в направлении сохранения индустриального наследия (Запарий, 2014). И здесь позитивную роль может сыграть проведение форумов и конференций, посвящённых дискурсу индустриального наследия. Кроме того, несомненно, индустриальное наследие играет не только теоретическую, сугубо научную роль. Вполне актуальны вопросы коммодификации промышленного прошлого. Оно вполне может быть продаваемо как туристские маршруты, результатом может быть и сувенирная продукция, новые музейные и выставочные здания, парковые зоны (Абанкина, Деркачев, 2016). Здесь видится широкое поле для маркетинга туризма.

Национальная и региональная культурная политика в отношении заброшенных промышленных объектов не позволяет

прекратить процесс их разрушения и перейти к сохранению и восстановлению промышленного наследия. В контексте социокультурного подхода речь идет о восстановлении культурной самобытности промышленных регионов.

В последнее время памятники и артефакты индустриального наследия играют определённую роль как составляющие имиджа и бренда некоторых территорий, и могут способствовать продвижению товаров и услуг, в том числе и инновационных, регионов и страны в целом (Зайцева, Запарий, 2017).

И здесь решающую роль может сыграть пропаганда индустриального наследия во всех формах и средствах массовой информации. Необходимо воспринимать индустриальное наследие в рамках позитивистского подхода, когда при рассмотрении вопроса об объекте индустриального наследия принимается решение в пользу его сохранения и восстановления. Изменив отношение к этой сфере нашей действительности, мы сможем решать проблемы по продвижению индустриального наследия как научной и культурной реальности, экономически выгодного товара в условиях рыночных отношений.

В этой связи, скоординировав пропагандистскую деятельность, её можно осуществлять по нескольким направлениям, по которым реально уже давно и ведётся разрозненная работа с разной степенью результативности.

1. Научная составляющая. Разработка программ по выявлению, сохранению и реабилитации памятников индустриального наследия. Проведение конференций, симпозиумов и семинаров по научным проблемам этого явления в культурной, исторической и научной жизни современного общества. Необходима разработка стандартов для предоставления и демонстрации объектов и экспонатов индустриального наследия.

2. Международная составляющая. Это работа в ТИССИН, продолжение попыток создать реально действующее отделение организации в России, активизации его деятельности на международной арене и в регионах нашей страны.

3. Институциональная составляющая. Работа с органами власти, как государственной, так и муниципальной, с разъяснением необходимости внесения работы по сохранению индустриального наследия в сферу своей деятельности, разработки и

принятия региональных и национальных программ. Обратить внимание властных структур, что пропаганда индустриального наследия способствует формированию здорового патриотизма, является неременной составляющей в создании и совершенствовании гражданского общества.

4. PR-составляющая. Внимание к общественным организациям и обществам, с помощью которых можно многое сделать по пропаганде национального и регионального индустриального наследия. Необходимо привлекать местное сообщество к принятию решений и разработку стратегии его сохранения. Следует поощрять внимание общественности к памятникам и артефактам индустриального наследия, сделав это определённой модой. Продолжить пропаганду сопутствующих этому явлению объектов, таких как музеи, исторические объекты и ландшафты, памятные места. Следует обратить внимание на привлечение и создание волонтерских организаций в этой сфере.

5. Экономическая составляющая. Особое внимание следует обратить на экономическую эффективность индустриального наследия, как продаваемый образ ряда регионов, в виде содержательного наполнения регионального имиджа или бренда.

6. Образовательная составляющая. Индустриальное наследие может стать составной частью при написании учебных и ознакомительных курсов по музееведению, туризму, краеведению, истории науки и техники в системе среднего и высшего образования (Зайцева, Запарий, 2016), расширение физического доступа к его объектам. Необходима разработка образовательных программ, популяризирующих индустриальное наследие страны и региона, реализуемых в средней и высшей школе.

Таким образом, необходима государственная политика, использующая индустриальное наследие для социально-экономического развития регионов, которые в современном постиндустриальном обществе подчас потеряли своё былое величие, однако обладают широким культурным наследием в виде промышленных зданий и сооружений. И здесь может помочь только скоординированная работа всех заинтересованных сторон по решению проблемы сохранения и последующего использования индустриального наследия в нашей стране. И здесь решающая роль принадлежит пропагандистской работе. Итогом всего этого

должно стать принятие национальной программы по сохранению индустриального наследия в России (Запарий, 2009).

Литература

1. Абанкина Т. В., Деркачев П. В. Стратегии повышения эффективности использования объектов культурного наследия // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2016. – № 4. – С. 45–74.

2. Зайцева Е. В., Запарий В. В. Индустриальное наследие как важнейшая составляющая имиджа промышленного региона (социологический анализ) // Экономическая история. – 2017. – № 1 (36). – С. 31–35.

3. Зайцева Е. В., Запарий В. В. К вопросу о создании и развитии музеев науки и техники на Урале и в других промышленных регионах // 26-я Международная Крымская конференция «СВЧ-техника и телекоммуникационные технологии» (КрыМи-Ко'2016): материалы конференции: в 13 т. 2016. – С. 2879–2887.

4. Запарий В. В. Проблемы сохранения индустриального наследия в России и на Урале и государственные структуры // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: Индустриальная модернизация Урала в XVIII–XXI вв. – Екатеринбург, 2014. Т. 1. – С. 276–280.

5. Запарий В. В. Успехи и поражения Российского национального представительства Международного комитета по сохранению индустриального наследия (ТИССИН) // Веси. 2015. № 10. – С. 49–52.

6. Запарий В. В. Актуальность принятия национальной программы по сохранению индустриального наследия. // Материалы Международной научно-практической конференции посвященные памяти академика Зулхарнай Алдамжар «Алдамжаровские чтения – 2009». Т. 1. 2009. С. 148–152.

7. Berger S. Industrial heritage and the ambiguities of nostalgia for an industrial past in the Ruhr Valley, Germany // Labor. – 2019. – Т. 16. – № 1. – С. 37–64. doi.org/10.1215/15476715-7269314

8. Chen J. S., Kerstetter D. L., Graefe A. R. Tourists' reasons for visiting industrial heritage sites // Journal of Hospitality & Leisure Marketing. – 2001. – V. 8. – № 1–2. – P. 19–31. doi.org/10.1300/J150v08n01_03

9. Del Pozo P. B., Gonzalez P. A. Industrial heritage and place identity in Spain: From monuments to landscapes // *Geographical Review*. – 2012. – V. 102. – № . 4. – С. 446–464.
doi.org/10.1111/j.1931-0846.2012.00169.x
10. Jonsen-Verbeke M. Industrial heritage: A nexus for sustainable tourism development // *Tourism geographies*. – 1999. – Т. 1. – № . 1. – С. 70–85. doi.org/10.1080/14616689908721295
11. Landorf C. A framework for sustainable heritage management: A study of UK industrial heritage sites // *International Journal of Heritage Studies*. – 2009. – V. 15. – № . 6. – P. 494–510.
doi.org/10.1080/13527250903210795
12. Xie P. F. Industrial heritage tourism. – Channel View Publications, 2015. – 253 p.

**КРАСНОЯРСКОЕ ДЕЛО ГЕОЛОГОВ 1949 Г.
В КОНТЕКСТЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ
И ВЫСТАВОЧНОЙ РАБОТЫ
ТОМСКОГО МЕМОРИАЛЬНОГО МУЗЕЯ
«СЛЕДСТВЕННАЯ ТЮРЬМА НКВД»**

В. А. Ханевич

*Томский областной краеведческий музей
имени М. Б. Шатилова (Томск), han.tomsk@yandex.ru*

Тематика доклада посвящена делу 70-летней давности в отношении группы выдающихся советских геологов, арестованных и приговорённых к длительным срокам заключения в лагерях ГУЛАГа по обвинению в том, что намеренно скрывали месторождения урана, якобы имеющиеся в Сибири, в частности в Красноярском крае.

В 2019 году сотрудниками Мемориального музея истории политических репрессий «Следственная тюрьма НКВД» (отдел ТОКМ им. М. Б. Шатилова) на основе изучения архивных материалов и собранных экспонатов была подготовлена и реализована выставка под названием «Заложники урана. Красноярское дело геологов 1949 года».

На выставке были представлены рабочие инструменты геологов, личные вещи проходивших по данному делу профессоров томских вузов Хахлова, Булынникова, Баженова, архивные документы, образцы пород минералов и древних окаменелостей, в своё время собранные в коллекции участниками данного дела и их учениками. Основной раздел экспозиции составляли информационные стенды, посвящённые судьбам репрессированных в 1949–50-е годы.

О ВОЗМОЖНОСТЯХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ОБЪЕКТОВ ИНДУСТРИАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ В ТУРИСТИЧЕСКИХ ЦЕЛЯХ НА ТЕРРИТОРИИ БАРСОВОЙ ГОРЫ

Е. В. Игнатьевская

*Историко-культурный научно-производственный центр
«Барсова Гора» (Сургут), ef.el.vik@yandex.ru*

В границах достопримечательного места «Барсова гора» расположено значительное количество промышленных объектов: 12 кустов скважин, 5 одиночных и 2 разведочные скважины Западно-Сургутского месторождения ПАО «Сургутнефтегаз», 5 электростанций, трубная база, асфальтобетонный завод, железнодорожный тупик, мебельная фабрика. Помимо них на территории Барсовой горы находятся такие селитебные объекты, как г. п. Барсово, 7 дачных кооперативов, спортивная база «Сибирский легион», база отдыха «Олимпия», а также сеть трубопроводов, федеральная автомобильная и железная дороги, отдельная железнодорожная ветка с востока на запад к товарному парку, сеть дорог к кустам скважин и дачным посёлкам (Тюрин, 2017, с. 10). Присутствие таких объектов на территории достопримечательного места рассматривалось исследователями, как правило, в контексте их негативного воздействия на памятники археологии и природные сообщества (Тюрин, Ведмидь, 2009; Тюрин, 2012). Более того, с началом эпохи активного промышленного развития территории Сургута и Сургутского района были связаны события наиболее масштабных разрушений и утрат объектов археологического наследия на Барсовой горе¹. Необходимость развития этой территории в индустриальном плане зачастую шла вразрез решению вопросов обеспечения сохранности расположенных здесь объектов культурного наследия. Вместе с этим, именно благодаря активному развитию нефтегазодобывающей отрасли на территории Западной Сибири, территория Барсовой горы была открыта как уникальное образование, заключающее в себе бес-

¹ Ю. П. Чемякин и А. В. Носкова прослеживают хронологию этих событий в своём исследовании [Чемякин, Носкова, 2002].

прецедентное количество памятников археологии. Результатом исследовательской деятельности 60–70-х гг. XX в. археологической экспедиции Уральского государственного университета стало выявление на территории урочища сотен селищ, объединивших остатки более трёх тысяч жилищ и построек, десятков городищ, а также могильников, святилищ и кладов (Чемякин, Зыков, 2004, с. 6).

В условиях, когда на мировом и российском уровне в приоритет выходит развитие внутреннего туризма на базе особо охраняемых природных территорий и территорий, ценных в историко-культурном отношении¹, особую актуальность получает вопрос разработки проекта туристического кластера на территории достопримечательного места «Барсова гора». В этом контексте, на основе полевых исследований, проведённых в текущем году под моим руководством в юго-восточной части достопримечательного места, в границах заповедной зоны, была разработана концепция туристической тропы «Путешествие в Древность» (Игнатъевская, 2020), протяжённостью 2 км. В её структуру были включены объекты осмотра, охватывающие все исторические периоды развития территории урочища Барсова гора. Это объекты, отражающие его физико-географические характеристики, специфику геологического строения, биологическое разнообразие, а также представленные здесь памятники археологии, являющиеся наглядными свидетельствами исторических эпох от неолита до средневековья, культовые места и участки территорий, связанные с событиями первых научных исследований на территории Барсовой горы: политссыльного В. Ф. Казакова в 1887 г. и шведского исследователя Ф. Р. Мартина в 1891 г. (Чемякин, 2008; Чемякин, Зыков, 2004; Зыков, 2012). Впоследствии эта концепция была включена в проект туристического кластера на территории достопримечательного места «Барсова гора», который разрабатывает ООО «Лаборатория здоровых решений» в рамках реализации

¹ В июне текущего года Агентством стратегических инициатив был запущен всероссийский конкурс на создание туристско-рекреационных кластеров и развитие экотуризма в России. – Режим доступа: <https://priroda.life> (дата обращения: 27.08.2020).

инвестиционной стратегии Сургутского района (Инвестиционная стратегия..., 2017).

В целях развития и укрупнения тем, заявленных в концепции «Путешествие в Древность», в настоящее время мы разрабатываем концепт информационного модуля, посвящённого индустриальному наследию на территории урочища Барсова гора, который может быть интегрирован на стадии проектирования туристического кластера в туристическую тропу в юго-восточной части достопримечательного места и размещён на интерактивном экране в зоне выхода с тропы. Указанный модуль будет предусматривать два демонстрационных режима 3D-модели Барсовой горы: исторический и кластерный. В историческом режиме зрителям будет поэтапно представлен процесс застройки территории урочища объектами промышленного и селитебного назначения. Нам предстоит большая работа по выявлению, систематизации и обобщению исторических материалов для воссоздания достоверной и целостной картины этого процесса.

В кластерном режиме на территории достопримечательного места будут подсвечены и анимированы селитебные – В1, В2 и промышленные зоны – Г1, Г2, Г3 в утверждённых границах. У каждого посетителя будет возможность последовательно активировать каждую из них и узнать, какие объекты, обозначенные символами, размещены на этих территориях. Отдельные символы будут содержать внутреннее расширение. Так, например, активируя условный символ станка-качалки, зритель сможет наглядно увидеть полный цикл добычи нефти: от обустройства кустовой площадки и бурения нефтяной скважины до установки станка-качалки, извлечения нефтяного пласта и его транспортировки. В ближайшее время нам предстоит определить и научно обосновать те критерии и принципы, которые будут положены в основу идентификации, отбора, систематизации и атрибуции объектов индустриального наследия, расположенных на территории достопримечательного места «Барсова гора», сведения о которых мы сможем включить в информационный модуль, поскольку вплоть до настоящего времени вопросы использования объектов индустриального наследия на территории Барсовой горы в качестве объектов показа в научной литературе не затрагивались.

Комплексный подход, заключающийся в проявлении всех исторических смыслов, явлений и событий, связанных и локализованных на территории Барсовой горы в информационном пространстве проектируемой тропы и туристического кластера в целом, позволит создать уникальное коммуникативное пространство. Потребность в таком пространстве обусловлена наблюдаемыми последствиями глобализационных процессов, нивелирующих и деноминирующих культурные и этнические территориальные различия, порождающих когнитивный диссонанс и фрустрацию (Даллакян, 2016, с. 154), которые обостряются в контексте тех территорий, где историчность в их повседневном поле либо недостаточно выражена, либо практически отсутствует.

Литература

Нормативные источники

1. Инвестиционная стратегия муниципального образования Сургутский район Ханты-Мансийского автономного округа – Югры до 2030 года «От проектов к проектам». Утверждена постановлением администрации Сургутского района от 9.11.2017 № 3922.

Архивные источники

2. Игнатьевская Е. В. Путешествие в Древность. Концепция туристической тропы в юго-восточной части достопримечательного места «Барсова гора». – Сургут, 2020. – БИИКФ Сургутского района. – Ф. Р-4, Оп. 1, Д. 751.

3. Тюрин В. Н. Научное обоснование по организации туризма на территории урочища «Барсова Гора». – Сургут, 2017. – БИИКФ Сургутского района. – Ф. Р-4, Оп. 1, Д. 752.

Опубликованные источники

1. Даллакян К. С. Тенденции современной глобализации // Вестник Финансового университета. – М., 2016. – № 3(93). – С. 150–156.

2. Зыков А. П. Барсова гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Средневековье и новое время. – Екатеринбург, 2012. – 232 с.

3. Чемякин Ю. П., Носкова А. В. Хроника разрушений на Барсовой горе // Барсова гора: 110 лет археологических исследований. – Сургут, 2002. – С. 58–61.

4. Тюрин В. Н., Ведмидь Г. П. Урочище Барсова гора – объект природного и культурного наследия, его состояние и пути сохранения // Экология и природопользование в Югре: мат-лы научно-практ. конф., посв. 10-летию кафедры экологии СурГУ (Сургут, 16–17 октября 2009 г.). – Сургут, 2009. – С. 115–116.

5. Тюрин В. Н. Урочище «Барсова гора» – памятник «цивилизированного варварства» // Человек и Север: антропология, археология, экология: мат-лы всерос. конф. (Тюмень, 26–30 марта 2012 г.). – Тюмень, 2012. – Вып. 2. – С. 359–362.

6. Чемякин Ю. П., Зыков А. П. Барсова Гора: археологическая карта. – Сургут – Омск, 2004. – 208 с.

7. Чемякин Ю. П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Древность. – Сургут – Омск, 2008. – 224 с.

«ЦЕННОСТНОЕ» И «ОБЫДЕННОЕ» В ОФИЦИОЗНЫХ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯХ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ХАНТЫ-МАНСИЙСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ОКРУГА В ПАРТИЙНО-СОВЕТСКОЙ ПЕЧАТИ ПРЕДВОЕННОГО ВРЕМЕНИ

А. Г. Киселев

*Обско-угорский институт прикладных исследований
и разработок (Ханты-Мансийск), kiselev1954@mail.ru*

О мифологическом характере общественного сознания советской эпохи писали многие (Боброва, Высоцкая, 2010; Высоцкая, 2010). Здесь рассмотрим, как связанные с большевистским мифом ценностное и обыденное, «сакральное» и «профанное», отражались в предвоенных официозных репрезентациях промышленности Ханты-Мансийского национального округа предвоенной поры.

Поскольку большевики вели свою родословную от Маркса, «промышленность» традиционно рассматривалась ими как материально-техническая база коммунизма/социализма, а порождённый ею «пролетариат» как демиург нового мира.

После гражданской войны в связи с началом «социалистического строительства» это сredo должно было согласовать с фактором социокультурной пестроты советского общества, на деле представлявшего собой совокупность различных социально-экономических структур/укладов, помноженную на этнокультурные различия. На языке большевизма эту задачу сформулировал Сталин: «... нужна действительная, систематическая, искренняя пролетарская помощь с нашей стороны трудящимся массам отсталых в культурном и хозяйственном отношении национальностей. Необходимо, чтобы кроме школ и языка, российский пролетариат принял все меры к тому, чтобы на окраинах, в отставших в культурном отношении республиках, – а отстали они не по своей вине, а потому, что их рассматривали как источники сырья, – необходимо добиться того, чтобы в этих республиках, были устроены очаги промышленности» (Сталин, 1947).

В 1941 г. в выпущенном в честь 10-летия Ханты-Мансийского национального округа сборнике «Возрождённый народ», эта цитата открывала раздел «Промышленность». Разделы о сель-

ском хозяйстве, торговле, транспорте, бюджете, социально-культурном строительстве, как и разделы этнокультурно-нагруженные – о рыболовстве, охоте, народном творчестве, очевидно по соображениям ценностного порядка, следовали за ним.

«У индустриализации было два измерения, – заметил Ю. Слёзкин. – Она должна была принести социализм в Россию и привести Россию в Азию» (Слёзкин, 2017). Официозные репрезентации успехов «социалистического строительства» в округе свидетельствовали о том, что пришествие «в Азию» состоялось. Удалось «решить задачу», поставленную Сталиным: «эти республики в хозяйственном отношении отставшие и не имеющие пролетариата, должны с помощью русского пролетариата основать у себя очаги промышленности, хотя бы маленькие очажки, с тем, чтобы в этих очажках были группы пролетариев местных, могущих послужить передаточным мостиком от русских пролетариев и крестьян к трудящимся массам этих республик» (Сталин, 1947).

«Группам пролетариев» советский официоз примерял одежды «апостолов» творца будущего – Русского пролетариата. «Образовались первые кадры рабочего класса – читаем в «Возрождённом народе». – В государственной и местной промышленности округа и на промыслах работает свыше 8000 человек» (Возрождённый народ, 1941). Авторы умалчивали и о «навозном» характере «первых кадров рабочего класса», и о том, что в указанные 8 тысяч посчитали рыбаков¹.

Однако «потребности дня», незначительные масштабы и материально-техническая слабость производств союзного и республиканского подчинения (рыба, лес, ягодные экстракты), не говоря о местной промышленности, делали неуместным систематическую эксплуатацию «сакральных» образов. Спорадические опыты такого рода в областной, окружной и районных газетах отдавали несоразмерностью – вот некоторые заголовки газетных материалов (Обь-Иртышский Север, 2000):

¹ 8-ми тысячная численность «рабочего класса», очевидно, была выведена «для красного словца». В статье о промышленности округа к его юбилею в «Остяко-Вогульской правде» приводилась другая – 6000 человек. В это число к тому же входили и рыбаки (Вайветкин, 1940).

– За индустриализацию Оби (1931) / Создать мощную кустарную промышленность (1935) / Промышленности района – широкий размах и большевистское внимание (1941).

Значительно чаще на страницах газет можно было обнаружить клишированные «развить-улучшить-расширить» и иные благопожелания как отклик на требования из Омска (Обь-Иртышский Север, 2000):

– О развитии на Тобольском Севере кустарных промыслов (1931) / За развитие местной промышленности (1934, 1939) / Улучшить работу местной промышленности (1939) / Всемерно развивать местную промышленность (1940) / Расширить местную промышленность (1940) / Развить местную промышленность на Севере (1941) / о развитии местной промышленности в районе (1941) / За решительный подъём местной промышленности в округе (1941).

Безусловно, обращаясь к газетному материалу, надо отдавать себе отчёт в том, что это иная плоскость советского дискурса. Если юбилейное издание «Возрождённый народ» предназначалось, прежде всего, «начальству», пропагандистам и агитаторам, представляло собой раз и навсегда сказанное Слово, то периодическая печать адресовалась более широкому активу и даже рядовому читателю, должна была регулярно «освещать вопросы промышленности, вести повседневную борьбу за наведение большевистского порядка на фабриках и заводах, за укрепление трудовой дисциплины и дальнейшее поднятие производительности труда» (О партийной с. 480).

В газетах региона и округа поэтому немало внимания уделялось «обыденному» – вопросам организационно-технологического характера и, так сказать, массово-политического «сопровождения». Вот некоторые характерные заголовки газетных материалов (Обь-Иртышский Север, 2000):

– Овладеть техникой обработки рыбы (1931) / Использовать шкурку налима (1931) / Пути рационализации по обработке рыбы (1935) / Парторганизация комбината может и должна работать образцово (1935) / Главное – точный расчёт времени (1936) / Дело зависит от людей комбината (1938) / о беспорядках на Самаровском консервном комбинате (1939) / Принять срочные меры и не допустить порчи рыбы (1940).

В большой статье «Всемерно развивать промышленность», опубликованной 31 декабря 1940 г. в «Остяко-Вогульской правде» и посвящённой юбилею округа, читаем:

– Действующие предприятия пока ещё не обеспечивают переработку всех запасов сырья / Деятельность промысловой кооперации <...> далеко недостаточна и находится в зачаточном состоянии.

Канон, однако, требовал, во всяком случае, в статейных публикациях, известного пафоса и светлых перспектив. В этой же статье:

– Впереди предстоит большая работа над увеличением производственной мощности / Необходимо всемерно развивать <...> новые отрасли / Особое внимание следует уделить на выпускаемую промысловой кооперацией продукцию / Предусматривается расширение действующих предприятий...

Идеологически нагруженное ценностное начало в обыденной «промышленной повседневности», репрезентируемой газетами, было представлено большевизмом и стахановцами – передовыми рабочими, олицетворявшими связь с коммунистической партией и советским рабочим классом.

– Ударный комбинат. Наш метод работы – соревнование (1933) / По-большевистски организовать работу в лесу (1934) / Стахановский день (1936) / Покажем образцы социалистической работы (1938) / Партийное руководство хозяйственной работой на консервном комбинате (1938) / Наша группа стала стахановской (1938) / Производственные победы стахановцев Самаровского консервного комбината (1939) / Рационализаторы и изобретатели Самаровского консервного комбината (1940).

В заключение отметим: промышленности в Ханты-Мансийском округе партийно-советская печать придавала помимо экономического, социально-политического, ещё и идеологическое (символическое) значение. Промышленность и рабочие были той Россией, которую индустриализация должна была принести и принесла в Азию. Новая современная реальность, вытесняющая на обочину традиционную культуру коренного населения, нуждалась в «сакрализации». Отсюда известная каноничность текстов, даже посвящённых «повседневной обыденности».

Литература

1. Боброва С. П., Высоцкая А. Л. К вопросу о мифологичности советской ментальности // Вестник Калужского государственного ун-та им. Некрасова. – 2010. – № 1. – Том 16. – С. 135–137.
2. Вайветкин М. Всемерно развивать промышленность // Остяко-Вогульская правда. 1940. 31 декабря.
3. Возрождённый народ. К десятилетию образования Ханты-Мансийского национального округа. Омск: Омское обл. изд-во, 1941. – 108 с.
4. Высоцкая А. Л. Некоторые аспекты проявления мифологического в советской ментальности // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарный выпуск. – 2010. – № 3 (77). – С. 219–222.
5. О партийной и советской печати. Сборник документов. – М.: Изд-во «Правда», 1954. – 690 с.
6. Обь-Иртышский Север в западносибирской и уральской периодике, 1857–1944 гг. / Сост. Белобородов В. К., Пуртова Т. В. – Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 2000. – 400 с.
7. Слёзкин Ю. Арктические зеркала. Россия и малые народы Севера. – М.: Новое литературное обозрение, 2017. – 512 с.
8. Сталин И. В. Доклад о национальных моментах в партийном и государственном строительстве на XII съезде РКП(б) 23 апреля 1923 г. // Сталин И. В. Сочинения. М.: ОГИЗ; Государственное издательство политической литературы, 1947. – Т. 5. – С. 236–263.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ИНДУСТРИАЛЬНОГО ТУРИЗМА В СТАРОПРОМЫШЛЕННЫХ РЕГИОНАХ

Н. Ф. Апарина

Кемеровский государственный университет (Кемерово),
aparinanf@gmail.com*

Н. В. Кавкаева

**, nkavkaeva@yandex.ru*

Главной целью Стратегии развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 является комплексное развитие внутреннего и въездного туризма путём создания условий для формирования и продвижения конкурентоспособного и качественного туристского продукта. Эта цель коррелирует с Концепцией долгосрочного социально-экономического развития РФ, которая ориентирована целевым образом на сбалансированное пространственное развитие регионов и максимально возможное вовлечение рекреационных ресурсов территорий субъектов РФ в развитие туризма.

С учётом большого разнообразия туристских территорий РФ и их отличия по климатическим условиям, природным ресурсам, инфраструктуре, туристским объектам, требуется применение гибкого, комплексного подхода к формированию туристского продукта, адаптированного к ресурсам конкретной территории.

Гибкость подхода в формировании туристского продукта проявляется в ориентации на различные сегменты рынка и требует усиления разнообразия видов туризма в регионах РФ. Выделение приоритетных видов туризма для конкретных территорий должно происходить на основе индивидуального подхода с учётом особенностей социально-экономического развития и имеющихся туристских ресурсов.

Комплексность подхода к развитию туризма проявляется в том, что туристская индустрия включает не только собственно туристские объекты, но и предприятия других секторов экономики. Это обстоятельство особенно важно при продвижении территории как туристской дестинации с учётом её специализа-

ции. Комплексный подход к развитию туризма заложен в Концепции федеральной целевой программы «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2019–2025 годы)», которая предполагает его реализацию через формирование на определённой территории туристских кластеров – различных организаций и предприятий, объединённых общей логистической схемой и занимающихся адаптацией, разработкой, производством, продвижением и сбытом турпродукта, а также деятельностью в смежных с туризмом сферах.

Гибкий и комплексный подходы к разработке и продвижению туристского продукта должны являться составляющей общей стратегии регионального развития и соответствовать концепции маркетинга территории. Их применение особенно актуально для старопромышленных регионов с узкой отраслевой специализацией, монопрофильной зависимостью. Для старопромышленных территорий характерны высокая концентрация промышленных предприятий и отраслей сопутствующей инфраструктуры, устойчивая отраслевая структура; исторически сформировавшаяся специализация в территориальном разделении труда, а также высокий удельный вес устаревших физически и морально основных фондов и технологий (Дворядкина, 2017).

Ключевыми направлениями Стратегий социально-экономического развития подобных территорий являются, как правило, диверсификация экономики, снижение уровня ресурсной зависимости и т. д. Как правило, большие надежды возлагаются на туристскую отрасль, которая рассматривается как альтернатива традиционным отраслям, создающая возможность ребрендинга территории. При этом мало внимания уделяется развитию направлений туризма, которые могут способствовать использованию потенциала старопромышленного региона для привлечения туристов. Одним из таких направлений является индустриальный/промышленный туризм.

Индустриальный туризм – это особый вид туризма, который подразумевает посещение как функционирующих предприятий, так и предприятий, относящихся к области индустриального наследия территории. Этот вид туризма позволяет потребителям получить определённый опыт, связанный с производственным процессом, а также получить новые знания о той эпо-

хе, к которой относится объект посещения (Sorochan 2014). С точки зрения предприятий, предоставляющих свои производственные ресурсы для привлечения туристов, индустриальный туризм является хорошим способом продвижения как самого предприятия, так и его продукции (Медяник, 2016).

Таким образом, индустриальный туризм способствует использованию потенциала старопромышленных регионов, стимулирует развитие других видов туризма, способствует кластеризации отраслей промышленности и туристской инфраструктуры.

Гибкость индустриального туризма заключается в том, что он может быть составной частью «комплексного регионального туристического продукта» с существенным количеством составляющих элементов, которые можно изменять в зависимости от индивидуальных потребностей туристов.

В России потенциал индустриального туризма используется слабо: по оценкам специалистов, он занимает всего 3-4 % туристского рынка; отмечается его неравномерное присутствие в регионах. Основную долю на данном сегменте туристского рынка занимают Москва и Санкт-Петербург. Потенциал развития имеется у многих российских регионов, но имеется ряд факторов, препятствующих активному развитию данного направления, начиная с объективных (инфраструктура) и заканчивая стереотипными (коммерческая тайна) (Аноприева, 2017).

Перспективы, которые несут в себе объекты индустриального наследия, сегодня только начинают привлекать внимание предприятий туриндустрии, в то время как в постиндустриальных странах промышленный туризм уже давно приносит прибыль. Основная проблема видится в том, что Россия еще активно живёт индустриальной эпохой – действующие промышленные предприятия не видят в туризме дополнительного дохода, только дополнительные риски, связанные со страховкой, обеспечением безопасности туристов, созданием соответствующей инфраструктуры и т. д.

Одним из типичных старопромышленных регионов РФ является Кемеровская область. Согласно «Стратегии развития туризма в Кемеровской области до 2025 года», развитие индустрии отдыха и туризма должно стать одной из важнейших ре-

гиональных точек роста, способствовать диверсификации моно-профильной отраслевой структуры региона. Вместе с тем в ведущем угледобывающем регионе России индустриальный туризм в Стратегии даже не упоминается. Из планирующихся к развитию видов туризма, которые можно хоть как-то связать с индустриальным, отмечены культурно-исторический, деловой, приключенческий и экологический.

В шахтёрском Кузбассе нет ни одной музеефицированной шахты, которую можно было бы посетить. Имеется только экспозиция – имитация забоя в музее Красная Горка, построенная настоящими шахтёрами, со звуковым сопровождением, манекенами, аутентичным оборудованием, демонстрацией уникальной кинохроники (Спицын, 2014). Даже среди так называемых Семи Чудес Кузбасса нет ни одного объекта, связанного с угледобывающей промышленностью, кроме монумента «Память шахтёров Кузбасса».

Анализ интернет-источников показал, что индустриальный туризм в регионе носит спорадический характер: на крупные промышленные предприятия Кузбасса можно попасть, но к сфере организованного туризма такие посещения отнести нельзя. Угольные предприятия организуют нерегулярные экскурсии для студентов в рамках практики, профориентационные экскурсии для школьников и студентов, экскурсии в рамках празднования профессиональных праздников, для почётных гостей и т. д.

Стоит отметить, что в шахтёрском регионе развитие индустриального туризма связано с существенными технологическими рисками. Поэтому популярная для развития данного направления полная музеефикация производственного процесса, когда музеефицируется полностью весь комплекс производства, начиная от приёма материалов сырья и заканчивая конечным выпуском продукции, существенно затруднена. Но и имеющиеся в регионе специализированные музеи (например, Музей угля при Институте угля и углехимии СО РАН) не имеют массовой туристической направленности, ориентированы на узкие профессиональные аудитории.

Определённый потенциал индустриального туризма имеется в пищевой промышленности: мелкие крафтовые производства используют индустриальный туризм для получения непо-

средственной выгоды и в качестве бесплатной рекламы, но открывают двери экскурсантам, только если уверены в том, что получат положительные отзывы.

Как парадоксально это не звучит, но развитие промышленного туризма в Кузбассе представляется возможным только вне самих промышленных предприятий. Возможными направлениями развития являются использование уже существующих маршрутов, разработка 3D экскурсий, по аналогии с виртуальным путешествием на промышленные предприятия.

Развитие индустриального туризма может быть направлено на сохранение культуры старопромышленной территории. Пути развития можно искать в разработке альтернативных способов сохранения шахтёрской культуры. Промышленный туризм требует усиленной персонификации, т. е. раскрытия эмпатического потенциала посетителя по отношению к рабочим и образу жизни действующего предприятия или исторического наследия. Как следует из анализа успешных музеев зарубежья, достопримечательностью может стать не только шахтёрский труд, но и шахтёрский быт.

В разработке потенциальных маршрутов можно также сделать акцент на такой составляющей индустриального наследия, которая часто связывается со сферой экологии – с шахтёрским ландшафтом. Перспективным представляется вовлечение в туриндирию рекультивированного ландшафта старых карьеров – они являются иллюстрацией успешного экологического проекта и обладают богатым культурно-рекреационным потенциалом.

Таким образом, развитие индустриального туризма логически соответствует общей концепции развития старопромышленных регионов, где накопленный индустриальный потенциал требует переосмысления основных направлений его использования, отвечает интересам основных групп заинтересованных лиц (Власова, 2017).

Литература

1. Аноприева Е. В. Промышленный туризм в регионах: тенденции, проблемы, перспективы / Е. В. Аноприева // Индустрия туризма и сервиса: известность, имидж, инвестиции: сб. ст. по материалам междунар. конф. – 2017. – С. 111–115.

2. Власова Н. Ю., Голубчиков О. Ю., Курилова Е. В. Индустриальный туризм в продвижении старопромышленных регионов // Известия УрГЭУ 4(72) 2017.

3. Дворядкина Е. Б., Кайбичева Е. И. Центральные и периферийные территории старопромышленного региона в условиях трансформации экономического пространства // Учёные записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. География. Геология. Том 3 (69). – № 3. – Ч. 2. – 2017 г. – С. 58–70.

4. Медяник А. В., Тарабановская С. В. К вопросу о значении промышленного туризма в развитии региона // Тенденции развития науки и образования. – 2016. – № 18-3. – С. 30–33.

5. Спицын С. Было бы интересно спуститься в забой // «Эксперт Сибирь» № 46 (432), 2014. URL: <https://expert.ru/siberia/2014/46/byilo-byi-interesno-spustitsya-v-zaboj/>

6. Sorochan V. Definition of industrial tourism stages // Global and National Problems of Economics Issue 2. 2014. – P. 60–61.

ИНДУСТРИАЛЬНЫЙ ТУРИЗМ В ЮГРЕ

Е. В. Шуляк

Ханты-Мансийская государственная медицинская академия (Ханты-Мансийск), shuljak65@mail.ru

Древняя история Югры, её богатые культурные традиции, природные ресурсы, богатое индустриальное наследие, поликультурное и полиэтническое пространство очень благоприятны для развития на её территории такой отрасли, как туризм. Региональный рынок туристических услуг представлен культурно-познавательным, этническим, экологическим, религиозным, событийным, спортивным, водным, активным, охотничьим, рыболовным, медицинским, сельским, деловым, автотуризмом, а также индустриальным туризмом. Этот вид туризма занимает сегодня достойное место на отечественном рынке туристических услуг и пользуется спросом как на территории Сибири, так и на территории Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. Местные туроператоры предлагают туры с посещением музеев нефтегазодобывающих предприятий, возможностью знакомства с историей нефтегазового освоения Сибири, нефтяным делом и демонстрацией добычи нефти и природного газа.

Ойл-туры получили развитие в Югре уже с конца 1990-х годов. Их целью является знакомство гостей и жителей Югры с историей геологоразведочных работ, развитием нефтегазового комплекса Западной Сибири, биографиями её нефтяных и газовых королей. Популярностью среди любителей путешествовать пользуются такие ойл-туры, как «Звёздные пути первопроходцев», «На Большом Югане», «Европа за Уралом», «У истоков большой нефти», «Древние и новые традиции нефтяного края», на первую газовую скважину «Р-1», легендарное озеро Самотлор и другие (Кондратьев, 2015). Один из популярных ойл-туров – поездка на нефтеносное озеро Самотлор, где туристы имеют возможность посетить лабораторию и увидеть, как отделяют нефть от воды, а также познакомиться с рационом питания нефтяников. Любителям индустриального туризма на территории Югры будут интересны и такие туры, как «Самотлорские ночи», «Нижневартовск: вчера и сегодня», «Покорителям Самотлора», «Дорога к «боль-

шой» нефти», «Нефтяники Сибири», двухдневный тур «Из прошлого на оленях в будущее, к буровой», «Звездные меридианы Югры: ойл-туры» с возможностью побывать на нефтяных промыслах крупнейших в России нефтяных компаний, узнать о многих знаменитых первопроходцах Саломторского месторождения, об их трудовых подвигах и непростых судьбах, «В гости к природопользователям» (экскурсия на Тальниковое месторождение нефти и газа и «Северная Даниловка»), обзорная экскурсия «Тайны нефтяной столицы» (экскурсионная программа для школьников, направленная на знакомство с историей нефтепоиска и нефтедобычи на территории Сургута и ХМАО-Югры в целом и посещением одного из музеев Сургута, посвящённых нефтегазовой отрасли), экскурсия по выставке «Дом Ф. К. Салманова» (Реестр туристских маршрутов...).

Представляют интерес для туристов и музеи ведущих нефтегазовых компаний страны, к примеру, «Газпрома», ЛУКОЙЛа и их региональных подразделений. Так, открытый в 2011 году в центральном офисе ООО компании «Газпром трансгаз Югорск» корпоративный музей сразу же стал достопримечательностью Югорска, а также и Ханты-Мансийского автономного округа. Уникальный по оформлению и содержанию музей оснащён самыми современными интерактивными и мультимедийными технологиями. Его экспонаты позволяют приобщиться к истории Компании, познакомиться с процессом разведки, добычи и транспортировки природного газа, благодаря виртуальному лифту увидеть подземные залежи газа на глубине двух километров и процессы, происходящие на дне мирового океана 250 миллионов лет назад, и многое другое (Корпоративный музей...).

Привлекает интерес туристов и Музей истории ООО «Газпром трансгаз Сургут», расположенный в Сургуте. Экспозиция музея освещает историю применения и использования газа в России и в Европе, освоения недр Западной Сибири, открытие Берёзовского месторождения, газовую промышленность Среднего Приобья, знакомит с именами специалистов, которые внесли достойный вклад в развитие Общества. Посетители музея могут погрузиться в атмосферу 70-х годов благодаря реконструкции фрагмента жилья газовиков, предметам их повседневного быта, работы и сохранившимся документам. С помощью

технологических макетов можно ознакомиться с особенностями работы типовой компрессорной станции и с принципами работы газоперекачивающих агрегатов (Музей истории...).

Одним из важнейших объектов, позволяющим познакомиться с историей нефтегазового освоения Югры, является единственный государственный «нефтяной» музей России – Музей геологии, нефти и газа, расположенный в городе Ханты-Мансийске, коллекции которого посвящены истории освоения и развития нефтегазовых ресурсов Западной Сибири.

Развитие индустриального туризма на территории Югры имеет большое будущее. Этот вид туризма позволяет глубже познакомиться с экономической историей Сибири и России в целом, рекламирует предприятия нефтегазодобывающей промышленности, имеет профориентационную направленность, воспитывает бережное отношение к истории и культуре Сибири и России в целом.

Литература

1. Кондратьев Р. Югра представила северный туризм (18.11.2015) // <https://www.pravda.ru/districts/1282767-tourism/> (Дата обращения 26.08.20).

2. Корпоративный музей ООО «Газпром трансгаз Сургут» // <https://yugorsk-tr.gazprom.ru/press/museum/> (Дата обращения 26.08.20).

3. Музей истории ООО «Газпром трансгаз Сургут» // http://www.hmao-museums.ru/museum/muzey_istorii_gazprom_transgaz_surgut/about/ (Дата обращения 26.08.20).

4. Реестр туристских маршрутов, туров и экскурсионных программ // <https://tourism.admhmao.ru/turizm-v-yugre/reestr-turistskikh-marshrutov-turov-i-ekskursionnykh-programm/328088/reestr-turistskikh-marshrutov-turov-i-ekskursionnykh-programm> (Дата обращения 26.08.20).

ИНДУСТРИАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ 2.0: РАЗВИТИЕ ИНТЕРНЕТ-СЕРВИСОВ ДЛЯ УПРАВЛЕНИЯ ПРОМЫШЛЕННЫМ ТУРИЗМОМ

Т. О. Сундукова

*Тульский государственный педагогический университет
им. Л. Н. Толстого (Тула)*, sto-ata@yandex.ru*

Г. В. Ваныкина

**, dist-edu@yandex.ru*

В цифровом обществе многие направления сервиса становятся стандартизированными в результате технического прогресса и глобализации, при этом туристы всё чаще ищут дифференциацию и персонализированные услуги (Morgan, 2014). Такая тенденция привела к распространению новых видов туризма, в которых перспективные информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) играют огромную роль, позволяя небольшим компаниям, ресурсам или направлениям конкурировать и влиять на аспекты, связанные с экономикой, обществом и культурой.

Промышленный туризм стал альтернативной формой туризма со своей культурой и самобытностью (Rodríguez-Zulaica, 2017). Учитывая кризисную ситуацию, в которую погружен промышленный сектор, а также экономические и финансовые трудности, с которыми сталкиваются многие компании, Промышленный туризм представляет собой одну из возможных жизнеспособных стратегий для сообществ или регионов, вынужденных прилагать значительные усилия для диверсификации и планирования других видов экономической деятельности (Yamori, 2017). Такая тенденция предполагает совершенно иную направленность, чем традиционный массовый туризм, поскольку в большинстве случаев преобразование промышленного наследия в туристический ресурс происходит в районах с небольшой историей туризма, что делает его совершенно новым источником дохода и генератором занятости (Rodríguez-Zulaica, 2017).

ИКТ могут помочь дестинациям подготовиться к тому, чтобы быть умными и реагировать на совместное планирование туризма, а также повлиять на отношение к туризму в регионе и

активизировать участие жителей (Lalicic, 2018). Мы считаем, что это должно быть достигнуто путём анализа веб-контента, предлагаемого интернет-ресурсами, поэтому цель данной работы заключается в использовании модели анализа веб-сайтов для определения того, используют ли промышленные туристические направления возможности интернета и Web 2.0. Анализ результатов зарубежных исследователей в данном направлении позволит систематизировать подробную информацию о текущем состоянии сайтов, принадлежащих к рассматриваемому типу туристических объектов.

Изучение вопроса о применении технологий Web 2.0 в промышленном туризме начнём с определения ключевых терминов, представленных в зарубежных исследованиях. ***Промышленный (индустриальный) туризм*** можно определить как любую туристическую деятельность, которая связывает туристов с различными местными отраслями промышленности, независимо от степени их функционирования, но в контексте их производственной деятельности (Rodríguez-Zulaica, 2017).

Заброшенные промышленные объекты и инфраструктура, связанная с хозяйственной деятельностью, часто становятся ресурсом, представляющим интерес не только для специалистов, но, благодаря своей уникальности, и для другого типа населения, в частности, туристов (Lalicic, 2018). Результатом такой тенденции является появление весьма специфичного сектора туризма, представляющего большой интерес и называемого промышленным туризмом. Такая форма туризма предполагает посещение всех видов промышленных объектов и позволяет туристам ознакомиться с типичной промышленной средой и развитием промышленности в данной местности (Yamori, 2017). Такой подход позволяет рассматривать ситуацию, при которой случай завершенности промышленного производства в этом районе не предполагает уничтожать производственные мощности и технологическое оборудование. Одной из тенденцией современного общества является перенаправление технологий аутсорсинга в экономике и обществе, при этом люди постепенно теряют контакт с производством, технические средства становятся не только источником знаний, но и важным свидетельством технологического развития человека и творчества наших

предков. Сохранение индустриального наследия следует рассматривать не только как деятельность учреждений, охраняющих памятники, но и как важную задачу для общества в целом. Техническое обслуживание рассматривается как первая фаза, и за ней должна последовать вторая фаза, на которой консервация и реконструкция приведут к восстановлению промышленных памятников. Впоследствии третий этап характеризуется мероприятиями, направленными на организацию доступности к историческим зданиям для общественности (Lalicic, 2018). Именно в данном контексте усилия по сохранению наследия встречаются с туризмом, поскольку рассматриваемые типы памятников становятся важной достопримечательностью для посетителей места назначения.

Промышленный туризм – это вид туризма, направленный на разработку стратегий устойчивого туризма (Rodríguez-Zulaica, 2017). Туристские ресурсы, связанные с промышленным туризмом, связывают местных жителей и приезжих с окружающей средой и объектами наследия. Ресурсы состоят из мест, ландшафтов, исторической памяти, природы, традиций и наследия каждого местного сообщества, которые помогают устойчивому развитию дестинации.

Веб-сайты стали визитными карточками большинства компаний, являются востребованным и актуальным средством коммуникации и представления интересов организации, поэтому мы считаем необходимым создание методики анализа и оценки сайтов, относящихся к промышленным туристическим ресурсам. Обзор литературы показал, что различные авторы сходятся во мнении об отсутствии общепризнанной методологии оценки веб-сайтов (Morgan, 2014; Yamori, 2017; Rodríguez-Zulaica, 2017; Lalicic, 2018; Chiou, 2010).

Наиболее распространённые методы исследования, используемые при оценке веб-сайтов, в основном построены на опросах, экспериментальной оценке и контент-анализе (Chiou, 2010). Согласно W. C. Chiou, C. C. Lin, и C. A Perng, наиболее часто используемые методологические подходы в исследованиях измерения туристического сайта можно разделить на пять типов: Метод учёта, Автоматический метод, Метод численных вычислений, метод мнения пользователя и Комбинированный метод.

Большое количество исследований относится к ряду показателей, которые можно сгруппировать в четыре основных типа: технические, коммерческие, связанные с содержанием и связанные с дизайном (Chiou, 2010). С точки зрения рыночной ориентации веб-сайты оцениваются путём идентификации пользователей как потенциальных клиентов, что приводит к тому, что оценка больше фокусируется на аспектах, связанных с продвижением деятельности, онлайн-транзакциями и деталями продуктов и услуг.

С целью разработки модели, адаптирующей анализ веб-контента конкретно к промышленному сектору, был проведён обзор существующей литературы (Morgan, 2014; Yamori, 2017; Rodríguez-Zulaica, 2017; Lalicic, 2018; Chiou, 2010), в результате чего была предложена модель, которая предоставляет обзор ресурсов, которые веб-сайты, принадлежащие предприятиям промышленного туризма, предлагают своим пользователям. На основе соответствующего контента пользователи могут получать необходимую информацию или взаимодействовать с ресурсом как для осуществления деятельности в области электронной торговли, так и для постановки вопросов на защищенной платформе, обеспечивающей соответствие стандартам качества веб-сайта (Сундукова, 2019). Рассмотрим компоненты модели анализа веб-контента промышленного сектора.

Информация: измерение оценивает информацию, доступную на веб-сайтах предприятий промышленного туризма, и лёгкость её поиска.

Коммуникация: измерение определяет способность веб-сайта взаимодействовать с клиентами либо с помощью коммуникационных механизмов, ресурсов Web 2.0, либо с помощью доступности информации на разных языках.

Электронная коммерция: измерение оценивает способность веб-сайта осуществлять безопасную коммерческую деятельность.

Дополнительная функция: измерение определяет способность веб-сайта обеспечивать безопасность с помощью элементов защиты данных и сертификатов, а также использования новых средств массовой информации, таких как мобильная версия веб-сайта или его приложений.

В качестве ещё одного будущего направления исследований, основанного на представленных результатах, мы предлагаем расширить анализируемые веб-сайты, включив в них ресурсы, расположенные в более расширенном международном аспекте, чтобы получить больше данных и обеспечить возможность сравнения результатов. Возможно провести качественный анализ данных, полученных непосредственно от руководителей объектов наследия или провести анкетирование пользователей, чтобы определить, какие элементы веб-сайта следует оценить, и изучить причины информационных и интерактивных недостатков веб-ресурсов.

Литература

1. Chiou W. C., Lin C. C., Perng C. A strategic framework for website evaluation based on a review of the literature from 1995–2006 // *Information & management*. – 2010. – Т. 47. – № . 5–6. – С. 282–290.

2. Lalicic L., Önder I. Residents' Involvement in Urban Tourism Planning: Opportunities from a Smart City Perspective // *Sustainability*. – 2018. – Т. 10. – № . 6. – С. 1–16.

3. Morgan N., Pritchard A. Destination reputations and brands: Communication challenges // *Journal of Destination Marketing and Management*. – 2014. – Т. 3. – № . 1. – С. 1–17.

4. Rodríguez-Zulaica A. Redefiniendo el concepto de Turismo Industrial. Comparativa de la terminología en la literatura castellana, francesa y anglosajona // *PASOS. Revista de Turismo y Patrimonio Cultural*. – 2017. – Т. 15. – № . 2. – С. 311–318.

5. Yamori N., Sun J., Zhang S. The announcement effects of regional tourism industrial policy: The case of the Hainan international tourism island policy in China // *Tourism Economics*. – 2017. – Т. 23. – № . 1. – С. 200–205.

6. Сундукова Т. О., Ваныкина Г. В. Сохранение культурного наследия как глобальная мировая проблема в цифровую эпоху // *Die Relevanz und die Neuheit der modernen wissenschaftlichen Studien: der Sammlung wissenschaftlicher Arbeiten «ΛΟΓΟΣ» zu den Materialien der internationalen wissenschaftlich-praktischen Konferenz, Wien, 23 August, 2019. Wien : NGO «Europäische Wissenschaftsplattform», 2019. – С. 77–82.*

РУДНИК И ОЗЕРО ТЕЛЬБЕС КАК ОБЪЕКТЫ ИНДУСТРИАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ – КУЗБАССА

О. С. Андреева

*Новокузнецкий институт (филиал) Кемеровского
государственного университета (Новокузнецк)*, o_s_a@bk.ru*

А. Д. Доренская

**, dorenskaya.1998@mail.ru*

Н. Т. Егорова

**, egorovakuzgpa@yandex.ru*

Кемеровская область – Кузбасс входит в число наиболее развитых индустриальных регионов Российской Федерации. Преимущественно освоенными являются центральные и северные части области. Однако на юге Кемеровской области имеются объекты индустриального наследия. Одним из них выступает рудник и озеро Тельбес. Рудник является одним из первых индустриальных объектов по добыче железной руды в регионе. Он поставлял руду на Томский завод (с. Томское на р. Томь-Чумыш на Салаире) – первый железоделательный завод Сибири, который работал на горношорских рудах с 1771 до 1864 года. Тельбесский рудник и Томский завод имели ведущее значение в металлургической отрасли на протяжении 18–19 веков.

Тельбесский рудник находится на юге Кемеровской области – Кузбасса, на правом берегу р. Тельбес около одноимённого посёлка в Таштагольском муниципальном районе. Он действовал в период с 1932 по 1948 годы.

Руды Тельбесского магнитного железнняка были открыты в 1816 году горным инженером Векелем на правом берегу реки Тельбес в 30 верстах от впадения её в реку Кондому, и началась их разработка для нужд Томского завода. На Томский завод руду из Тельбеса везли гужевым транспортом на расстояние в 160 км. Однако сложность доставки руды привела к прекращению её поставок на завод. Вернулись к разработке месторождения и созданию Тельбесского рудника уже в начале 20 века с целью обеспечения рудой запланированного Кузнецкого метал-

лургического комбината. По материалам Ю. С. Надлера (Кемеровский филиал ФБУ «Территориальный фонд геологической информации по Сибирскому федеральному округу»), разведочные работы начались в 1893 г. Горный инженер А. Крупский в 1893–1895 гг. установил крупные по тем временам запасы магнетитовых руд – 1,2 млн тонн и их хорошее качество. Это подтвердили П. П. Гудков в 1916 г. и К. С. Филатов в 1927 г.

Месторождение Тельбес относится к Тельбесской группе железорудных месторождений в северо-западной части Горной Шории. В неё также входят месторождения Одра-Баш, Сухаринское, Темиртау, Казское, Тазское и ряд рудопроявлений. Рудные поля месторождений приурочены к зоне субширотного разлома, как части Кузнецко-Алатауского, выделенного В. А. Кузнецовым. В литературе он известен как Темиро-Ташелгинский, или Тельбесский, глубинный разлом.

Рудное поле сложено в основном вулканогенными, в меньшей мере – осадочными образованиями Мундыбашской свиты среднего кембрия. Месторождение Тельбес состояло из 2-х крупных рудных тел неправильной формы (Главного и Штока Кирова) и ряда мелких линзовидных тел. Главное рудное тело было прослежено до глубины 350 м при мощности 11–25 м. Руды магнетитовые. Кроме магнетита присутствовали гранат, эпидот, кальцит, редко пироксен, кварц. Руды были малосернистыми, поэтому без обогащения направлялись в домны Кузнецкого металлургического завода.

Запасы месторождения, на которых проектировался и работал рудник, определялись в 1,7 млн. т при среднем содержании железа 45 %. Добыто за период 1932–1943 гг. 1,68 млн. т со средним содержанием железа 42,5 % (Геология СССР, 1982). Гидрогеологические и горнотехнические условия эксплуатации месторождения были благоприятными. В настоящее время Тельбесское месторождение полностью отработано.

На сегодняшний день на месте закрытого рудника образовалось озеро. Оно заполнено водой с красивым зеленовато-бирюзовым оттенком, возникшим от остаточных соединений ионов меди. Озеро Тельбес находится на высоте трёх метров от уровня реки Тельбес и 272 метров над уровнем моря. Координаты озера – 53°13' с. ш., 87°23' в. д. Размеры водоёма составляют

около 100 метров в длину и 25-26 в ширину. Максимальная глубина – 26 м. Озеро имеет вытянутую форму с юга-запада на северо-восток. Кроме выходов подземных вод на дне водоёма, на юго-западном берегу озера питают 2 родника.

На скалистых возвышенностях, окружающих озеро Тельбес, в настоящее время располагаются маленькие пещеры антропогенного происхождения – это бывшие шахты. Ранее руду вывозили на вагонетках по рельсам по канатной дороге до пгт. Мундыбаш. Железнодорожная станция Мундыбаш строилась именно для вывоза тельбесской руды. Последняя руда по канатной дороге отправлена в 1948 году. А дорогу демонтировали и перенесли на соседний, более перспективный рудник Одра-Баш. Сегодня по отработанным разведочным и эксплуатационным штольням возможны исследовательские маршруты спелеотуристов (Доренская, 2020).

Территория исследования соответствует Западно-Шорскому физико-географическому району в соответствии со схемой районирования Кемеровской области и включает низкие слабо расчлененные горы запада Горной Шории. Большая часть района представляет собой древний пенеплен, в который глубоко врезаются долины рек, образующие достаточно густую речную сеть. Широкое распространение имеют низкогорные эрозионно-денудационные ландшафты, развитые в пределах нагорья в интервале высот 300–1000 м и формирующие черневотаежный (нижний) подпояс горного лесного пояса – черневую тайгу. Эдификаторами в черневой тайге выступают пихта сибирская *Abies sibirica* и осина *Populus tremula*. Признаком вторичности лесов является преобладание осиновых ассоциаций над пихтовыми. Почти всегда присутствует кедр *Pinus sibirica*, в виде единичных деревьев или небольших рощ, нередко приуроченных к высоким пойменным участкам долин рек (Кемеровская область..., 2012).

На территориях, прилегающих к руднику и озеру Тельбес, произрастают березняки и осинники. Мелколиственные леса в черневой тайге – индикаторы антропогенного вмешательства, занимающие, на окружающих район исследования плакорах, заброшенные пашни и покосы. Повсеместная и часто бессистемная вырубка лесов, проводившаяся здесь в прежние времена, а также многочисленные обширные гари нарушили сплош-

ное распространение черневой тайги. Развитие получили вторичные лиственные леса с преобладанием берёзы *Betula pendula* и осины *Populus tremula*. На горях распространены черневые луга с таёжным широколиственным (борщевик сибирский *Heracleum sibiricum*, борец высокий *Aconitum septentrionale*, живокость высокая *Delphinium elatum*, скерда сибирская *Crepis sibirica*, крапива двудомная *Urtica dioica* и др.) и злаками: ежой сборной *Dactylis glomerata*, овсяницей луговой *Festuca pratensis*, мятликом и полевицей белой *Agrostis alba* (Егорова и др., 2018).

Оптимальными условиями для произрастания пихтово-осиновых лесов на изучаемой территории являются абсолютная высота 300–800 м, отсутствие мерзлоты, годовое количество осадков до 700–900 мм, высокая влажность воздуха и температура вегетативного периода 13–14 °С (Полюшкин, 1983). Под пологом черневой тайги формируется своеобразный «фитоклимат», характеризующийся стопроцентной влажностью воздуха. Почти полное отсутствие испарения при большом количестве осадков создает предпосылки для глубокого проникновения в почвенную и грунтовую толщи нисходящего тока влаги. Мощный снеговой покров предотвращает промерзание почв, благодаря чему биохимическая трансформация наземного и корневого опада под действием почвенной мезофауны и микроорганизмов осуществляется круглогодично. Несмотря на значительное ежегодное поступление лесного и травянистого опада, лесная подстилка практически не образуется. Её отсутствие является характерной особенностью широколиственных черневых лесов Горной Шории.

Таким образом, на территории исследования в подпорье черневой тайги широкое распространение получили ландшафты осиново-пихтовых и пихтово-берёзово-осиновых кустарниково-высокотравных лесов на горных дерново-глубокооподзоленных почвах, покрывающие крутосклонные сильно- и среднерасчлененные низкогорья с маломощным суглинисто-щебнистым покровом.

Совокупность природных факторов, расположения озера на берегу живописной реки, наличия аттрактивных низкогорных ландшафтов Горной Шории и особенностей истории освоения территории определили то, что бывший рудник и озеро Тельбес

являются в настоящее время одним из объектов экологического туризма и активно посещаются туристами и другими отдыхающими.

Рудник и озеро Тельбес могут рассматриваться как экскурсионные объекты при развитии индустриального туризма в Кузбассе. Например, на маршруте от промышленных городов Новокузнецка или Кемерово до Шерегешского рудника в районе курортной зоны Шерегеш, имеющей федеральное значение, возможно посещение пос. Тельбес, изучение рудника и его окрестностей.

В целом, бывший рудник и озеро Тельбес выступают как объекты индустриального наследия Южного Кузбасса и могут быть включены в маршруты индустриального туризма.

Литература

1. Геология СССР. Том XIV. Западная Сибирь (Кемеровская, Новосибирская, Омская, Томская области, Алтайский край). Полезные ископаемые. / Под ред. Е. А. Козловского. В 2-х книгах. Книга 1. – Москва: Недра, 1982. – 319 с.

2. Доренская А. Д. Современное состояние природно-антропогенного комплекса озера Тельбес как района развития экотуризма / Сборник материалов участников XVI Большого географического фестиваля, посвященного 200-летию со дня открытия Антарктиды русской экспедицией под руководством Фаддея Беллинсгаузена и Михаила Лазарева–Санкт-Петербург: Свое издательство, 2020. – С. 771–774.

3. Кемеровская область: коллективная монография / под ред. В. П. Удодова. – Новокузнецк, 2012. – 255 с.

4. Полошкин Ю. В. К методике выявления региональных и локальных причин изменчивости прироста деревьев (на примере Обь-Иртышского региона) // Географические условия и особенности природы таежного Прииртышья. – Иркутск, 1983. – С. 79–96.

5. Физическая география Кемеровской области: учебное пособие / Н. Т. Егорова, Н. Г. Евтушик, Г. Н. Багмет, Ю. В. Удодов ; под общ. ред. Н. Г. Евтушик, Г. Н. Багмет; М-во образования и науки Рос. Федерации, Новокузнец. Ин-т (фил.) Кемеров. гос. ун-та – Новокузнецк: НФИ КемГУ, 2018. – 263 с.

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ЗАПАДНО-СИБИРСКОГО НЕФТЕГАЗОВОГО КОМПЛЕКСА

ПУТЕШЕСТВИЕ В СТРАНУ НЕФТИ: К ИЗУЧЕНИЮ ПОВСЕДНЕВНОСТИ СИБИРСКОГО ФРОНТИРА

М. Ф. Ершов

*Обско-угорский институт прикладных исследований
и разработок (Ханты-Мансийск), mfershov@mail.ru*

С. Б. Акименко

*Музей геологии, нефти и газа (Ханты-Мансийск),
asb-bsa@mail.ru*

Эпоха «Большой нефти», которая началась в нашей стране во второй половине XX в., оказалась наделена одной, весьма характерной особенностью: в гуманитарных науках, посвящённых этим планетарным событиям, «маленькие» люди, их участники, оказались на периферии внимания исследователей. За детальными перечислениями объёмов добычи нефти, газа, протяжённости линий нефтепроводов, или биографий «нефтяных генералов» и вопросов строительства инфраструктуры в значительной мере «утрачена» повседневная жизнь людей на Тюменском Севере. Это обстоятельство нельзя считать некоей досадной случайностью. Симптоматично, что отечественная культура (в частности, литература и кинематограф) проигнорировала грандиозные свершения. Данное пренебрежение к отдельной личности при создании сибирского нефтегазового комплекса настойчиво требует, при осознании процессов прошлого, генерализации типичных социальных факторов, выявления тех индивидов, чьи образы формировали общественное восприятие покорителей нефтяных богатств.

Для раскрытия этих образов необходимо обратиться к историческому контексту и к тем особенностям социальной памяти, которые существуют длительное время. Так, в традиционной культуре издавна сложилось понимание жизни («жизненный

путь») как перемещение во времени. Это наложило своеобразный отпечаток на интеллектуальную рефлексию об истории проживания и миграциях в России и на северных территориях (Щепанская, 2003; Головнёв, 2015). Весьма примечательно, что один из американских исследователей охарактеризовал историю межэтнических контактов с малочисленными коренными народами Севера как «большое путешествие» (Слэзкин, 2008). Данная мифологема не претерпела существенных изменений и в советский период нашей истории. Покорение природных богатств оценивалось как вероятно длительный, но вовсе не бесконечный временной промежуток. Достаточно последовательно объясняет произошедшие изменения теория фронта с её углублённым вниманием к контактам и перемещениям в пространстве.

Применительно к труду конкретных людей следует учесть, что первоначальное личное участие в создании нефтегазового комплекса на Севере Сибири планировалось ими как что-то временное, близкое к общественно порицаемой халтуре и как средство скорейшего улучшения своего материального положения. Кроме того, в новых городах и посёлках значительную долю населения составляли субъекты с криминальными наклонностями: лица, имевшие судимости, условно-досрочно освобождённые (Лущай, 2005, с. 247, 250; Бирюков, 2000, с. 281–282). Тяга к минимизации времени пребывания на Севере, запросы индивидов и их последующая типичная коррекция весьма ёмко отображены в песне «Югорская звезда», созданной на стихи поэта В. Панфилова: «Мы много здесь нашли и много потеряли. / Приехали на год – остались навсегда» (Панфилов). Такое ощущение временности дополнительно усиливалось и пространственной отчуждённостью от мест проживания, привычных для приезжих. Суровый климат, кровососущая мошкара и отсутствие минимального комфорта в значительной мере деформировали менталитет и поступки покорителей Севера.

Периоды напряжённой работы сменялись временем ежегодного отдыха. Фигура много зарабатывающего, но неадекватного на Большой земле и без меры пьющего холостого северянина уже давно стала привычной в России и вполне узнаваемой: от временных дорожных попутчиков до героев различных баск (Баба-

нин, 2009; Кукевич, 2011, с. 4–14). И работа, и отпуск у таких тружеников равным образом противостояли обыденности. Участники нефтегазового фронта, привнося новое на окраинные земли, сами оказывались под мощным одновременным воздействием и архаики, и модерна. Нередко окружающая их обстановка отличалась отсутствием полноценного контроля и обстановкой вседозволенности. У части приезжих в числе общественных ролей присутствовали архетипические функции трикстеров, описанные антропологами (Babcock-Abrahams, 1975, p. 159–160).

Мотивация трикстеров была обусловлена стремлением покинуть старое общество и искать новое пространство. С одной стороны, эти трикстеры расшатывали прежний привычный порядок. С другой же – они, подчас через обман, объективно «улучшали» человеческий мир. По меткому замечанию Л. Хайда, «трикстер не аморален, он вне морали» (Hyde, 1998, p. 51). Трикстеры, попадая в лиминарное и почти запредельное пространство, становились похожи на тех мифических культурных героев, которые способны преодолевать нравственные границы. Эти трансгрессивные проступки имели тенденцию перевоплощаться в благодеяния. «Таким образом, – замечает Рене Жирар о трикстерах, – перед нами, как и всегда, парадокс бога, который полезен, потому что вреден, который служит фактором порядка, потому что служит фактором беспорядка» (Жирар, 2010, с. 138–139). Трикстер, считает исследователь, есть бог-обманщик, бог-проказник, который, однако, нужен социуму.

Потребность в этой фигуре была временная. Уже в фольклоре трикстер зачастую перевоплощается в посредника между отдалёнными сакральными мирами и заурядными персонажами. Масштабность преобразований породила потребность в иных героях. И они, не без помощи официальной пропаганды, появились. В начале «Большой нефти» знаковыми фигурами были разведчики-геологи, донельзя близкие к природе и сильные своей почти языческой бесшабашностью трикстеров, которые бродили по глухомани, с надеждами об отпусках, где допустимо хорошенько встряхнуться. Затем их заменили бригадиры буровиков и руководители нефтедобывающих предприятий. Очевидец вспоминал, что тогда «Фонтаны, открываемые геологами,

воспринимались как нечто сверхъестественное, фантастическое» (Редикульцев, 2009, с. 135). Земля бурилась вглубь, буровые вышки росли вверх, сами же нефтяные генералы в недостижимых для простых смертных высоких московских коридорах власти уговаривали, согласовывали, обещали и пробивали нужные решения (Ершов, 2013, с. 181). Эти герои, равно как и их незаурядные действия, сопоставимы с архетипическими образами пришельцев или богатырей.

Вполне оправдан ряд негативных оценок состояния современного нефтегазового комплекса России и его менеджеров, присутствующие в мемуарах участников давних эпических событий. Закономерно также их восприятие приватизации как уничтожение некогда общего дела, на которое они потратили лучшие годы своей жизни (Салманов, 2006). Высочайшая социальная активность не может продолжаться бесконечно долго, и последующие поколения, отрицая ценности предшественников, фактически выступают, по отношению к устарелым мифологемам, в роли палачей. Идеологическое расставание с прошлым не остановило процессов взаимовлияния культур (аккультурации) на уровне региона. Постепенно расширялось количество вариантов аккультурации. (Грушевицкая, 2003, с. 12). Маргинализация, как потеря идентичности с прежним окружением при отсутствии идентификации с окружающей культурой, частично присутствующая на начальных этапах, затем была дополнена сепарацией – фактическим повседневным отрицанием местной культуры. И лишь в последующем, на обыденном уровне, началось укоренение интеграции, как взаимной согласованности культурных компонентов.

Данная временная задержка не была случайной. На каждом этапе формирования сибирского нефтегазового комплекса преобладали те варианты аккультурации, которые совпадали со свойствами типичных социальных акторов. За разногласиями жизненных передраг, анекдотичных ситуаций, трудовых свершений и особенностей быта остаются не только предметы материальной культуры, но и образы, запечатленные в социальной памяти потомков. Итогом нефтегазового освоения стало превращение Севера Западной Сибири в урбанизированную территорию с развитой инфраструктурой, где построены новые горо-

да и посёлки (сегодня горожане составляют свыше 90 % населения ХМАО – Югры). Естественно, что всё это не могло возникнуть одновременно, спонтанно.

Помимо прочего, для укоренения новаций каждый раз оказывались востребованы те категории людей, в которых нуждались производство и общество. По большому счёту ими стали те, кто в условиях нефтегазового фронта оказались способны объединить новейшие индустриальные достижения с традициями, уже наработанными предшественниками. Таким образом, эволюция образов создателей «Большой нефти» в Сибири с одной стороны отобразила объективные изменения типичных социальных акторов, а с другой – она вполне соответствует закономерностям в развитии культуры. Калейдоскоп образов для человечества вечен. Знание его специфики содействует более полному осознанию нашего негромкого прошлого, связанного с жизнью и работой обычных людей, оказавшихся участниками значимых исторических свершений.

Литература

1. Бабанин Л. Вертолётная рапсодия. М.: Империиум Пресс, 2009. – 576 с.
2. Бирюков В. П. Годы и люди земли тюменской. Книга в трех частях. Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 2000. – 488 с.
3. Головнёв А. В. Феномен колонизации. Екатеринбург: УрО РАН, 2015. – 592 с. Грушевицкая Т. Г., Попков В. Д., Садохин А. Л. Основы межкультурной коммуникации: Учеб. для вузов. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. 3– 52 с.
4. Ершов М. Ф. Социокультурная эволюция образов очеловеченного пространства: общетеоретические и конкретно-исторические аспекты. Ханты-Мансийск: Печатный мир г. Ханты-Мансийск, 2013. – 276 с.
5. Жирар Р. Козел отпущения. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2010. – 336 с.
6. Кукевич Ю. А. «Были-небыли». Салехард: ГУП ЯНАО «Издательство «Красный Север», 2011. – 192 с.
7. Лушай Л. Северное созвездие. Екатеринбург: Баско, 2005. – 288 с.

8. Панфилов, Валерий Брониславович // <https://ru.wikipedia.org/wiki/>
9. Салманов Ф. К. Я – политик. Раздумья одного из создателей топливно-энергетической мощи страны. М.: б. и., 2006. – 525 с.
10. Редикульцев В. К. Сопряжение времен. Усть-Балык. Екатеринбург: Сократ, 2009. – 272 с.
11. Слёзкин Ю. Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера. М.: Новое литературное обозрение, 2008. – 512 с.
12. Щепанская Т. Б. Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX–XX вв. М.: Индрик, 2003. – 528 с.
13. Babcock-Abrahams B. «A Tolerated Margin of Mess»: The Trickster and His Tales Reconsidered // Journal of the Folklore Institute. 1975. Vol. 11. № 3. P. 147–186.
14. Hyde L. Trickster Makes This World: Mischief, Myth and Art. New York: North Point Press, 1998. – 438 p.

ВАХТОВЫЕ ПОСЁЛКИ КАК ОБЪЕКТЫ ИНДУСТРИАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ ЮГРЫ: СОВРЕМЕННОСТЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Б. А. Середовских

*Нижевартовский государственный университет
(Нижевартовск), geoboris@mail.ru*

К объектам индустриального наследия Югры, несомненно, можно отнести вахтовые посёлки нефтегазодобывающих предприятий. Возникшие в период интенсивного промышленного освоения нефтегазовых месторождений Западной Сибири, вахтовые посёлки стали неотъемлемой частью индустриального пейзажа Югры, сохраняя в то же время неопределённый статус и не совсем ясные перспективы.

Всё дело в том, что вахтовый посёлок – это не населённый пункт, поскольку создается на время освоения месторождения и не ставит перед собой целью заселение территории. В современном российском законодательстве даже нет определения «вахтовый посёлок».

Как отмечает И. Н. Стась, нефтегазоносные районы Тюменской области на первом этапе заселялись стихийно рабочими со всего Советского Союза, появлялись пункты расселения рабочих – около месторождений стихийно возводились неблагоустроенные посёлки нефтяников, газовиков и геологов (Стась, 2013). Становление такой системы городского расселения подчинялось ведомственным интересам. Поэтому временные поселения характеризовались низким уровнем благоустройства, некомплексной застройкой, быстрым ростом населения. Однако впоследствии некоторые новые населённые пункты получали статус рабочих посёлков, а потом и городов. Так, в 1962 г. рабочим посёлком стал Урай, а в 1964 г. – Нефтеюганск, Нижневартовский, Мегион. На базе рабочих посёлков, бывших вахтовых поселений, форсированными темпами стали строиться новые нефтяные города.

Введение огромных необжитых территорий в промышленное освоение и значительный территориальный разброс месторождений привели к пересмотру системы расселения. И в дальнейшем

«нефтяные» города стали базовыми для эксплуатации нефтегазовых месторождений вахтовым методом, а нефтяные ведомства начали застраивать свои вахтовые пункты расселения.

Функции специально создаваемых временных (вахтовых) посёлков, как правило, ограничены удовлетворением первичных потребностей вахтовых работников. Поэтому для Ханты-Мансийского автономного округа характерна особая система расселения «базовый город – вахтовые посёлки», в которой основные функции жизнеобеспечения берёт на себя базовый город (рабочий посёлок), а перечень функций вахтовых поселений ограничен созданием условий для первичного жизнеобеспечения работников (Сергеева, 2012).

Причём, поскольку вахтовые посёлки имеют ведомственную принадлежность, информация о них крайне скудная и противоречивая. Некоторые из них уже в последнее время выросли до статуса населённых пунктов, став частью муниципальной системы населённых пунктов Югры (Нижнесортымский, Сентябрьский). Другие по разным причинам прекратили своё существование (Рябиновый, Ершовый, Верцинный).

В настоящее время автором выделено на территории ХМАО – Югры более 20 действующих вахтовых посёлков. Из них почти половина (10 вахтовых посёлков) расположены в Нижневартовском районе, по 4 вахтовых посёлка находятся в Сургутском и Ханты-Мансийском районах, 3 – в Кондинском, 2 – в Советском районе.

№ п/п	Вахтовые поселки	Территори- альная при- надлежность	Ведомственная принадлежность	
			Организация	Месторож- дение
1	Повховский	Сургутский район	ТПП «Повхнефте- газ» ООО «ЛУ- КОЙЛ – Западная Сибирь»	Повховское
2	Бахилов- ский	Нижневар- товский рай- он	ПАО «Варьеганнеф- тегаз»	Бахилловское
3	Белорусский (Хохряков- ский)	Нижневар- товский рай- он	ПАО АНК «Баш- нефть» ПАО «НК «Роснефть»	Кирско- Коттыньское месторожде- ние
4	Тагринский	Нижневар- товский рай- он	ПАО «Варьеганнеф- тегаз»	Тагринское
5	Надежда	Нижневар- товский рай- он	ПАО «Варьеганнеф- тегаз»	Бахилловское
6	Северо- Варьеган- ский	Нижневар- товский рай- он	ПАО «Варьеганнеф- тегаз»	Северо- Варьеганское
7	Вах	Нижневар- товский рай- он	АО «Томскнефть» ВНК	Вахское
8	Ловинка	Советский район	ОАО «ЛУКОЙЛ»	Ловинское
9	Убинка	Кондинский район	ООО «ЛУКОЙЛ- Западная Сибирь» ТПП «Урайнефте- газ»	Убинское
10	Даниловка	Советский район	ООО «ЛУКОЙЛ- Западная Сибирь» ТПП «Урайнефте- газ»	Северо- Даниловское
11	Пионерный	Ханты- Мансийский район	ООО «РН- Юганскнефтегаз».	Приобское
12	Меркур	Ханты- Мансийский район	ООО «РН- Юганскнефтегаз».	Приобское

13	Белый Яр	Ханты-Мансийский район	ООО «РН-Юганскнефтегаз ПАО «НК «Роснефть»	Приразломное
14	жилой поселок № 2 в районе КП-6	Сургутский район	ПАО «Славнефть-Мегионнефтегаз»	Тайлаковское месторождение
15	вахтовый поселок	Сургутский район	ПАО «Славнефть-Мегионнефтегаз»	Чистинное месторождение
16	вахтовый поселок	Нижневартовский район	ПАО «Славнефть-Мегионнефтегаз».	Новопокурское месторождение
17	Ермаковский	Нижневартовский район	ООО «Газпромнефть-Хантос»	Орехово-Ермаковское
18	вахтовый поселок (в районе карьера «Запорный»)	Нижневартовский район	АО «Нижневартовское нефтегазодобывающее предприятие» (ННП)	Самотлорское
19	вахтовый поселок	Нижневартовский район	АО «Нижневартовское нефтегазодобывающее предприятие» (ННП)	Кошильское месторождение
20	Северный	Сургутский район	ОАО «Сургутнефтегаз»	Мурьянское
21	Островной	Ханты-Мансийский район	ООО «РН-Юганскнефтегаз»	Приобское
22	Полтавский	Октябрьский район	ООО «НК Краснотуркменск-нефтегаз»	Талинское
23	Усть-Тетерево	Кондинский район	ООО «ЛУКОЙЛ-Западная Сибирь» ТПП «Урайнефтегаз»	Мортымья-Тетеревское
24	Толум	Кондинский район	ООО «ЛУКОЙЛ-Западная Сибирь» ТПП «Урайнефтегаз»	Толумское

Автор не претендует на наличие в данной статье исчерпывающей информации обо всех вахтовых посёлках Югры – в данную таблицу включены лишь «стационарные» вахтовые поселения, многие из которых обладают развитой промышленной и социальной инфраструктурой (многоэтажные здания, общежития гостиничного типа, столовые и пр.).

В то же время в список вахтовых поселений Югры не включены многие вахтовые посёлки в мобильном исполнении (Имлор, Салымский, Северный и др.). Особенностью подобных вахтовых посёлков, отличающих их от стационарных вахтовых поселений, является мобильное конструктивно-технологическое исполнение, позволяющее быстро монтировать и демонтировать посёлки. Это позволяет перемещать мобильные конструкции и комплексы, устанавливая их в новых местах эксплуатации и тем самым обеспечивать их неоднократную оборачиваемость в течение «жизненного цикла» (Силин, 2010).

Поэтому, на наш взгляд, будет проявляться тенденция ухода в прошлое стационарных вахтовых посёлков с приходом им на смену быстровозводимых мобильных комплексов, построенных по проекту заказчиков. Но возникает вопрос – а какова будет дальнейшая судьба стационарных вахтовых посёлков, когда они исчерпают своё первоначальное предназначение? Просто закрыть их, законсервировать или забросить – это не государственный подход, ведь они уже стали элементами опорного каркаса освоения территории Югры, обладают развитой транспортной, производственной и социальной инфраструктурой. И хотя они не являются полноценными постоянными посёлками, но в то же время перестали быть просто вахтой.

Очевидно, что проблема вахтовых посёлков требует решения на уровне и регионального, и федерального законодательства. Прежде всего, необходимо узаконить статус вахтовых посёлков, в том числе сформулировать признаки такого посёлка, определить условия его перехода в статус населённого пункта, регламентировать экологические аспекты деятельности вахтовых посёлков, определить параметры социального обеспечения вахтовых работников, возможность участия работников в управлении вахтовым посёлком. В частности, должен быть принят нормативный акт, который разграничит понятия «вахтовый посёлок» и «населён-

ный пункт», а также определит статус вахтового посёлка в административно-территориальном устройстве региона.

Литература

1. Сергеева И. В. Исторические особенности, проблемы и тенденции организации труда вахтовым методом в условиях Крайнего севера // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник Сыктывкарского гос. ун-та. 2012. № 2. URL: <http://koet.syktu.ru/vestnik/2012/2012-2/9/9.htm>

2. Силин А. Н. Вахта в Тюменском регионе: взгляд в прошлое и будущее / А. Н. Силин // Налоги. Инвестиции. Капитал. 2010. – № 1. – С. 158–166.

3. Стась И. Н. Этапы развития системы городского расселения ХантыМансийского округа (1960–1990-е гг.) / И. Н. Стась // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 7 (33): в 2-х ч. Ч. II. – С. 156–158.

К ИСТОРИИ ОДНОГО ПАМЯТНИКА (ТЮМЕНСКАЯ ОПОРНАЯ СКВАЖИНА КАК ОБЪЕКТ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ЗАПАДНО-СИБИРСКОГО НЕФТЕГАЗОВОГО КОМПЛЕКСА)

М. В. Комгорт

*Тюменский индустриальный университет (Тюмень),
komgort@mail.ru*

С 1948 г. начинается качественно новый этап геологического исследования нефтегазоносности Западной Сибири, основанный на реализации плана опорного бурения. Одной из первых скважин, заложенных по этому плану, была Тюменская опорно-стратиграфическая скважина № Р-1.

Скважина была запроектирована в соответствии с постановлением Технического совета Министерства геологии от 19 декабря 1947 г. и решением Учёного Совета по опорным скважинам. В октябре 1948 г. проект на строительство скважины на восточной окраине Тюмени был утверждён начальником Главнефтегеологии Г. Л. Гришиным (Геологические фонды Главтюменьгеологии. Дело скважины № 1-Р опорной Тюменской площади. Л. 5.).

Место было выбрано с таким расчётом, чтобы при бурении можно было пройти все обнаруженные здесь по данным геофизики отложения. Акт о заложении опорной скважины был подписан 12 июня 1948 г. и. о. начальника Тюменской роторной буровой партии А. П. Любимовым, старшим геологом А. И. Хребтовым и старшим инженером бурения В. Д. Федоровым. «Точку в натуре», определённую 10 мая 1948 г. начальником ЗапСибнефтегеологии В. М. Рябовым, главным инженером А. Ф. Поповым и топографом Базейкиным (инициалы последнего в документе отсутствуют – авт.), принял буровой мастер Б. М. Карамов (Комгорт, 2008, с. 76.).

В соответствии с геолого-техническим нарядом проектная глубина скважины должна была составить 2 000 метров, проектным горизонтом являлся палеозой, а общая продолжительность бурения планировалась в 667 суток. Целью заложения скважины было изучение литологии и стратиграфии третичных,

мезозойских и верхней части палеозойских отложений, а также установление признаков нефтегазоносности района. Для этого предполагалось всестороннее геологическое, газогидрогеологическое и геофизическое изучение бурового материала. Для облегчения отбора керна 10 мая 1948 г. в шестидесяти метрах севернее места бурения опорной скважины была заложена дублирующая крелиусная скважина (№ 1-К) с предполагавшимся отбором керна до глубины 500 метров (Геологические фонды Главтюменьгеологии. Дело скважины № 1-Р опорной Тюменской площади. Л. 4, 152; ГАНО. Ф. 1470. Оп. 3. Д. 2. Л. 4).

С 24 августа 1948 г. Тюменская буровая партия приступила к постройке фонаря роторной буровой, которая производилась вручную, без подъёмных механизмов. Начатый после этого монтаж оборудования продолжался до конца года, но так и не был завершён: не хватало труб для обвязки, электро- и газосварочных аппаратов, пиломатериалов. В общей сложности на подготовительные работы ушло полгода. Непосредственно к бурению бригада мастера Б. М. Карамова смогла приступить только 15 февраля 1949 г. Об этом свидетельствует «Акт о начале бурения скважины № 1-Р», подписанный главным геологом Тюменской геологоразведочной экспедиции М. В. Шалавиным и начальником планового отдела Ю. И. Пяткиной на основании буровых рапортов (Комгорт, 2019, с. 106.).

Задержка начала бурения была связана с целым рядом обстоятельств технического, технологического и организационного характера. Необходимо признать, что более половины всего времени бурения скважина простаивала по причинам, связанным с неполадками и ликвидацией аварий. Несоблюдение технологии бурения привело к тому, что Тюменская опорная скважина давала низкий вынос керна – в среднем 43,6 % при минимальной норме в 60 %, определённой для опорных скважин. Исследование керна проводилось в лабораториях треста «ЗапСибнефтегеология», Свердловского геологического управления и ВСЕГЕИ. Кроме изучения кернового материала ВСЕГЕИ исследовал пробы воды и газа, а также осуществлял общее кураторство во время проводки и испытания скважины.

В начале 1950 г. куратор опорного бурения по Тюменской области от ВСЕГЕИ А. В. Хабаков подготовил первый предва-

рительный отчёт о результатах изучения отложений разреза скважины, в котором положительно оценил перспективы нефтегазонасности Тюменского района. В июне 1950 г. скважина № 1-Р достигла проектной глубины в 2 000 м. Акт об окончании бурения, подписанный начальником Тюменской ГРЭ Павловским, главным геологом Шалавиным, главным инженером Поповым и начальником бурения скважины Васильевым, датирован 1 сентября 1950 г. Судя по документу, «скважина была остановлена бурением в связи с достижением проектной глубины» (ГАНО. Ф. 1470. Оп. 3. Д. 30. Л. 5.).

В 1960-е гг. буровая вышка была разобрана. В 1986 г. к 400-летию основания Тюмени по предложению Главтюменьгеологии было принято решение об увековечивании памяти первой скважины на тюменской земле. В 1998 г., в год 50-летия с начала планомерных поисково-разведочных работ в Западной Сибири, установленный на месте бурения памятник был реконструирован: пилон облицевали гранитом, наверху установили макет буровой, надпись на табличке из нержавеющей стали зафиксировала это событие.

А вот имён тех, кто принимал участие в бурении скважины, на памятнике не оказалось...

Стоит отдать должное тюменскому журналисту Р. С. Гольдбергу, который первым предал гласности «Дело скважины Р-1», обнаруженное им в фондах бывшей Главтюменьгеологии. Удалось выяснить, что бригада, занимавшаяся бурением скважины, была командирована в Тюмень из укрупнённого нефтепромысла «Гудермес» Новогрозненской конторы бурения треста «Грознефть». Стоит отметить, что вопреки распространённому в исторической литературе мнению, практика приглашения буровых бригад впервые была использована не руководством тюменских нефтяников в 1964–1965 гг. Этот опыт был применён ещё в 1948 г. при проводке Тюменской опорной скважины. В составе бригады прибыли: буровой мастер Б. М. Мелик-Карамов, бурильщики Х. Ф.-оглы Кулиев и Р. К. Булатов, помощник бурильщика А. И. Обухов.

В отличие от своих коллег, которым было немногим более двадцати лет, 54-летний Баграт Мкртович Мелик-Карамов годился им в отцы и, судя по 25-летнему производственному стажу ра-

боты, был опытным буровым мастером. Как позже вспоминала старший геолог Тюменской буровой партии С. Г. Белкина, в буровой партии его называли «Грозным» – «по родному городу, да и по норову» (Салманов Ф. К. Сибирь – судьба моя. М., 1988. С. 250). По косвенным данным удалось выяснить, что командировки для Б. М. Мелик-Карамова были делом привычным: так в 1936 г. он работал в Кировской области, в 1939 г. – был командирован в Молотовскую (Пермскую) область и в 1942 г. вернулся в Грозный (ГАТО. Ф. 1903. Оп. 2. Д. 5596. Л. 3.).

По информации А. А. Петрушина, настоящая фамилия Б. М. Мелик-Карамова – Мелкарамян. В 1915 г. его семья, спасаясь от турецкого геноцида, была вынуждена переехать в Баку и сменить фамилию.

К сожалению, личное дело Б. М. Мелик-Карамова в архивных фондах не сохранилось. Мы знаем только, что после окончания бурения Тюменской опорной скважины он как лучший буровой мастер Тюменской геологической экспедиции был назначен начальником Заводоуковской буровой партии. Как позже вспоминал его С. Н. Урусов, в 1951 г. работавший бурильщиком в этой партии под руководством Мелик-Карамова, его начальник «тонко знал свое дело, имел огромный опыт, умел организовать людей, и человек был справедливый. Поучиться было чему у нашего мастера» (Эпоха Эрвье, 2009, с. 41).

Как сложилась дальнейшая судьба бурового мастера, возвратился ли он на родину, или отправился в очередную командировку, неизвестно. В отношении членов его бригады определённости больше. Судя по архивным документам, ни Кулиев, ни Обухов, ни Булатов в Тюменской области не задержались. Они покинули Тюмень практически в одно время – в 1955–1956 гг. (ГАТО. Ф. 1903. Оп. 2. Д. 1398. Л. 1; Д. 4963. Л. 1; Д. 6249. Л. 1; ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 54. Д. 319. Л. 58). Также остается неясным – уехали ли они по собственному желанию, или были откомандированы в другую организацию. По поводу Х. Ф. Кулиева нам известно, что в 1953 г. он принимал участие в бурении Берёзовской скважины и был свидетелем получения первого газового фонтана в Тюменской области (Быстрицкий, 2003). Что касается Б. М. Мелик-Карамова, добрую память о себе оставил в Тюменской области и его сын – буровой мастер Усть-Балыкской

НРЭ Н. Б. Мелик-Карамов, в 1966 г. получивший звание Героя Социалистического Труда за участие в открытии ряда нефтяных месторождений Среднего Приобья.

Кроме буровиков, из укрупнённого нефтепромысла «Гудермес» объединения «Грознефть» в Тюменскую буровую партию на должность старшего геолога был направлен А. И. Хребтов, работавший в Грозном старшим геологом по разработке. Именно его подпись стоит на документе о заложении опорной скважины. Всего в течение 1948 г. в Тюменскую буровую партию были приняты 134 человека, из них 102 (76 %) – в порядке вольного набора и 32 человека через оргнабор. Основную часть принятых (99 человек) составляли рабочие (ГАТО. Ф. 1903. Оп. 3. Д. 2. Л. 120.).

Изучение личных дел, сохранившихся в архиве Главтюменьгеологии, позволяет восстановить имена некоторых из них. Так, например, в июле 1948 г. в партию поступил на работу плотник И. В. Неруш, который, как отмечалось в характеристике, имел «горячее желание приобрести квалификацию бурильщика» и спустя всего несколько месяцев перешёл работать верховым рабочим (Комгорт, 2008). В одно время с ним на должность моториста на дизеля был принят А. Г. Ильин, вскоре назначенный старшим дизелистом. В октябре 1948 г. на работу в Тюменскую буровую партию на должность бурильщика VI-го разряда был зачислен фронтовик Н. И. Григорьев, позже ставший «легендой» тюменской геологии. Он прибыл в Тюмень из Валдайской нефтеразведки, где прошёл путь от рабочего до помощника бурильщика. Любопытный факт: помощником бурильщика в буровой бригаде, проводившей проходку скважины Р-1 в Тюмени, успел поработать во время студенческой практики и будущий начальник Главтюменьгеологии Ф. К. Салманов (Салманов, 1988, с. 250).

Таким образом, несмотря на то, что в настоящее время имена многих участников проводки первой скважины на тюменской земле удалось персонифицировать, памятник буровой до сих пор остаётся безымянным...

Литература

1. Быстрицкий А. Г. В счастливую случайность Берёзовского фонтана я не верил // Московский комсомолец. 2003. 3–10 сент.
2. ГАНО. Ф. 1470. – Оп. 3. – Д. 2. – Л. 4.
3. ГАНО. Ф. 1470. – Оп. 3. – Д. 30. – Л. 5.
4. ГАСПИТО. Ф. 124. – Оп. 54. – Д. 319. – Л. 58.
5. ГАТО. Ф. 1903. – Оп. 2. – Д. 1398. – Л. 1; Д. 4963. – Л. 1; Д. 6249. – Л. 1
6. ГАТО. Ф. 1903. – Оп. 2. – Д. 5596. – Л. 3.
7. Геологические фонды Главтюменьгеологии. Дело скважины № 1-Р опорной Тюменской площади. Л. 5.
8. Геологические фонды Главтюменьгеологии. Дело скважины № 1-Р опорной Тюменской площади. Л. 4, 152.
9. Государственный архив Тюменской области (ГАТО). Ф. 1903. – Оп. 3. – Д. 2. – Л. 120.
10. Комгорт М. В. Западно-Сибирская нефтегазоносная провинция: история открытия. Тюмень: «Вектор Бук», 2008. – С. 76.
11. Комгорт М. В. Первая опорная скважина в Западной Сибири // Горные ведомости. 2008. – № 12. – С. 88.
12. Комгорт М. В. Тюменская геология до «эпохи великих геологических открытий». Тюмень: ТИУ, 2019. – С. 106..
13. Салманов Ф. К. Сибирь – судьба моя. М., 1988. – С. 250.
14. Эпоха Эрвье. 1909–2009. Авт. проекта В. Д. Токарев, А. П. Лидов. – М., 2009. – С. 41.

ПРОБЛЕМА ВЕДОМСТВЕННОГО ГОРОДА В ЗАПАДНО-СИБИРСКОМ НЕФТЕГАЗОВОМ КОМПЛЕКСЕ

И. Н. Стась

*Тюменский государственный университет (Тюмень),
igor.stas@mail.ru*

Результаты исследования были получены в рамках выполнения гранта Российского научного фонда, проект № 20-78-10010 «Ведомственность как фактор в истории освоения Российского Севера (1930–1980-е гг.): регионализм, конфликты интересов, институциональные структуры и идентификационные стратегии».

История Западно-Сибирского нефтегазового комплекса полна противоречивых социальных феноменов, которые были как типичными в условиях производственного развития территорий Советского Союза, так и уникальными явлениями реляционных взаимодействий в региональном сообществе. Одним из таких разноголосых феноменов в период нефтегазового освоения Севера Западной Сибири стал ведомственный город, в полном объеме отразивший проблематику ведомственности в советской экономической системе.

Ведомственность рассматривается как историко-социальное понятие и явление, которое характеризуется как форма идентификации экономических предприятий, проявляющаяся в процессе хозяйственной и социокультурной деятельности посредством формирования и отстаивания собственных социально-экономических интересов и экстенсификации организационного пространства. Ведомственность всегда существует в конкретных социальных практиках и действиях, которые нацелены на присвоение физического ландшафта, социокультурного пространства и экономических систем. В этом процессе экономические предприятия сталкиваются друг с другом и выстраивают четкие идентификационные границы профессионального корпоративного сообщества, воспроизводящие отраслевую топографию территорий и среды. В советской системе пространством такого противостояния часто становился город.

В 1990-х гг. понятие «ведомственности» играло значимую роль в полемике учёных о псевдомодернизации и ложной урбанизации в СССР. Известный урбанист В. Л. Глазычев говорил о «слободизации» России в советский период, а философ А. С. Ахиезер указывал о «псевдоурбанизации», которая была лишь средством для получения экстенсивного эффекта ведомствами и государством в экономическом развитии. Архитектор Л. Б. Коган считал, что индустриализация не смогла раскрыть социальные потенции советского города, поскольку он рассматривался только как посёлок и придаток производства. Более умеренных позиций в отношении псевдомодернизации и ведомственного фактора в социальном развитии России придерживались Э. С. Демиденко, А. Г. Вишневский, Г. М. Лаппо, П. М. Полян и др. Развернуто влияние ведомственности на урбанизацию показал историк А. С. Сенявский.

Эти социальные границы и практики ведомственного присвоения пространства были продемонстрированы в активно строящихся городах нефтегазодобывающих районов Западной Сибири. На протяжении 1960–1980-х гг. проблема ведомственности в условиях северного городского строительства и проектирования в первую очередь существенно волновала архитекторов и градостроителей. В конце 1980-х гг. в контексте освоения северных регионов России подробно изучала феномен ведомственности Т. И. Алексеева, которая считала, что даже эффективное ведомственное строительство различных предприятий и организаций, имеющих интересы в Сибири и на Советском Севере, в итоге оборачивалось убытками для народного хозяйства (Алексеева, 1987).

К началу 1990-х гг. стали формироваться научные подходы к анализу феномена ведомственности в Западно-Сибирском нефтегазовом комплексе. Так, в 1991 г. в Тюмени прошла Всероссийская научная конференция «Территория – ведомство – человек в Сибири», на которой учёные призвали усмирять политику всемогущих министерств при освоении восточных пространств России (Территория..., 1991). В постсоветской историографии экономисты, социологи и гуманитарии пытались выявить региональные особенности ведомственности в условиях нового промышленного освоения территорий Урала

и Сибири в послевоенный период (Г. Ф. Куцев, В. В. Алексеев, В. А. Ламин, Р. Л. Джикирба и др.). В 2000-е гг. особый интерес историков вызывало изучение ведомственного фактора в становлении Западно-Сибирского нефтегазового комплекса. В. Л. Некрасов и Е. А. Хромов исследовали партийные, региональные и ведомственные группы интересов и их борьбу в нефтегазовом секторе СССР в период проведения экономической реформы в 1957–1965 гг. (Хромов, 2010; Некрасов, Хромов, 2008). Тюменские историки также попытались выявить роль ведомств в социальном и градостроительном развитии нефтегазодобывающих районов Западной Сибири в 1960–1980-х гг. (работы Н. Ю. Гавриловой, В. П. Карпова, Г. Ю. Колевой, М. В. Комгорт, А. И. Прищепы).

Новосибирская исследовательница А. И. Тимошенко выявила особенности централизованно-ведомственной системы управления в условиях промышленного освоения и строительства социальной сферы в Сибири во второй половине XX в (Тимошенко, 2009). Она считала, что в «определённые исторические периоды ведомственное управление сыграло свою положительную роль в освоении пионерных районов Сибири, помогло добиться важных результатов при решении крупных хозяйственных задач», что крупные ведомства «обеспечили единое руководство на определённой территории при создании территориально-промышленных и транспортно-промышленных комбинатов, включая и социальную инфраструктуру» (Тимошенко, 2009, с. 130). При этом эта положительная роль ведомств, согласно А. И. Тимошенко, проявилась в первую очередь в сталинский период, но с 1950-х гг. при усложнении задач хозяйственного освоения ведомственность приводила к распылению средств на социальную сферу и снижению оперативности при решении многих вопросов.

Исследователи отмечают, что феномен ведомственности был наиболее заметен в процессе строительства городов Западно-Сибирского нефтегазового комплекса. Новые города по существу были ведомственными, так как весь жилищный фонд в них принадлежал промышленным главам. Об этом прямо пишут известные историки В. В. Алексеев и В. А. Ламин: «Многочисленные главки, как удельные княжества, независимо друг от

друга, а нередко и в ущерб друг другу пытались вести свое хозяйство, что наносило значительный урон государству» (Алексеев, Ламин, 1989, с. 242). Термин «города-ведомства» как сравнение с канадскими «городами-монополями» получил широкое распространение в сибирской историографии, особенно при характеристике города Сургута (Гаврилова, Карпов, 2002). В какой-то степени в этом городе осуществлялось феодальное управление, а руководители главков превращались во всемогущих князей, которые совершали промышленное освоение и строили города.

Таким одним из «ведомственных князей» был руководитель Главтюменнефтегаза В. И. Муравленко. Вот как в документальной повести «Нефтяник» реагировал руководитель главка на сравнение посёлков с хуторами: «Пожалуй, не хутора, – Виктор Иванович широко развёл руки, – целые удельные княжества, да, да, ведомственные удельные княжества, – повторил он, – со своей многочисленной службой. Как же, каждое ведомство строит свою котельную, свою электростанцию, свой водопровод, свою баньку, прачечную, пекарню, всё своё. А не сургутское, хотя живём-то мы на сургутской земле» (Юрасова, Юрасова, 1981, с. 126–127). Для Сургута особой, «княжеской» фигурой также выступал геолог Ф. К. Салманов. В краеведческом нарративе его называют «человеком, возродившим наш город».

Историки рассматривают Сургут ведомственным и разрозненным городом. Практически все они отмечают, что строительство Сургута осуществлялось «хуторским методом». В частности, об этом много пишет Тюменская школа историков по развитию Западно-Сибирского нефтегазового комплекса. Историки Н. Ю. Гаврилова и В. П. Карпов интерпретируют проблемы градостроительства нефтегазового региона следующим образом: «Серьёзным препятствием в формировании единого архитектурного облика городов, комплексного развития в них социальной инфраструктуры являлась ведомственность. <...> в практике освоения Западной Сибири в 60-е годы появилась новая категория «городов-ведомств». Города застраивались методом «хуторского» хозяйства. <...> Особенно заметно ведомственный характер застройки проявился при строительстве Сургута, в сооружении которого принимали участие 8 крупнейших

министерств. В Сургуте практически не существовало единого городского поселения...» (Гаврилова, Карпов, 2002, С. 243). Специалист по истории нефтегазовых районов Западной Сибири Г. Ю. Колева также видела в ведомственности серьёзную городскую проблему: «Нельзя не признать очевидного факта, что до конца 1970-х гг. ведомственный принцип в развитии городов был преобладающим» (Колева, 2007, с. 243). В новейших исследованиях В. П. Карпов продолжает акцентировать внимание на том, что ярким примером ведомственности «была застройка Сургута хуторским методом: посёлок речников, посёлок геологов, посёлок нефтяников... Но местные советы, по существу, не имели никакой власти: всё решали начальники главков, трестов, управлений, не согласуя своих действий с советскими органами» (Карпов, 2012, с. 22).

Схожие оценки в отношении градостроительной истории Сургута даёт известный югорский историк А. И. Прищепа: «Начавшееся в 1960-е гг. интенсивное промышленное освоение края при отсутствии комплексной программы его социально-экономического развития предопределило ведомственный характер застройки города методом «хуторского хозяйства». Каждое ведомство на вверенной ему территории не только имело жилой фонд, но и отвечало за его эксплуатацию, создавало свои предприятия связи, торговли, общественного питания, бытового обслуживания, учреждения культуры. Город представлял собой конгломерат разбросанных по обширной территории ведомственных микрорайонов» (Прищепа, 2007, с. 96). Вся социальная и культурная жизнь в городах нефтегазодобывающих районов подчинялась ведомственной субординации, которая проникала не только в сферы прямого хозяйственного подчинения, но и в структуры советского административного управления, как, например, практики шефства нефтегазовых предприятий над общеобразовательными учреждениями (Кирилук, 2016).

Таким образом, проблематика ведомственного города в Западно-Сибирском нефтегазовом комплексе продолжает оставаться актуальной в современной историографии. Научная мысль характеризует ведомственные города как разрозненные и фрагментарные, сравнивая их с «хуторским хозяйством» и «удельными княжествами». Основной обобщающий вывод

исторической науки о ведомственном городе в нефтегазовом комплексе заключается в признании ведомственности как ключевого политико-экономического и социального механизма градостроительного освоения северных территорий России. В целом, в историографии сформирован существенный исследовательский задел для отдельного перспективного изучения ведомственного подхода в освоении Российского Севера и Арктики в советский период.

Литература

1. Алексеев В. В., Ламин В. А. Прометеи сибирской нефти. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1989.

2. Алексеева Т. И. Региональные особенности градостроительства в Сибири и на Севере. Л.: Стройиздат, Ленингр. отделение, 1987.

3. Гаврилова Н. Ю., Карпов В. П. Жилищно-гражданское строительство в районах нового промышленного освоения Севера Западной Сибири (1964–1985 гг.) // Налоги, инвестиции, капитал. 2002. – № 1–2. – С. 238–244.

4. Карпов В. П. Анатомия Тюменского подвига // Родина. 2012. – № 8. – С. 20–23.

5. Кирилюк Д. В. Роль нефтегазовых организаций в развитии образования на территории Югры в 1960–1980-е гг. // Российская нефть: история и современность. Сборник статей Всероссийской научной конференции с международным участием (г. Сургут, СурГУ, 27 ноября 2015 г.). Курган: ООО «Курганский Дом печати», 2016. – С. 295–306.

6. Колева Г. Ю. Строительство городов в районах нового промышленного освоения в 1960–1980-е годы // Вестник Тюменского государственного университета. – 2007. – № 1. – С. 237–244.

7. Некрасов В. Л., Хромов Е. А. Партийные, региональные и ведомственные группы интересов в формировании политики освоения Западно-Сибирской нефтегазовой провинции (1961–1965 гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2008. – № 2 (3). – С. 45–53.

8. Прищепа А. И. Градостроение в Сургуте во второй половине XX века // Отечественная история. 2007. – № 2. – С. 95–100.

9. Территория – ведомство – человек в Сибири. Мат. Всерос. научн. конф. Тюмень, 1991.

10. Тимошенко А. И. Государственная политика формирования и закрепления населения в районах нового промышленного освоения Сибири в 1950–1980-е гг.: планы и реальность. Новосибирск: Сибирское научное издательство, 2009.

11. Хромов Е. А. Формирование ведомственных и региональных интересов в нефтегазовом секторе СССР в 1957–1965 гг. (на примере освоения Западно-Сибирской нефтегазовой провинции): автореферат дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Томск, 2010.

12. Юрасова М. К., Юрасова Г. М. Нефтяник: (Док. повесть). – М.: Сов. Россия, 1981.

ИНДУСТРИАЛЬНОЕ ОСВОЕНИЕ СЕВЕРА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

К. С. Барабанова

*Сургутский государственный педагогический университет
(Сургут), barabanova13@gmail.com*

Освоение Севера Западной Сибири стало одним из самых успешных советских проектов. Одним из наиболее актуальных направлений сегодня является историческая память. П. Нора указывал на то, что современность – это эпоха всемирного торжества памяти, в связи с изменением отношения к прошлому (Нора, 2005). Представляется важным обратиться к проблеме коммеморации индустриального освоения Севера Западной Сибири (актам публичного «вспоминания и (пере)осмысления»).

Пространство Севера Западной Сибири вмещает в себя места памяти, как общенационального характера, так и локальные. К общероссийскому проекту памяти относятся места памяти, освящающие военные подвиги в Гражданскую войну, Великую Отечественную и Афганскую. В композициях военных памятников используются самые распространённые символы: стелы, фигуры одинокого солдата, вечный огонь и танк.

Актуализированным прошлым для Севера Западной Сибири стало покорение природы и пространства. Для региона актуальным кейсом стало открытие и добыча нефти. Этот выбор связан с тем, что нефть стала точкой возрождения или полного перерождения региона. Её разведка и добыча – часть образа пространства и основа для формирования образа жителя Севера Западной Сибири. Важность нефти в современной политической повестке даёт возможность региону переосмыслить своё положение в стране: из фронта Север превращается в центр, который кормит другие части страны.

Важно отметить, что города Севера Западной Сибири следует рассматривать в контексте мест памяти в молодых городах и внутренней колонизации. В качестве молодых обычно рассматриваются города Урала, память о которых начала формироваться в советский период и была ориентированы на градообразующие предприятия (Веселкова, Прямикова, Вандышев, 2016).

На локальном уровне они символически связывали людей в единую общность. В городах Севера Западной Сибири классического градообразующего предприятия мы не встретим. Нет в городах завода, на который с утра собирались бы рабочие. Но градообразующим фактором стала добыча нефти. Для Севера покорение природы и добыча полезных ресурсов были той же символической объединяющей линией, как и для Урала крупные градообразующие предприятия. Практики коммеморации подвига заводского рабочего трансформировались, и центральной фигурой стал первопроходец, нефтяник. Акцент сделан на открытии данного региона, завоевании пространства и природных ресурсов в условиях Севера.

Коммеморальные практики открытия покорения природы и нефти разнообразны. Они включают в себя скульптурные композиции, музейные комплексы и отдельные выставочные проекты, название улиц, памятные таблички и т. д. Отдельно следует отметить комплекс кинохроник и ряд кинокартин. В выстраивании сюжетов кинохроник и фильмов об освоении нефти применялись те же мифологемы, что и в художественных фильмах об освоении целины – героический миф и миф о преображении (Мазур, 2016).

Наиболее разработанным местом памяти в регионе стала фигура Ф. К. Салманова. Как показал П. Нора, местами памяти могут выступать не только географические объекты, так он рассматривал в качестве французских мест памяти Жанну д'Арк и Марсельезу (Нора, 1999). В проекте «Великие имена России» имя Фармана Салманова хотели дать аэропортам Сургута и Нижневартовска. Отметим, что в данном проекте жители Сургута выдвинули и другого первооткрывателя данной территории – Ермака Тимофеевича.

Как и в репрезентации целины в регионе используется техника, как символ индустриального освоения пространства (Мафинова, 2017). Анализ мест памяти, которые представлены тракторами или вертолётom, даёт представление не только о технике, использовавшейся целинниками или нефтяниками, но и об отношении к технологии.

В отличие от неудачного целинного проекта и более успешного проекта по строительству Байкало-Амурской маги-

страдали, проект по освоению Севера Западной Сибири продолжается. В связи с этим память о нём более живая и подвергается изменению в соответствии с общероссийской политикой памяти. Также пространство региона продолжает обживаться, что также вносит коррективы в места памяти. Отметим и то, что первопроходцы и обживающие регион до сих пор не получили общего названия по аналогии с целинниками и бамовцами, что возможно говорит о несформировавшейся региональной идентичности.

Пространство Севера Западной Сибири представляется местом дискурса вокруг освоения (отвоевания) пространства у природы и добычи полезных ископаемых. Места памяти призваны закрепить одержанную первопроходцами победу над Севером.

Литература

1. Веселкова Н. В., Прямикова Е. В., Вандышев М. Н. Места памяти в молодых городах. Екатеринбург, 2016.

2. Мазур Л. Н. Забытая легенда: художественные фильмы об освоении целины 1950 – 1970-е гг. // Документ. Архив. История. Современность: Материалы VI Международной научно-практической конференции. Екатеринбург. – 2016. – С. 477–484.

3. Малинова О. Ю. Коммеморация исторических событий как инструмент символической политики: возможности сравнительного анализа // Полития. Анализ. Хроника. Прогноз. – 2017. – № 4 (87). – С. 8.

4. Нора П. Всемирное торжество памяти // Неприкосновенный запас. – 2005. – № 2–3 (40–41).

5. Нора П. Проблематика мест памяти / Франция – память / П. Нора, М. Озуф, М. Винок. – СПб., 1999. – С. 17.

ИНДУСТРИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ЮГРЫ В СЕР. 1960–1980-Х ГГ.

Д. В. Кирилук

*Сургутский государственный университет (Сургут),
denkirilyuk@yandex.ru*

Начавшийся в сер. 1960-х гг. на территории Ханты-Мансийского округа период промышленной добычи и транспортировки углеводородов внёс, безусловно, изменения практически во все сферы жизни региона. Произошедшие перемены заметно повлияли и на развитие системы школьного образования края. В первую очередь, это проявилось в изменении внешнего облика и наполняемости югорских школ. Если в донефтяной период отличительной особенностью школьной сети Ханты-Мансийского округа было преобладание в ней десятков небольших, так называемых малокомплектных, начальных школ, располагавшихся в сельской местности, то в период строительства Западно-Сибирского нефтегазового комплекса в регионе стали доминировать крупные, средние школы, построенные за несколько десятилетий в городах нефтяников и газовиков, а также в окружной столице. Так, к началу нефтегазового освоения в сер. 1960-х гг. в Югре продолжали работать 238 школ, в числе которых начальные учебные заведения составляли 122 учреждения (51,3 %). Количество же учебных заведений, дающих законченное среднее образование, составляло только 29 единиц (12,2 %). В них обучались 39 748 учащихся (Государственный архив Югры. Ф. 5. Оп. 1, Д. 454, Л. 1–2).

Однако в начале нефтяной эры в Ханты-Мансийском округе, как видно из приведённых выше цифр, школьная сеть региона по-прежнему была представлена преимущественно небольшими общеобразовательными учреждениями. Данный вывод становится особенно очевидным, учитывая тот факт, что средняя численность учащихся в одной школе составляла лишь 167 чел. (Государственный архив Югры. Ф. 5. Оп. 1, Д. 454, Л. 1–2), что было значительно ниже плановой наполняемости крупных городских общеобразовательных учреждений того времени.

В конце рассматриваемого периода, в 1991 г., накануне распада Советского Союза, школьная сеть Югры качественно изменилась. В регионе насчитывалось уже 343 школы (+44,1 %), из которых лишь 60 были начальными (-51,8 %) и 229 – средними (+789,6 %). В общеобразовательных учреждениях региона обучались 231 988 учащихся (+583,6 %). В связи с этим среднее количество обучающихся в одной югорской школе возросло до 676 чел. (+404,8 %) (Государственный архив Югры. Ф. 5. Оп. 1, Д. 910, Л. 5). Это стало возможным благодаря тому, что к концу существования советского государства в округе стали возводиться школьные объекты, рассчитанные на более чем 1 тыс. учащихся (Архивный отдел Администрации г. Сургута – Сургутский городской архив. Ф. 3. Оп. 1, Д. 469, Л. 283; Д. 548, Л. 396).

Вторым главным последствием нового промышленного статуса Югры стал значительный рост уровня квалификации местных учителей. Так, если в начале рассматриваемого периода в Ханты-Мансийском округе работали 2589 учителей, среди которых лишь 31,4 % имели высшее образование (Государственный архив Югры. Ф. 5. Оп. 1, Д. 465, Л. 1), то в 1991 г. армия педагогических работников возросла до 12421 чел. (+479,8 %), более чем в 2 раза возросло количество учителей с законченным высшим образованием (70,4 %) (Государственный архив Югры. Ф. 5. Оп. 1, Д. 911, Л. 1). Достигнутые успехи сделали возможным проведение урочной и внеурочной работы с учащимися на гораздо более высоком профессиональном уровне.

Вместе с тем, стремительное увеличение численности населения в Ханты-Мансийском округе в сер. 1960–1980-е гг., привело не только к успехам в совершенствовании школьной сети региона и уровня квалификации педагогов, но также породило и многочисленные трудности, с которыми сталкивались школы Югры в своей повседневной работе. Главная из них была связана с несоответствием темпов увеличения количества учащихся и наличием школьных мест в крае. Строительство новых школьных зданий регулярно запаздывало из-за недостатка строительных материалов, отсутствия кадров профессиональных строителей и несвоевременности изготовления проектно-сметной документации. Вследствие этого, ежегодно в округе срывались попытки

школьного руководства перевести все учебные заведения на односменный режим работы. Так, в 1969–1970 уч. г. во вторую смену в округе обучалось 20 тыс. учащихся (Государственный архив Югры. Ф. 5. Оп. 1, Д. 512, Л. 65) из 58865 чел., т. е. 34 %.

При этом, несмотря на новое школьное строительство, количество детей, занимавшихся во вторую смену, лишь продолжало возрастать. Как указывают статистические данные, пик роста численности школьников в Ханты-Мансийском округе произошёл в конце рассматриваемого периода. С 1980 по 1991 гг. количество учащихся выросло с 95688 до 231988 чел. (Государственный архив Югры. Ф. 5. Оп. 1, Д. 666, Л. 1; Д. 910, Л. 5), т. е. в 2,4 раза. В результате, в конце 1980-х гг. Югра столкнулась с невиданной ранее нехваткой школьных помещений. К примеру, в 1988 г. Ханты-Мансийский окружной комитет КПСС отметил, что из-за срыва планов по вводу в эксплуатацию новых школ уже 38 % школ занимались в две смены, более 6,5 тыс. учащихся – в третью (Государственный архив социально-политической истории Тюменской области. Ф. 107. Оп. 1, Д. 2766, Л. 16). По данным ОКРОНО, в 1988 г. в школах края обучалось 190,5 тыс. учащихся (Государственный архив Югры. Ф. 5. Оп. 1, Д. 851, Л. 1), т. е. 75 тыс. детей и подростков занимались в крае во вторую смену и еще 6,5 тыс. – в третью. Общее же число школьников, не обучавшихся в учебных заведениях в первой половине дня, увеличилось по сравнению с 1969–1970 уч. г. в 4 раза. Важно и то, что возросло не только абсолютное, но и относительное количество «второсменников» и «третьесменников» (с 34 % до 38 %).

Бывшие учащиеся 2-х классов средней школы № 20 г. Сургута (А. В. Унжакова, Г. Р. Варина, Н. Н. Фоменко) в своих воспоминаниях утверждали, что в 1987–1988 уч. г. им пришлось целую четверть учиться в третью смену. Занятия при этом начинались в 15:40 и продолжались до 19 часов. Несложно предположить, что в подобных условиях учителя, отработав накануне в двух предыдущих сменах, вряд ли могли «выдавать» такие же качественные уроки для учащихся третьей смены. Некоторые из педагогов, не стесняясь говорили детям о своей усталости на уроках (Полевой материал: интервью с А. В. Унжаковой..., 2020).

Кроме того, поскольку речь шла о поздней осени и ранней зиме, бывшие ученики этой школы вспоминали, что в школу

приходили, когда на улице уже начинало темнеть и возвращались в потёмках. Многие родители, переживая за судьбу своих детей, сами приходили забирать их после учебы. Остальные же, невзирая на погоду, были вынуждены добираться до дома самостоятельно (Полевой материал: интервью с А. В. Унжаковой..., 2020). В некоторых случаях это было действительно опасно для жизни и здоровья детей. Так, по воспоминаниям одной из бывших учениц 2-го класса сургутской средней школы № 20 М. Е. Бочковой, однажды после окончания уроков в третью смену, они с одноклассницей (Л. В. Гайнуллиной) возвращались домой и увидели недалеко от школы, как взрослый мужчина силком тащил девушку в строящееся здание, явно намереваясь предпринять действия насильственного характера. Школьницы бросились к нему, кричали, требуя отпустить девушку. В итоге жертве удалось добраться до дома (Полевой материал: интервью с М. Е. Бочковой..., 2020).

Поэтому второй большой проблемой в жизни югорских школ в сер. 1960–1980-х гг. был рост преступности как в обществе в целом, так и среди местных учащихся. Следует при этом сразу же оговориться, что вопросы детской безнадзорности и преступности были актуальными для местных школ и в предшествующий период времени, что было связано с безотцовщиной и общей грубостью нравов первых послевоенных лет. Вместе с тем, в рассматриваемый период времени данные проблемы не только не были преодолены, но и получили своё дальнейшее развитие. Например, только за один 1969 г. в Тюменской области около 2 тыс. учащихся совершили правонарушения, из них 211 человек были привлечены к уголовной ответственности. Детская преступность росла в Советском, Сургутском и других районах Ханты-Мансийского округа (Государственный архив социально-политической истории Тюменской области. Ф. 113. Оп. 20, Д. 19, Л. 16; Государственный архив социально-политической истории Тюменской области. Ф. 124. Оп. 195, Д. 124, Л. 62).

В 1970–1980-е гг. преступность нарастала, что не могло не отразиться на работе общеобразовательных школ региона. Из-за нехватки школ и школьных площадей во второй пол. 1980-х гг. многие классы в крупных городах Югры были переполнены, что

снижало возможности учителей вовремя заметить опасные признаки в поведении своих учеников. Не случайно, бывшая учительница Урайской вечерней школы А. Р. Утяганова в воспоминаниях, относящихся к 1980-м гг., сообщала, что в это время контингент учащихся стал меняться. Все больше стало появляться учеников с трудной биографией (Из воспоминаний..., 2004, с. 284). В конце рассматриваемого периода, как указывают воспоминания местных школьников, нормой стало употребление учащимися алкогольных напитков, неконтролируемое никем времяпровождение на заброшенных стройках, в беседках детских садов, в подвалах и на чердаках жилых домов (Полевой материал: интервью с М. Е. Бочковой..., 2020). Это создавало благоприятную питательную среду для развития детской и подростковой преступности.

Главная причина сложившегося положения дел лежала, конечно же, в глубоком кризисе коммунистической идеологии и морали, падении её популярности в обществе, резко усилившимся в конце 1970-х – первой половине 1980-х гг. Одним из внешних проявлений этого стали многочисленные антисоветские анекдоты. В конце концов, как указывают материалы прессы Тюменской области, накануне распада Советского Союза, население Тюменского Севера в подавляющей массе не доверяло власти (70 %) и только 20 % граждан доверяли ей частично («Что нас ждет завтра?», 1991, с. 1). Не случайно, в 1991 г. в городах Ханты-Мансийского автономного округа в подростковой и молодёжной среде стали возникать и первые фашистские кружки. Взрослое население мало противодействовало данным тенденциям, виня во всём коммунистов (Здесь начинается свастика..., 1991, с. 3).

Второй большой комплекс проблем, вызвавший рост безнадзорности и преступности в школах края, был связан с общей неустроенностью жизни и быта людей, прибывавших в регион после начала строительства Западно-Сибирского нефтегазового комплекса. В результате, пьянство и связанное с ним мелкое хулиганство были нормой повседневной жизни жителей края. Например, бывший ученик 5 класса средней школы № 11 в пос. Юность г. Сургута И. Л. Кирилюк вспоминал, как 1 сентября 1976 г. к нему и ещё одному новенькому ученику, семьи кото-

рых только что переехали на постоянное место жительства в Сургут, подошли их одноклассники и попросили дать по рублю на покупку водки. В итоге к 11-ти часам утра половина класса была «в стельку». Эти подростки часто слонялись по улицам без дела, и часть из них впоследствии оказалась в местах лишения свободы (Полевой материал..., 2016).

Таким образом, стремительное промышленное развитие региона, урбанизационные процессы в Югре породили новые негативные явления в системе школьного образования округа. Они были связаны с переполненностью классов, нехваткой новых школьных помещений, социально-бытовой неустроенностью югорчан, что снижало их внимание к поведению своих детей, а также общей потерей морально-нравственных ориентиров в советском обществе накануне распада Советского Союза.

Литература

1. Архивный отдел Администрации г. Сургута. – Сургутский городской архив. Ф. 3. – Оп. 1
2. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области. Ф. 107. – Оп. 1
3. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области. Ф. 113. – Оп. 20
4. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области. Ф. 124. – Оп. 195
5. Государственный архив Югры. Ф. 5. – Оп. 1
6. Здесь начинается свастика. Начинается с вас, с него, с тебя... // Сургутская трибуна. – 1991, 16 января. – С. 3
7. Из воспоминаний Утягановой Асии Рахмановой // История школы в истории судеб: Сборник документов / Сост. Е. М. Брагина, Л. В. Набокова. – Екатеринбург: «ИД СОКРАТ», 2004. – С. 284.
8. Полевой материал Д. В. Кирилюка: интервью с А. В. Унжаковой, Г. Р. Вариной, Н. Н. Фоменко. Записано 18.09.2020 г.
9. Полевой материал Д. В. Кирилюка: интервью с М. Е. Бочковой, Л. В. Гайнуллиной. Записано 18.09.2020 г.
10. Полевой материал Д. В. Кирилюка: интервью с И. Л. Кирилюком. Записано 25.03.2016 г.
11. «Что нас ждет завтра?» // Красный Север. – 1991. – № 2. – С. 1.

«А ЕСТЬ ЛИ НЕФТЬ?»: ГЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИЗЫСКАНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ СУРГУТСКОГО РАЙОНА В 1930-Е ГГ.

Э. Р. Юськаев

*Сургутский краеведческий музей (Сургут),
emiluskaev@gmail.com*

Западносибирский нефтегазовый комплекс много десятилетний подряд является главным топливно-энергетическим центром нашей страны. Огромная роль в этом принадлежит Ханты-Мансийскому автономному округу, который является безоговорочным лидером по добыче нефти в России.

Задача создания нефтяной базы в пределах Западносибирской низменности являлась важной народнохозяйственной проблемой конца 1920 – нач. 1930-х гг.

Основными нефтедобывающими регионами были Азербайджанский и Грозненский районы. Зарождающаяся индустриализация, формирование новых промышленных регионов требовали дополнительных финансовых вложений и энергоресурсов.

С осени 1928 г., благодаря инициативе Директората нефтяной промышленности, в стране был поставлен вопрос о поисках новых нефтеносных областей. Для того чтобы вести поиски новых нефтеносных районов на колоссальной площади СССР, руководствовались определёнными общими представлениями об условиях нахождения нефти в земной коре, связанных с условиями её образования. Это был, без сомнения, единственный правильный научный метод решения поставленной задачи (Архангельский, 1929).

В течение длительного времени учёным, который первым сделал предположение о потенциальной нефтеносности сибирского Приуралья, признавался основоположник советской нефтяной геологии Иван Михайлович Губкин (1871–1939 гг.). Ни одно серьёзное исследование по данной проблематике не обходилось без ссылок на его публичные и печатные выступления, датированные началом 1930-х гг. Основные гипотезы учёного были высказаны на чрезвычайной выездной сессии Академии наук, проходившей 4–9 июня 1932 г. в Свердловске и 11–16 июня в Новосибирске. Она была посвящена крупнейшей народно-хозяйственной проблеме –

созданию Урало-Кузнецкого комбината. На сессии были заслушаны доклады академика. И. М. Губкин выступил с докладом о минерально-сырьевой базе Урала. Учёный предложил «поставить вопрос о поисках нефти на восточном склоне Урала», крайне необходимой для снабжения жидким топливом, бензином и смазочными маслами Урало-Кузнецкого комбината (Нефть и газ Тюмени в документах: в 3-х т., 1971. Т. 1. 1901–1965, с. 19). Позднее, в Новосибирске, И. М. Губкин дал подробное интервью корреспонденту газеты «Правда», вышедшее под заголовком «О новых данных о богатейших запасах нефти на Востоке», в котором о перспективах нефтеносности Сибири высказался уже более определённо. «Пора начать, – заявил он в беседе с журналистом, – систематические поиски нефти на восточном склоне Урала» (Нефть и газ Тюмени в документах: в 3-х т., 1971. Т. 1. 1901–1965, с. 19–20).

Однако, ни в 1933-м, ни в 1934-м гг. работы, о которых говорил И. М. Губкин не были запланированы. Причиной этого, скорее всего, явилась нехватка государственных средств. Организация работ на восточном склоне Урала потребовала бы колоссальных затрат, при этом стопроцентной уверенности в успехе не было даже у академика.

Активизации поисково-разведочных работ в пределах Западно-Сибирской низменности в 1930-е гг. способствовало новое районирование территории. В декабре 1930 г. в соответствии с постановлением президиума ВЦИК «Об организации национальных объединений в районах расселения малых народностей Севера» были образованы Ямальский (Ненецкий) и Остяко-Вогульский национальные округа. В 1934 г. округа были переданы в состав Обско-Иртышской области с центром в Тюмени.

Значительные усилия по привлечению на территорию области геологоразведочных экспедиций предпринимали руководители Остяко-Вогульского национального округа, в частности первый председатель окрисполкома Я. М. Рознин и сменивший его на этом посту в 1934 г. М. Т. Черемискин. Именно председателю окрисполкома М. Т. Черемискину удалось добиться от руководства треста «Востокнефть» (Уфа) направления в округ в 1934 г. первой экспедиции с целью проверки полученных им заявок о наличии признаков нефти в районе («Западная Сибирь: история поиска» 1900–1940 годы, 2005, с. 105). Из этих заявок наибольший интерес

представляли заявки, собранные и присланные в трест выходившей в Тюмени газеты «Советский Север» о выходе нефти на реке Большой Юган в Сургутском районе, у деревни Цингалы и на реке Белой в Тавдинском районе (Васильев, с. 68–69).

В начале августа 1934 г. в Остяко-Вогульский окрисполком поступило письмо из Управления геологической службы треста «Востокнефть», в котором сообщалось, что «для проверки сведений о нефтепроявлениях в Самаровском районе направляется партия под руководством геолога Васильева. Свяжитесь с этой партией и направляйте ей все имеющиеся у вас сведения о признаках нефти в вашем районе» (Сургутский Государственный архив (СГА). Ф. 1, О. 4, Д. 445, Л. 46).

Исследования начались с села Цингалы. Затем на лодке планировалось спуститься в Самарово, проведя геологическую съёмку Иртыша. Начальник экспедиции сообщал в Остяко-Вогульский окрисполком: «Таким образом, мы к вам прибудем примерно числа 23-24 августа. У нас к вам большая просьба: к этому времени выясните возможность переброски на Юган с расчётом остановки у берегов реки Оби. Кроме того, у нас имеются сведения о выходах нефти в устье реки Ендырь, куда будет также необходимо перебрасываться» («Западная Сибирь: история поиска» 1900–1940 годы, 2005, с. 27).

О первых результатах поисковых работ 1934 г. В. Г. Васильев доложил на заседании Президиума Остяко-Вогульского национального окрисполкома от 23 августа 1934 г., где сообщил о не нахождении признаков нефти при производстве разведывательных работ в Цингалинском районе (СГА. Ф. 1, О. 4, Д. 431, Л. 39). Затем итоги работ полевого сезона В. Г. Васильев представил в статье «К вопросу о нефтеносности Обско-Иртышской области», опубликованной 15 ноября 1934 г.: «...На реке Большой Юган в 50 километрах от её устья происходит всплывание со дна реки маслянистой жидкости, которая на поверхности образует прекрасно ирризирующую плёнку, типичную для нефти. При раскапывании дна реки в данном месте выделение жидкости резко усилилось в форме массового появления пятен подобной же плёнки различной величины и формы... Мы должны считать данный выход нефти выходом естественным, ибо никакой случайностью объяснить наблюдаемое явление не представляется

возможным...» (Нефть и газ Тюмени в документах: в 3-х т., 1971. Т. 1. 1901–1965, с. 27).

Чтобы утвердиться в необходимости развёртывания здесь геологоразведочных работ, Васильеву требовалась дополнительная информация. Он изучил и проанализировал «геологические факторы, которые являются необходимыми для промышленного скопления нефти». Отправленная на север трестом «Востокнефть» партия проследила «геологический разрез правого берега реки Оби от Малого Атлыма до Сургута», далее в сторону реки Большой Юган. На Югане были отмечены «молодые современные отложения, которые совершенно скрывают... геологическое строение района..., этот вывод чрезвычайно важен для положительной оценки юганского выхода нефти» («Западная Сибирь: история поиска» 1900–1940 годы, 2005, с. 27).

2 октября 1934 г. в Остяко-Вогульске состоялось внеочередное заседание бюро Остяко-Вогульского окружкома партии, которое рассмотрело «сообщение т. Васильева (инженера-геолога) об изыскании нефти в округе». В постановлении бюро было записано: «...Принять к сведению сообщение т. Васильева, что нефть на реке Юган есть ... Просить т. Васильева максимально сократить сроки окончательной обработки всех материалов об юганской нефти и одновременно с докладом по этим материалам в «Востокнефти» сообщить свои выводы и заключение окружным организациям. Также просим т. Васильева держать окружные организации в курсе дела продвижения вопроса о нефти в центральных организациях» (Молодежь в летописи открытий..., 2003, с. 9).

С докладом об организации экспедиции и выходах нефти В. Г. Васильев выступил на совещании в Москве в декабре 1934 г. По результатам этого совещания тресту «Востокнефть» на организацию двух зимних экспедиций было выделено около 150 тыс. рублей. В январе 1935 г. директор геологоразведочной конторы треста «Востокнефть» Михалев подписал приказ об организации Обь-Иртышской нефтяной экспедиции. В феврале 1935 г. в Верхне-Тавдинский и Сургутский районы был отправлен отряд в составе восьмидесяти четырех человек. Тавдинский отряд возглавил начальник экспедиции В. Г. Васильев. Второй отряд – Юганский, возглавил Родион Фомич Гуголь.

Также в состав Юганского отряда входили: техник-геолог – С. П. Шустер, буровые мастера – А. А. Кучин и Н. С. Юдин (Комгорт, 2011, с. 138). Позже к Юганскому отряду присоединился горный инженер В. С. Домбровский. Партия, прибыв в Сургут, была доукомплектована. По поручению Сургутского райисполкома директор леспромхоза Сарманов выделил в распоряжение разведывательной партии 15 человек. Директор рыбзавода Копыльцов выделил 25 человек из числа трудпереселенцев (СГА. Ф. 1, О. 4, Д. 484, Л. 36).

Условия организации и производства работ Юганского отряда Обь-Иртышской экспедиции зимнего и летнего этапа были не самыми простыми. Базой Юганского отряда было выбрано с. Юган. Оборудование, предназначенное для Юганского отряда (снаряжение, буриinstrument, лабораторные средства и др.), комплектовалось в Уфе, его вес составлял около 5 тонн. Груз из Уфы был отправлен железной дорогой до ст. Тюмень. От Тюмени до Тобольска оборудование было переброшено автотранспортом. Из Тобольска в с. Юган двигались по зимней ледяной дороге. 1200 км. преодолел караван из 12 колхозных подвод с грузом около 4,5 тонн («К победе коммунизма», 1982, с. 3).

Лабораторное оборудование, химреагенты решили переправить воздушным путём до села Самарово, по существовавшей тогда авиалинии Тюмень-Салехард. Вначале всё необходимое погрузили на самолёт, который участвовал при спасении челюскинцев. Но после непродолжительного полёта аэроплан совершил вынужденную посадку в Тобольске. Выявилась неисправность маслопроводов, в итоге часть груза переложили на самолет ПО-2.

В первой половине марта всё оборудование было доставлено в с. Юган. К приезду Обь-Иртышской партии, были подготовлены жилые и складские помещения, оборудована химическая лаборатория, кузница и механические мастерские, столовая, составлена детальная карта в масштабе 1:10000 участка реки Юган с планом размещения скважин, был составлен план буровых работ, и начато бурение шупом (СКМ. Тетрадь Ездакова № 26, с. 173. КП 8357/26).

Работы экспедиции проводились в два этапа. Главная цель работ на первом этапе определялось необходимостью выяснения

природы выявленных раннее выходов нефти. Эти работы проводились на берегу реки Большой Юган, у с. Юган Сургутского района и на реке Белой, в притоке р. Карабашки, в 20 км от с. Хмелевки Верхнетавдинского района (Сургутский краеведческий музей (СКМ). Тетрадь Ездакова Н. № 26, КП8357/26, с. 171).

Эти задачи решались мелким ручным бурением со льда, в руслах указанных рек, бурением пятиметровых скважин шупом вдоль заболоченных берегов. Такие работы в условиях заболоченности Западной Сибири были возможны только в зимних условиях. Этот момент и определил необходимость организации зимней экспедиции.

Летом 1935 г. для расширения знаний по нефтяной геологии исследуемых районов была проведена маршрутная геологическая съёмка Западно-Сибирской низменности в Сургутском, Верхне-Тавдинском и других районах Тюменской и Томской областей (Сургутский краеведческий музей (СКМ). Тетрадь Ездакова Н. № 26, КП8357/26, с. 172).

На участке, где летом 1934 г. наблюдались жировые плёнки, вдоль берега реки Большой Юган и вокруг него на площади около 5000–6000 кв. м. были пробурены скважины станком ручного бурения глубиной 34,43 м в количестве 6 или 7 скважин. Вдоль берега было пробурено более двадцати скважин глубиной 5 м. Кроме того, станком ручного бурения на окраине с. Юган (на высокой террасе) была пробурена самая глубокая в ту пору скважина 84 метра, которая вскрыла весь разрез четвертичных отложений подняв керн коренных пород, которые тогда рассматривались по возрасту, принадлежащих к палеолиту (по ним прошли 3–4 м) (Сургутский краеведческий музей (СКМ). Тетрадь Ездакова Н. № 26, КП8357/26, с. 174).

Бурение производилось с частным отбором проб, большинство образцов подвергалось исследованию на содержание битума в специальной лаборатории на базе отряда. В этой лаборатории проведено свыше 200 анализов различных пород, отобранных в скважинах и из береговых обрывов, а также торфа элла и других образцов. Образцы пород были отправлены в Уфу, где были всесторонне исследованы (химические палеоботанические, петрографические и другие анализы).

Весной, после окончания работ у села Юган станки были переброшены выше по реке большой Юган на выход юрских пород. Здесь пробурили более 5 скважин на глубину до 34 м. (Сургутский краеведческий музей (СКМ). Тетрадь Ездакова Н. № 26, КП8357/26, с. 175)

В мае-июне работы у села Юган были полностью закончены. Начался второй этап работ.

Для продолжения работ создали более мобильный отряд из 6 человек, из них два – инженеры технических работ и четыре рабочих. Отряду предстояло провести маршрутную геологическую съёмку бассейна среднего течения реки Обь. Экспедиция передвигалась на малом катере и лёгких вёсельных лодках. В результате работ были составлены глазомерные карты маршрутов, по реке Большой и Малый Юган, а также карты участков реки Оби от устья Большого Югана до пунктов Нижневартовское – Александровское, р. Коли-Егану. На р. Большой Юган маршрут был закончен (Сургутский краеведческий музей (СКМ). Тетрадь Ездакова Н. № 26, КП8357/26, с. 176).

Работе Обь-Иртышской экспедиции придавалось исключительно важное значение. Ощутимую помощь в организации и проведении работ Юганскому отряду оказали тов. Пичугин (председатель Тюменского горисполкома), тов. В. С. Васильев (председатель Остяко-Вогульского окрисполкома) и Широков (секретарь окружкома ВКПб). Не осталось без участия партийное и советское руководство Сургутского района, по его рекомендации помощь экспедиции была оказана со стороны председателя тузсовета и председателя правления колхоза с. Юган (Сургутский краеведческий музей (СКМ). Тетрадь Ездакова Н. № 26, КП8357/26, с. 178).

Результаты работ Обь-Иртышской экспедиции позволили сделать вывод о реальных перспективах нефтегазоносности всего региона Западной Сибири. Результаты работ геологических партий 1930-х гг. стали надёжным фундаментом для будущих геологических изысканий.

Литература

1. Архангельский А. Д. Где и как искать новые нефтеносные области в СССР // журнал Нефтяное хозяйство. Июнь 1929 г. С. 791.
2. Нефть и газ Тюмени в документах: в 3-х т. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1971. – Т. 1. 1901–1965. – С. 19.
3. Там же. С. 19–20.
4. «Западная Сибирь: история поиска» 1900–1940 годы. Екатеринбург: «Издательство «Баско», 2005. – С. 105.
5. Васильев В. Г. Проблема нефтеносности Западносибирской низменности // Журнал Нефтяное хозяйство. – С. 68–69.
6. Сургутский Государственный архив (СГА). Ф. 1, О. 4, Д. 445, Л. 46
7. «Западная Сибирь: история поиска» 1900–1940 годы. Екатеринбург: «Издательство «Баско», 2005. – С. 27
8. СГА. Ф. 1, О. 4, Д. 431, Л. 39
9. Нефть и газ Тюмени в документах: в 3-х т. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1971. – Т. 1. – 1901–1965. – С. 27.
10. «Западная Сибирь: история поиска» 1900–1940 годы. Екатеринбург: «Издательство «Баско», 2005. С. 27.
11. Молодежь в летописи открытий 1950–1970. Ханты-Мансийск, 2003. – С. 9.
12. Комгорт М. В. Нефтепоисковые работы на территории Остяко-Вогульского (Ханты-Мансийского) округа с начала XX века до открытия нефтегазовой провинции // Проблемы модернизации советского севера сибирского. Сборник научных трудов. – Тюмень, 2011. – С. 138.
13. СГА. Ф. 1, О. 4, Д. 484, Л. 36
14. «К победе коммунизма» 1982 г. 11 декабря. – С. 3.
15. СКМ. Тетрадь Ездакова № 26, С. 173. КП 8357/26.
16. Сургутский краеведческий музей (СКМ). Тетрадь Ездакова Н. № 26, КП8357/26, С. 171.
17. Там же. С. 172
18. Там же. С. 174
19. Там же. С. 175
20. Там же. С. 176
21. Там же. С. 178

ИНДУСТРИАЛЬНЫЙ СТАНДАРТ В ОСВОЕНИИ СИБИРИ В XX ВЕКЕ И ВЛИЯНИЕ ТРАНСФОРМАЦИЙ НА СУДЬБЫ КОРЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА

ИНДУСТРИАЛЬНЫЙ СТАНДАРТ ОСВОЕНИЯ СИБИРСКОГО СЕВЕРА (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XX В.)¹

Е. И. Гололобов

*Сургутский государственный педагогический университет
(Сургут), EGololobov@surgpu.ru*

Стержнем процесса освоения Сибирского Севера во второй половине XX в. стала последовательная концептуализация идеи индустриализации северных территорий и её воплощение в жизнь. Всё, что соответствовало индустриальному стандарту освоения, что работало на него, было со знаком «плюс», что этому стандарту не соответствовало, препятствовало его укоренению в тайге и тундре, оценивалось со знаком «минус». Индустриальный стандарт освоения территории подразумевает рациональный контроль не только над социальным, но и над природным окружением человека, осуществление научной революции, расширение прикладных научных исследований, распространение рационального взгляда на жизнь. Он стал воплощением победившей в СССР парадигмы «покорения природы», региональным вариантом которой стало «покорение Севера».

Максимально эта идея была реализована на Севере Западной Сибири во второй половине XX в. в обществе складывалось устойчивое ощущение стремительного рывка, совершённого регионом в очень сжатые по времени сроки: «Два десятка лет назад (сер. 1960-х гг.) – мгновение по понятиям нашего стремительного века, – Западная Сибирь была белым пятном на народнохозяй-

¹ Результаты были получены в рамках выполнения гранта Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 19-59-22008 «Развитие Западной Сибири в XIX – начале XXI вв.: социально-экологические аспекты».

ственной карте страны. Огромный безлюдный край удручал даже лётчиков. «Бывало, летишь, летишь, – говорил один из ветеранов тюменской авиации, – и ни огонька, ни дымка, ни признака человеческой жизни. Только тайга да болота, почти лунные ландшафты. И чувство такое, будто один в целом свете остался. А сейчас вокруг – разливы огней». Да, нефть принесла в глухомань свет, тепло, энергию, новую жизнь» (Трудная дорога к нефти, 1985). Темпы развития нового нефтегазового района были действительно уникальными. Если в 1965 г. на Севере Западной Сибири за год добывали один млн. тонн нефти, то с сентября 1983 г. миллион тонн добывался ежедневно (Трудная дорога к нефти, 1985).

В научной, научно-популярной и художественной литературе создавался образ освоения Севера как будничного и героического в своей обыденности дела сотен и сотен тысяч советских людей (Яновский, 1969). Формировался образ советского человека, который «всё дерзновеннее, всё масштабнее проникает в толщу вечной мерзлоты, покрывающей более половины территории России, в вековые дебри тайги, неоглядную синь воздушного океана и просторы Северного Ледовитого. И проникает не только как первопроходец, но и как созидатель, возводя города, сооружая дороги, рудники, электростанции. И мерой времени, и мерой пространства, и мерой ресурсов, и темпом их освоения, и, наконец, мерой труда и подвига человека Север СССР не имеет себе равных на земле» (Яновский, 1969).

Масштабное антропогенное воздействие на природу в полной мере ощутили на себе коренные малочисленные народы Севера, тесно связанные с освоением биологических природных ресурсов. В результате активного развития нефтегазодобывающей промышленности, как уже отмечалось выше, загрязнялись почвы, водоёмы, леса, что автоматически приводило к сокращению территорий традиционного природопользования, ухудшению условий для занятий рыболовством, охотой и оленеводством. Бывшие рыбаки, охотники и оленеводы, занимавшиеся данными промыслами всю свою жизнь, были вынуждены искать себе другой источник заработка.

Промысловое хозяйство народов Севера, традиционные отрасли экономики, основанные на использовании биоресурсов, характеризовалось с точки зрения Советской власти крайней

отсталостью. Совершенствовать их предполагалось на основе рационального, экономически целесообразного использования биологических ресурсов Севера. Хозяйственная задача заключалась в создании базы производства продуктов, удовлетворяющих местные нужды, вывоз некоторых из них в другие районы страны и за границу (пушнина, рыба и др.). Политическая задача – более эффективное участие коренного населения в сфере производства материальных ценностей и повышение уровня его жизни, который должен был быть доведён до уровня жизни других народов страны.

В освоении биоресурсов «индустриальный стандарт» выразился в «социалистической реконструкции» хозяйства коренных народов Севера и интенсификации традиционных отраслей экономики. Изменения осуществлялись по следующим направлениям: проведение промысла в оптимальные и сжатые сроки; осуществление комплекса биотехнических мероприятий, обеспечивающих улучшение среды обитания объектов промысла; переход от экстенсивного промысла к зоо- и аквакультуре; максимальное сокращение использования ручного труда за счёт автоматизации и механизации производственных процессов.

Активное индустриальное освоение территории не только изменило традиционную систему природопользования, но и ухудшило экологическую ситуацию в регионе. По сути, появляется новая граница между природой и окружающей средой. В отличие от природы, не нуждающейся в людях, окружающая среда существует только там и тогда, где и когда существуют люди. Эта граница между природой и окружающей средой концептуальна и исторически обусловлена. Сама окружающая среда как продукт деятельности человека, его труда, становится исторической категорией (Sverker Sorlin, Paul Warde. 2009). Наступление человека на природу в Сибири – это процесс расширения пространства окружающей среды и сокращения пространства природы.

В современной России важность решения экологических проблем, развития традиционных систем природопользования, сохранения биологического разнообразия северных территорий признана на государственном уровне и закреплена в официальных документах. Тем не менее, практика «покорения природы

Севера» продолжает существовать, усугубляя и без того сложную экологическую обстановку в регионе. Вышеизложенные аспекты диктуют необходимость комплексного осмысления исторического опыта природопользования на Севере Сибири в XX–XXI вв., в центре которого будет человек.

Литература

1. Трудная дорога к нефти: Тюменские ученые и инженеры рассказывают. – Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1985. – С. 9, 11.
2. Яновский В. В. Человек и Север. Магадан, Кн. изд., 1969. – С. 12, 13.
3. Sverker Sorlin, Paul Warde. Nature's End. History and the Environment. London: Palgrave Macmillan. 2009.

ЗАКОНЫ ВЗАИМНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ: ОБЫЧНОЕ ПРАВО И СОЦИАЛЬНЫЕ СТАНДАРТЫ ПРОМЫШЛЕННЫХ КОМПАНИЙ¹

Н. И. Новикова

*Институт этнологии и антропологии РАН (Москва),
natinovikova@gmail.com*

Современное правовое положение коренных малочисленных народов Севера России в значительной степени зависит от определения статуса этих народов государством. Сложность защиты их прав связана с тем, что существовавшие до начала XX века культурные и социально-экономические критерии в значительной степени нивелированы и в политическом дискурсе довольно трудно обосновать необходимость их специальных прав. С другой стороны, некоторые аборигены сохраняют такие черты природопользования и социальных отношений, которые требуют особого регулирования. Цель данного исследования – соединение традиционных знаний коренных народов и научного анализа, включение голоса аборигенов, а также норм корпоративной социальной ответственности современных промышленных компаний в академический и публичный (законотворческий) дискурсы. Анализ строится на полевых этнографических материалах, собранных в различных регионах Российского севера (ХМАО, ЯНАО) и зарубежной Арктики (Норвегия). Методологическая рамка исследования определяется международными нормами, теориями правового плюрализма, как сосуществования различных правовых режимов в одном социальном поле, а также заинтересованных сторон (стейкхолдеров).

Обычное право в данной статье определяется как правила ведения традиционного природопользования и основанного на нём образа жизни, разрешения конфликтов. Правовой потенциал этих норм сегодня может быть использован в широком поле государственного законодательства, правоприменения, установлении социального диалога с промышленными компаниями,

¹ Исследование выполнено в рамках проекта РНФ 20-68-46043 «Антропология экстрактивизма: исследование и проектирование социальных изменений в регионах ресурсного типа».

определении рамок антропологического исследования. Обычное право относится к ядру аборигенных культур, существует и передается от поколения к поколению в виде устных традиций. Оно представляет собой синкретичное явление, сочетающее правовые, религиозные, этические нормы. Наличие общественной санкции за нарушение, боязнь разрушить социальные связи, лишиться поддержки сообщества определяет обязательность выполнения обычного права. Действительная его сила связана также с апелляцией к «закону предков», воле богов. Юридическая антропология рассматривает возможность существования права без государственной санкции. Анализ при этом строится на широких и длительных полевых исследованиях у различных народов. При этом возможен как подход к обычному праву в постколониальной парадигме, в рамках национальных государств или в глобальной перспективе, так и через взгляд на эти нормы в контексте развития, самоуправления, контроля над территорией, практического применения для признания и защиты прав коренных народов (Development and Customary Law, 2010; Benda-Bekmann, 2018). Для изучения правового плюрализма в аборигенном контексте особенно важен тезис о том, что при таком подходе люди могут выбирать субправовую систему. Важнейшим новшеством в изучении обычного права в России стало его рассмотрение как возможного механизма во взаимодействии с промышленными компаниями (Новикова, 2014; Новикова, 2015; Turi, 2016).

В регионах Севера предлагаются разные формы взаимодействия между промышленными компаниями и коренными народами, в первую очередь правовые. Практика показывает, что остаётся много нерешённых проблем, которые приводят к открытому противостоянию. Для смягчения последствий промышленного освоения и/или предотвращения конфликтов могут быть использованы стандарты, политики и регламенты промышленных компаний, сложившиеся в международном бизнес-сообществе и отдельных компаниях, то есть своеобразные нормы обычного права бизнеса, с одной стороны, и нормы обычного права и другие механизмы установления диалога, выработанные аборигенами, с другой. На основании изучения этих норм могут быть выработаны общие стандарты социальной политики

промышленных компаний в регионах проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера.

Международное регулирование правового положения коренных народов включает использование норм их обычного права. Кроме самых общих документов, таких как Конвенция 169 Международной организации труда «О коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни, в независимых странах» (1989), Декларация ООН о правах коренных народов (2007), необходимость учёта обычного права обосновывается активистами и лидерами коренных народов в различных странах. Обычай и традиции вошли и в правовую систему Российской Федерации, что создало новые возможности для защиты прав коренных народов. В основных федеральных законах, определяющих их правовое положение: «О гарантиях прав коренных малочисленных народов РФ» (1999 г.), «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ» (2000 г.), «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ» (2001 г.) допускается учёт обычаев и традиций коренных народов в судебной защите, регулировании вопросов природопользования и внутреннего развития общин. Федеральный закон «О территориях традиционного природопользования...» дал определение обычаев как традиционно сложившихся и широко применяемых правил ведения традиционного природопользования и традиционного образа жизни.

Исследования правового бытия этих народов показывают, что действующие у них нормы опираются на иные, чем предлагает законодательство, правовые установления (например, в вопросах землепользования). При традиционном природопользовании более важными, чем собственность на землю в гражданско-правовом понимании, являются права доступа и контроля, необходимость следить за «своей землёй», проницаемость границ, а также более высокие, чем у остального населения, требования к охране окружающей среды.

Для обычно-правового регулирования характерны высокая роль уважения, доверия и общественный контроль за действия-

ми человека. В прошлом такие нормы определяли отношения внутри территориально и этнически ограниченной группы, сейчас они могут выступать регулятором отношений с внешним миром как устанавливающие публичный (государственный) статус аборигенов. На знаниях традиций и обычаев коренных народов может выстраиваться и позиция при ведении переговоров с промышленными компаниями, при проведении этнологической экспертизы. Конечно, необходимо опираться на знание законов, но знание обычаев и следование им дают моральное право аборигенам отстаивать свои законные права. Именно эта позиция может встретить и встречает понимание со стороны людей, которые работают на Севере в промышленности.

Другим эффективным механизмом установления диалога могут стать политики компаний и принимаемые ими стандарты и регламенты. Их роднит с нормами обычного права то, что они вырабатываются внутри сообщества, принимаются добровольно, и вместе с тем, имеют общественные санкции. Установление социального диалога между промышленными компаниями и коренными народами в Арктике встречает всё большую поддержку в научном и общественном дискурсе. Его необходимость диктуется тем, что для коренных малочисленных народов сегодня важны не только финансовые компенсационные выплаты, но и постоянная работа компаний по минимизации отрицательных последствий промышленного освоения и повышению уровня и качества жизни этих народов. В России сложилось несколько моделей такого взаимодействия. Фактически каждая компания создает свою модель. Она лишь в некоторой степени зависит от региона, так как в одном регионе у компаний могут быть различные политики в отношении коренных народов.

Многие из российских компаний в последние годы выработали специальные политики в отношении коренных народов, которые отражены и на сайтах компаний, и в отчётах по устойчивому развитию. Нефтегазовые компании в России традиционно в последнее время выделяются на общем фоне своей заботой о социальном имидже. В большинстве компаний, которые работают в Арктике и других регионах проживания коренных малочисленных народов, приняты специальные регламенты для сотрудников, отвечающих за взаимодействие с этими народами, а

также этические рекомендации при работе на территориях традиционного природопользования, например, в ХМАО такие правила приняты в 2016 году и они регламентируют поведение и нефтяников и аборигенов, то есть являются взаимными. Подобные документы выработаны и в газодобывающих компаниях в ЯНАО. На основании всех этих документов вырабатываются политики компаний, о которых они могут заявить при начале своей работы на общественных слушаниях.

Конструктивным ответом на сложившиеся практики стала новелла недавно принятого Федерального закона «О государственной поддержке предпринимательства в Арктической зоне Российской Федерации» (2020 г.). Вводится понятие стандарта ответственности как перечня принципов, рекомендованных к использованию резидентами (промышленными компаниями) Арктической зоны при организации взаимодействия с коренными малочисленными народами Российской Федерации в местах их традиционного проживания и осуществления традиционной хозяйственной деятельности. Такой подход ещё не стал определяющим для всех промышленных компаний, но его применение и участие компаний в мониторинге социальной ответственности, который будет осуществлять федеральный орган исполнительной власти, будут способствовать осуществлению принципа свободного, предварительного и осознанного согласия коренных народов на осуществление деятельности, затрагивающей их интересы, а значит и установлению благоприятного социального климата в районах промышленного освоения на Севере и в Арктике. Ресурсное законодательство слабо регламентирует взаимодействие с коренными народами, обычное право и политики компаний заполняют эту лакуну, создадут возможности для устойчивого природопользования и развития.

Литература

1. Новикова Н. И. Охотники и нефтяники. Исследование по юридической антропологии. М., 2014. – 407 с.
2. Новикова Н. И., Уилсон Э. Корпоративная социальная ответственность: трансформация понятия на Западе и значимость для коренных народов России // Уральский исторический вестник. – 2015. – № 2. – С. 108–117.

3. Turi E. I. State Steering and Traditional Ecological Knowledge in Reindeer-Herding Governance Cases from western Finnmark, Norway and Yamal, Russia. Thesis. Department of Geography and Economic History. Umeå University 2016. Electronic version available at <http://umu.diva-portal.org>

4. Benda-Beckmann K. & Turner B. (2018) Legal pluralism, social theory, and the state // *The Journal of Legal Pluralism and Unofficial Law*, V. 50, № 3, P. 255–274.

5. Development and Customary Law. *Indigenous Affairs*, 1–2, 2010, 94 p.

ЭТАПЫ ИНДУСТРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ СИБИРСКОГО РЕГИОНА В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

А. И. Тимошенко

*Институт истории СО РАН (Новосибирск),
timoshenkoai@ngs.ru*

Начало индустриализации Урало-Сибирского региона в годы предвоенных пятилеток положило формирование, связанное с программой Урало-Кузнецкого комбината. В результате этого факта было построено десятки шахт, энергетических объектов и два крупнейших для советского периода Магнитогорского и Кузнецкого металлургических комбинатов, которые являлись главным звеном в программе Урало-Кузнецкого комбината (Матушкин П. Г., 1966, с. 169–170).

Важнейшая роль отводилась железнодорожному транспорту, который должен был связать Урал и Сибирь и продолжиться до столицы СССР Москвы. Исключительно важное народнохозяйственное значение приобрело сооружение Сибирской сверхмагистрали Кузбасс-Урал-Москва. Эта магистраль должна была содействовать решению топливной, металлургической, а затем и обеспечить энергетические проблемы на громадной территории от Кузнецкого угольного бассейна до Волги. Всё это вместе взятое способствовало перевооружению промышленности Урала и Кузнецкого бассейна, несколько новых современных индустриальных предприятий было построено в северных районах Советского Казахстана. В Караганде были обнаружены крупные запасы угля. Урало-Кузнецкая проблема решалась сразу на огромной территории СССР, которая сопровождалась преобразованиями в транспортном отношении, в энергетике восточных регионов страны (Матушкин П. Г., 1966, с. 158–159).

Новое шахтное строительство началось в Челябинском угольном бассейне, в котором строились не только шахты, но и производилась добыча угля открытым способом при помощи экскаваторов и другой техники. От решения Урало-Кузнецкой проблемы во многом зависела судьба индустриализации советской страны. Поэтому в ВКП (б) считалось, что эта программа должна быть решена в годы предвоенных пятилеток любой ценой, которую в тот период можно было заплатить. Строившимся в Магнитогорске и Кузнецке

комбинатам требовалось огромное количество машиностроительной продукции. Для комбинатов нужны были доменные и мартеновские печи, прокатные станы, горное оборудование и другая продукция. Важное место отводилось строительству Уральского завода тяжёлого машиностроения. Проектирование было начато в 1926 году, а 15 июля 1926 года уже первые цеха вступили в эксплуатацию (Матушкин П. Г., 1966, с. 236–238).

В эту одержанную советским народом победу, значительный вклад внесли труженики промышленных предприятий восточных регионов СССР. Предприятия Урало-Кузнецкого комбината со временем пуска их в строй действующих, заняли ведущее место в решающих отраслях тяжёлой промышленности. Флагманами чёрной металлургии являлись металлургические комбинаты, расположенные в Магнитогорске и Кузнецке, которые выдавали чугуны, сталь, прокат. На комбинатах в годы довоенных пятилеток были достигнуты самые высокие технические показатели по сравнению со средними показателями других заводов черной металлургии Советского Союза. Коэффициент использования полезного объёма доменных и мартеновских печей в среднем по СССР к 1937 году составлял всего 1 %. В 1937 году комбинаты в Магнитогорске и Кузнецке выдавали самую высокую производительность труда среди других крупных заводов страны (Матушкин П. Г., 1966, с. 359–360).

Следующим этапом явились годы Великой Отечественной войны. На Урал и в Сибирь были эвакуированы сотни современных индустриальных предприятий, которые пополнили своим составом машиностроительную, топливную и энергетическую базу восточных регионов СССР. Только на Урал было эвакуировано более 700 промышленных предприятий. Примерно столько же было эвакуировано в северные и южные районы Казахстана, в Киргизию и другие советские республики, находящиеся в Средней Азии. В Западную Сибирь и в Восточную Сибирь также были эвакуированы более 500 индустриальных предприятий, более 70 предприятий разместились в Новосибирске и Новосибирской области, в Кемеровскую область прибыло более 77 индустриальных предприятий оборонного значения, на территорию Омской области и Алтайского края прибыло более 200 предприятий, среди которых были машиностроительные,

металлообрабатывающие, выпускающие танки и другие промышленные предприятия (Шумилов В. Н., 2000, с. 84–86).

Наиболее крупным районом эвакуации в Восточной Сибири стал Красноярский край. Первые промышленные предприятия стали поступать сюда в августе 1941 года, а последние прибыли в феврале 1942 года. С Кольского полуострова в край было эвакуировано оборудование завода из города Мончегорска, из Рыльска Курской области прибыло оборудование сахарных заводов, из Харькова и Воронежа было эвакуировано оборудование паровозоремонтных заводов, из Коломны был эвакуирован механический завод. Все, как правило, прибывали с рабочими, инженерами, техниками, служащими. И всех их надо было где-то разместить. Эвакуированное оборудование направлялось, прежде всего, в крупные города Красноярского края: Красноярск, Ачинск, Абакан, Канск, Норильск. Большая часть промышленных предприятий разместились в Красноярске, среди которых находился крупнейший завод тяжёлого машиностроения «Красный профинтерн», эвакуированный из города Бежицы. Кроме того, в августе 1941 года был эвакуирован крупный завод, производящий комбайны. На площадке ликёро-водочного завода, расположенного недалеко от станции Красноярск, начали монтировать оборудование Запорожского завода «Коммунар» и некоторых цехов Люберецкого завода сельскохозяйственных машин (Докучаев Г. А., 1973, с. 102–103).

В результате весь Сибирский регион в годы Великой Отечественной войны превратился в крупный центр военно-оборонной промышленности. За годы войны сюда были эвакуированы сотни новых индустриальных предприятий из западных районов Советского Союза. В результате этих действий мы все победили.

Следующий этап связан с индустриальным развитием Сибирского региона во второй половине XX века. Крупным событием на севере Западной Сибири в 1960–1970-е годы стало формирование Западно-Сибирского нефтегазового комплекса, а также продолжилось в Сибири индустриальное развитие различных отраслей промышленного производства. В Новосибирской области в послевоенные годы были реконструированы и расширены действующие заводы, построены новые предприятия «Сибэлектротяжмаш», «Сиблитмаш», «Сибэлектротерм», «Экран», предприятие им. Коминтерна, завод радиодеталей, конденсаторов, введены

в строй действующая теплоцентраль и другие энергетические объекты, а также предприятия связи, лёгкой и пищевой промышленности. Кемеровский завод «Кузбассэлектромотор» являлся крупнейшим в Советском Союзе. Не отставали от него Красноярский завод, производящий телевизоры, Омский комбайносборочный и Прокопьевский подшипниковый.

В Сибири в послевоенные годы были построены три «закрытых» города. Первый из них стал строиться сразу же, как только закончилась Великая Отечественная война. В начале он назывался Томск-7, а впоследствии получил название Северск. В Восточной Сибири в 1950-е годы было ещё два «закрытых» города Красноярск-45 (ныне Зеленогорск) и Красноярск-26 (в настоящее время Железногорск). В Зеленогорске расположение основного электрохимического предприятия глубоко под землёй создавало большую устойчивость, а также безопасность (Реут Г. А., Савин А. П., 2007, с. 156–207).

Литература

1. Матушкин П. Г. Урало-Кузбасс. Борьба Коммунистической партии за создание второй угольно-металлургической базы СССР. 1966. Челябинск: Челябинская типография областного управления. – 424 с.

2. Шумилов В. Н. Создание оборонной промышленности Новосибирской области (1941–1945 гг.). 2000. г. Краснообск. Редакционно-полиграфическое объединение СО РАСХН. – 203 с.

3. Докучаев Г. А. Рабочий класс Сибири и Дальнего Востока в годы Великой Отечественной войны. 1973. – М.: Издательство «Наука». – 424 с.

6. 4. Реут Г. А., Савин А. П. Становление и развитие Железногорска (Красноярск-26) как закрытого административно-территориального образования атомной промышленности (1950–1991 гг.). Монография. Красноярск: Редакционно-издательский отдел КГПУ. – 279 с.

ИНДУСТРИАЛЬНОЕ ОСВОЕНИЕ СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА: ПРОЕКТЫ И ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

М. С. Мостовенко

*Сургутский государственный педагогический университет
(Сургут), reiseleiter@mail.ru*

Взаимоотношения властных структур с окружающей средой занимают особое место в эколого-исторических исследованиях. Ни что так не демонстрирует мощь государства, как обладание природными ресурсами. Вне зависимости от того, рассматривалась ли природа как священный объект или как источник ресурсов, она постоянно становилась объектом политической борьбы (Zelko Frank, 2014).

Государства вне зависимости от политического режима одинаково утилитарно подходили к природе, рассматривая её как источник экономического благополучия. Однако, в СССР мичуринский лозунг о том, что человеку не стоит ждать милостей от природы, и он должен взять их сам, стал неотъемлемой частью экологической политики государства. Если советская власть смогла изменить общество, то почему нельзя изменить природу? Этот вопрос руководители социалистического общества решали прямолинейно. За удивительно короткий промежуток времени подобный подход нашел своё отражение в ландшафтах: «неправильные» реки выправлялись, «бесполезные» болота осушались, а «хаотичные» леса были организованы для эффективного производства древесины.

Следует заметить, что, если в первой половине XX века приоритетными регионами для промышленного развития оставались центральные области, а также европейский Север РСФСР, то во второй половине столетия вектор индустриализации сместился на северо-восток. Промышленное развитие Сибири во второй половине XX в. стало важной социально-экономической задачей. Только за период 1960–1975 гг. по данным Совета по изучению производительных сил Севера при Госплане СССР капиталовложения в хозяйство северных территорий значительно превысили их объём за весь предшествующий более чем сорокалетний пери-

од (Ракита С. А., 1983). В решениях съездов КПСС, других официальных документах подчёркивалась необходимость планирования народного хозяйства и руководства хозяйственными процессами на строго научных основах (Тюрденев А. П., 1968). Кроме того, по мнению С. В. Славина, «освоение новых районов в нашей стране выступает также как одно из основных звеньев в решении задачи рационального размещения производительных сил. Вся история индустриализации СССР является в то же время историей освоения новых районов» (Славин С. В., 1982).

Форсированное развитие Западно-Сибирского нефтегазового комплекса актуализировало проблему создания и развития транспортно-инфраструктуры Севера Сибири. В конце 1940-х – начале 1950-х здесь уже поднимался вопрос о создании Трансполярной магистрали Чум-Салехард-Игарка, однако она была законсервирована в 1953 году (Приходько Ю. С., 2016). В первой половине 1960-х разрабатываются проекты единой транспортной системы Западно-Сибирской низменности. Предполагалось развивать Транссибирскую магистраль за счёт её соединения с так называемым Вагайским ходом (Екатеринбург-Тюмень-Омск) и лесовозными дорогами Заводоуковская-Тап, Егоршино-Серов-Полуночное, Чум-Лабытнанги, а также Ивдель-Обь и Тавда-Сотник (Варламов В. С., 1967).

В дополнение к этому варианту для вывоза сибирской нефти создаётся проект Северо-Сибирской железной дороги, которая должна была объединить ветку Ивдель-Обь со строящейся дорогой Тюмень-Тобольск-Сургут и дальнейшим выходом на Сургут-Охтеурье до створа проектируемой Осинской ГЭС на Енисее и прокладки дороги Нефтеюганск-Александровское-Колпашево. Кроме того, строительство «тобольского варианта» от Тюмени до Сургута также актуализировало вопрос целесообразности создания «города Сургута с населением 250 тыс. человек, для которого важен железнодорожный подход, или сооружение нескольких небольших городов по 40–50 тыс. человек, в том числе на левом берегу» (Варламов В. С., 1967). Вместе с тем, партийные руководители Тюменской области не отказывались от идеи продолжения строительства Трансполярной магистрали. В одном из своих выступлений в 1969 году первый председатель Тюменского обкома КПСС Б. Е. Щербина, говоря о развитии Севера Западной

Сибири, отмечал, что «в связи с открытием и предстоящим освоением газовых и нефтяных месторождений в Ямало-Ненецком округе следует возобновить строительство железной дороги Салехард-Игарка, продолжить строительство железной дороги от Сургута до Нижневартовска и далее на восток» (Щербина Б. Е., 1972). При этом данная магистраль должна была быть связана с проектируемой северной веткой транссибирской магистрали, «ответвления от которой пойдут на север и северо-восток в район Уренгой-Игарка» (Белорусов Д. В., 1972). Таким образом, на территории севера Западной и Восточной Сибири была бы создана единая транспортная система от Ивделя до севера Томской и Красноярской областей, образуя взаимосвязанную транспортную структуру в рамках большого индустриального региона.

Однако, экологические риски реализации подобных проектов практически не учитывались. С одной стороны, это было связано с отсутствием на тот момент эффективных юридических механизмов, которые регулировали бы деятельность организаций, занимающихся созданием этих проектов. С другой стороны, подобные разработки в то время, когда они проектировались, не должны были проходить обязательную экологическую экспертизу, что, в свою очередь, приводило к появлению серьёзных экологических проблем. Так, только при строительстве 1 километра автодороги отсыпного типа из хозяйственного оборота выводится растительный покров площадью около 16 га. Соответственно, при прокладке железнодорожного полотна размер отчужденных земель увеличивается в несколько раз. Однако, согласно представлениям руководства страны и регионов, выгоды от реализации этих проектов перевешивали возможные экологические проблемы.

Схожая ситуация складывалась и в Восточной Сибири, где в начале 1950-х шло строительство небольших гидроэлектростанций мощностью в 300–400 кВт. Ключевой целью этого решения было обеспечение электричеством небольших посёлков и колхозов, а также электрификация золотых приисков. Во многом благодаря им, в Иркутской области стала развиваться золотодобыча и началась массовая электрификация сельской местности. Здесь были построены Осинская, Голуметская, Усть-Рубахинская, Пилюдинская, Полежаевская и Тагнинская ГЭС.

Так, построенная в 1950–1954 годах Полежаевская ГЭС имела небольшую по сравнению с «большими» ГЭС мощность всего 800 кВт, однако полностью обеспечивала электроэнергией Черемховский и частично Заларинский районы Иркутской области. При этом принимаемые народно-хозяйственные решения редко носили научно обоснованный характер, что, в конечном счёте, негативно отражалось на окружающей среде (Сутурин С. Б., 2011).

Однако, в первой половине 1960-х гг. началась эпоха «Большой гидроэнергетики». В середине 1950-х дала первый промышленный ток Иркутская ГЭС, в 1961 году в строй вошла Братская, а позднее и Красноярская ГЭС. В дальнейшем в рамках Ангаро-Енисейского каскада ГЭС были введены в эксплуатацию Усть-Илимская и Саяно-Шушенская ГЭС. При этом строительство сибирских ГЭС оказалось самым дешёвым в мире. Так, Братская ГЭС полностью окупилась уже к сдаче Государственной комиссии. Каждые два года достигалась фондоотдача, равная капитальным вложениям в строительство (Тимошенко А. И., 2013). При этом за первые 20 лет эксплуатации она выдала народному хозяйству около 400 млрд кВт*ч электроэнергии и 8 раз окупилась затраты на свое сооружение (Тимошенко А. И., 2013). Кроме того, строительство больших ГЭС ангарского каскада привело к тому, что энергосеть «колхозных» гидростанций стала нерентабельной и они были закрыты. При этом экологические последствия деятельности ГЭС Ангаро-Енисейского каскада оказались в значительной степени более масштабнее, чем от работы малых ГЭС. Как отмечает С. Б. Сутурин, «не до конца продуманное сооружение каскада мощных гидроузлов на Ангаре привело к серьёзным нарушениям природного комплекса. Грубейшие ошибки в планировании и финансировании, практические недоработки при создании Братского и Усть-Илимского водохранилищ повлекли за собой затопление миллионов кубометров древесины, ухудшение гидрохимического состава воды, нарушение экологического режима водохранилищ, ограничение их рекреационных возможностей» (Сутурин С. Б., 2011).

В заключение следует подчеркнуть, что для Советского государства освоение и экономическое развитие территории Сибири стало важной политической задачей. Однако стоит от-

метить, что, несмотря на предполагаемые дивиденды для государства, при реализации рассмотренных проектов их экологические риски не учитывались. Разработка концепций индустриального развития территорий осуществлялась без учёта местных природно-географических и климатических условий, что приводило не только к нарушению в экосистемах, но и разрушению окружающей среды.

Литература

1. Zelko Frank The politics of nature // The Oxford handbook of Environmental history edited by Andrew C. Isenberg. New-York. Oxford University Press, 2014. – С. 716–742.
2. Раки́та С. А. Природа и хозяйственное освоение Севера. – М : Изд-во МГУ, 1983. – 329 с.
3. Тюрденев А. П., Андреев В. Н. Основные направления в развитии сельского и промыслового хозяйства Севера СССР // Проблемы Севера. – 1968. – Вып. 13. – С. 7–39.
4. Славин С. В. Освоение Севера Советского Союза. – Москва, 1982. – 350 с.
5. Приходько Ю. С. Строительство Трансполярной железной дороги в контексте экологической истории Сибирского Севера // Вестник СурГПУ. – 2016. – № 6(45). – С. 27–32.
6. Варламов В. С. Вопросы транспортного освоения Западно-Сибирской низменности // Проблемы Севера. – 1967. – Вып. 12. – С. 164–172.
7. Щербина Б. Е. Проблемы развития производительных сил Тюменской области в связи с освоением Обского Севера // Проблемы Севера. – 1972. – Вып. 15. – С. 26–37.
8. Белорусов Д. В. Эффективность комплексного развития хозяйства в районах нового освоения // Проблемы Севера. – 1972. – Вып. 15. – С. 63–70.
9. Сутурин С. Б. Взаимодействие хозяйственного механизма с охраной окружающей среды: исторический опыт и проблема Ангаро-Енисейского региона (1960–1990 гг.) // Омский научный вестник. – 2011. – № 1(95). – С. 13–16.
10. Тимошенко А. И. Факторы модернизации экономики Сибири в XX столетии // Известия ИГЭА. – 2013. – № 6 (92). – С. 74–79.

РЫБНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И ВЕДОМСТВЕННЫЙ ПОДХОД В ОСВОЕНИИ ОБСКОГО СЕВЕРА (1940–1950 ГГ.)

А. С. Иванов

*Сургутский государственный университет (Сургут),
88d@bk.ru*

В статье рассматриваются три кейса, которые позволяют комплексно рассмотреть роль и значение народного комиссариата (министерства) рыбной промышленности в индустриальном основании Северо-Западной Сибири.

Первый кейс – спецпереселение 1943 года. Вторичная принудительная миграция не состоялась по причине межведомственного конфликта, приведшего к переброске запрашиваемой рабочей силы (различных категорий спецпереселенцев) на слюдяные прииски в Якутию.

Второй кейс – конфликт 1948 г. между Тюменским областным отделом социального обеспечения и министерством рыбной промышленности относительно дома инвалидов для спецпереселенцев.

Третий кейс – отъезд калмыков на родину (1956–1959 гг.) с позиций министерства рыбной промышленности и местных партийно-советских властей.

В итоге, раскрытие содержания трёх взаимосвязанных сгустков событий позволяет показать взаимодействие Минрыбпрома с акторами ведомственной горизонтали (взаимодействие с равновеликими промышленными и хозяйственными ведомствами) и вертикали (партийно-советские и режимные акторы). В каждом конкретном случае исход взаимодействия был различен: в первом – «рыбное» ведомство потерпело поражение в борьбе с министерством слюдяной промышленности; во втором – фактически нанесло поражение Облсобесу, действовавшему при поддержке МВД; в третьем – сумело притормозить (но не отменить) выезд калмыцкого населения и регионов поселения.

**СИБИРСКИЕ «СПЕЦЫ»
(ПРОЕКТ СОЗДАНИЯ КНИГИ ПАМЯТИ
СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ,
СОСЛАННЫХ В ТОМСКУЮ ОБЛАСТЬ)**

В. Н. Уйманов

*Томский областной краеведческий музей
им. М. Б. Шатилова (Томск), uimanovvn@gmail.com*

Спецпереселенцы в Западной Сибири в 1930–1940-е годы являлись основным контингентом, подведомственным органам ОГПУ-НКВД, которые, при непосредственном участии партийно-советского руководства края, через систему Сиблага осуществляли контроль за расселением прибывающих контингентов и организацию их трудовой деятельности. К началу 1940-х годов спецпереселенцы составляли значительную часть трудоспособного населения региона, будучи занятыми в основных отраслях хозяйственного механизма – в строительстве промышленных объектов и транспортных магистралей, на предприятиях химии и металлургии, в угле- и золотодобыче, на лесоразработках, в сельском хозяйстве и др., добиваясь высоких показателей и результатов в работе. Благодаря именно их трудолюбию и самоотверженности, Западная Сибирь превратилась в развитый экономический регион Советского Союза.

Теме спецпереселения и жизни спецпереселенцев за последние тридцать лет посвящены тысячи исследований, опубликованы многочисленные сборники документов, что свидетельствует о серьёзной проработке архивов. В нашем регионе часть сборников вышла целыми сериями (Спецпереселенцы...). Главной их отличительной особенностью является сопровождение квалифицированными комментариями и пояснениями, что позволяет воспринимать материалы с большим пониманием. Однако, например, нет единой оценки о численности сосланных в указанный период в Нарымский край, основное место ссылки на протяжении нескольких десятилетий советской власти. Так, доктор исторических наук С. Красильников называет цифру «не менее 600 тысяч человек» (Currenttime...). Сотрудник томского музея «Следственная тюрьма НКВД» В. Ханевич определяет

число сосланных «около 500 тысяч человек» (Аргументы и факты, 2019). Данная цифра определена из расчёта количества дел на спецпереселенцев, хранящихся в Информационном центре УВД Томской области, и среднего по численности состава семей в 1930-е годы. В целом же в большинстве работ называются цифры (до 300 тыс. чел.) из сборника документов «Спецпереселенцы в Западной Сибири», хотя они не совпадают с данными В. Земскова (Уйманов В. Н., 2016, с. 502–503), но они касаются только сославшегося крестьянства.

Следует учесть, что начиная с освобождения региона от колчаковщины, он явился местом ссылки разного рода антисоветского элемента. Так, на территорию Томской области (в современных границах) были высланы с Дальнего Востока более 3 тыс. бывших белых офицеров, карателей, контрабандистов и др. лиц, отнесённых к категории спецконтингента. В 1925–1935 гг. в область систематически высылались бывшие харбинцы, перебежчики из Китая, участники белогвардейских молодёжных организаций и др. К 1938 году таковых насчитывалось около 1200 человек. В 1927–1928 гг. из Москвы, Ленинграда и других центральных городов страны в область было выслано до 1 тыс. троцкистов, эсеров и меньшевиков. В 1939 г. после присоединения западных районов Украины и Белоруссии – до 2 тыс. поляков и до 10 тыс. военнопленных из так называемой «полесской армии». В сентябре 1941 г. в Томск прибыл первый эшелон со спецпереселенцами-немцами, всего в 1941–1944 гг. в область были высланы 24 тыс. немцев. В послевоенные годы в Томскую область были направлены до 3 тыс. бывших в плену у немцев красноармейцев, затем стали прибывать власовцы, члены движения украинских националистов и члены семей. В 1949 году «жителями» области стали тысячи выходцев из Прибалтики, Закавказья и Средней Азии (Уйманов В. Н., 1995, с. 23–25). Была ещё и уголовная ссылка.

На протяжении десятилетий исследователи обходились лишь данными, к которым имели доступ в открытых архивах, что не позволяло представить картину в целом. Полагаем необходимым вернуться к этому вопросу. В силу разных причин установить точное число спецпереселенцев мы не сможем, но получить достаточно полные сведения возможность имеется, в частности через архивы субъектов МВД России, которые ещё практически не

проработаны. Следует учитывать, что Президентом России В. В. Путиным в декабре 2019 г. по итогам заседания Совета по развитию гражданского общества и правам человека и встрече с Уполномоченными по правам человека было дано поручение Росархиву, ФСБ, МВД и ФСИН страны подготовить до 1 октября с. г. предложения по созданию единой базы данных жертв политических репрессий. Создать такую базу только силами названных структур практически невозможно (они имеются лишь в нескольких территориальных органах, так как такая задача не ставилась), либо займёт многие годы, но возможно с привлечением специалистов из числа архивистов, историков и др.

В октябре 2019 года Центром изучения исторической памяти Томского областного краеведческого музея им. М. Б. Шатилова совместно с Управлением МВД и Госархивом Томской области начат проект «Сибирские «спецы», главная цель которого – назвать всех, кто был насильственно переселён в Томскую область, кто попал в жернова «массовых репрессий» по разным признакам – национальному, религиозному, социальному и др. Проект рассчитан на длительный период, объёмы работы велики, но в области есть опыт проведения подобной работы – сотрудники Управления КГБ СССР по Томской области в 1991 г. стали инициаторами издания Книги памяти жертв политических репрессий. Сегодня Книги памяти изданы в абсолютном большинстве субъектов России.

Выпуск планируемой Книги позволит помочь тем, кто не знает куда и как обратиться для получения необходимой информации о своих родных и близких. Во-вторых, получить более полную картину потоков распределения спецпереселенцев по районам области, исходя из национальной принадлежности, вероисповедания, социального положения с учётом событий тех лет и проводимой государством политики. В-третьих, разобратся с вопросом организации работы по реабилитации спецпереселенцев, она практически не организована. Видимо, требуется подготовка какой-либо законодательной инициативы. В-четвертых, внести ясность в вопрос численности спецпереселенцев, сосланных в нашу область, так как на протяжении ряда лет в СМИ и работах отдельных исследователей темы называ-

ются завышенные (возможно в разы) цифры, не соответствующие действительности.

Число жертв репрессий в стране определялось путём суммирования разных категорий, подвергшихся репрессиям в ходе кампаний по раскулачиванию, преследования политических оппонентов большевиков, «социально чуждых» – бывших офицеров, духовенства и сектантов, «старых специалистов», «шпионов», «диверсантов», «террористов», «вредителей» и пр. периода «Большого террора», изменников Родины, коллаборационистов и членов националистического бандподполья и др. Результаты подобных подсчётов, сопровождаемые вбрасыванием разного рода «сенсационных» сведений, в том числе и с какими-то конкретными политическими целями, подвергали сомнению официальные данные, не способствовали установлению истины.

Однако, работа с архивными делами позволила выявить наличие двойного дублирования дел. Так, например, часть дел на членов семей изменников Родины (ЧСИР) периода Великой Отечественной войны хранилась не только в ИЦ УВД, но и в архиве Управления ФСБ, данные о которых уже опубликованы в Книге памяти репрессированных жителей Томской области «Боль людская». Часть ЧСИРов была выслана в другие субъекты, где на них (по установленному порядку тех лет) заводились соответствующие дела, при этом в архиве ИЦ УВД прежние дела продолжали храниться. Подобные факты выявлены и по другим категориям спецпереселенцев. Такая ситуация, вне всякого сомнения, характерна и для архивов ИЦ УВД других субъектов.

В-пятых, будет восстановлена социальная справедливость в отношении наших соотечественников, подвергшихся репрессии в виде ссылки и депортации в силу целей и замыслов со стороны руководства СССР, путём опубликования их имён.

В настоящее время обработано около 4500 архивных дел. На сайте музея «Следственная тюрьма НКВД» выложено более 650 страниц текста, содержащего 4125 биограмм. Если рассматривать весь массив дел, то сделано немного, с другой стороны – названы почти 8500 имён членов этих фамилий – дети, родители, сёстры, братья и другие родственники, оказавшиеся в ссылке. К сожалению, пандемия коронавируса привела к ограничительным мерам и не позволила привлечь к работе волонтеров.

Одновременно создаётся электронная база данных, содержащая сведения о местах рождения, высылки и расселения сосланных, местах работы, их социальном положении, образовании, кем и когда были осуждены, о характере обвинения, сроках ссылки, составе семьи, судьбе и др., что позволяет производить обработку материалов в научных целях. Например, по национальному составу уже выявлены представители 45 национальностей, ставших «невольными сибиряками». Так, чаще всего ссылке подвергались русские (1238 чел.), латыши (460), немцы (274), украинцы (236), армяне (217), ассирийцы (212), азербайджанцы (184), литовцы (146), молдаване (130), евреи (112), эстонцы (107)¹.

По «Характеру обвинения» выявлено более 60 формулировок. Здесь кулаки и члены их семей, выселенцы (немцы, калмыки, латыши, литовцы, эстонцы, турки, ассирийцы и т. д.) и члены их семей, участники антисоветских организаций и партий, националисты и бандпособники, сектанты, ЧСИРы (полицейские, старосты и пр., сотрудничавшие с фашистами на оккупированных территориях, с семьями) и учителя, работавшие в школах, медработники, оказывающие хоть какую-то помощь мирным жителям, и те, кто выходил на работу с одной целью – прокормить семью и т. п.). Есть и такие формулировки – «немецкий агент», «каратель», «власовец», «член банды террористов», «полицай», «изменническое поведение» или «изменнические намерения» и др. Судя по таким формулировкам, эти люди должны были понести более суровое наказание, но направлялись в ссылку. Отсутствие в делах материалов, раскрывающих суть обвинения, позволяет предположить, что их вина не была доказана, но дело-то было заведено и должно было быть реализовано. Но в ряде дел информация о преступной деятельности находит подтверждение.

Сложностей в работе много. В первую очередь, это связано с написанием и прочтением фамилий, имён, отчеств, мест рождения и высылки. Не всегда можно установить места проживания в ссылке (обычно упоминается район, сельсовет, но не населённый пункт), места работы почти невозможно. Только часть комендантов при оформлении разного рода подписок и уведом-

¹ Подсчитано автором по результатам обработки базы данных «Спецы».

лений указывали места работы и должности. В отдельных случаях выявить эту информацию можно было через какие-либо официальные обращения ссыльных (письма в органы власти и правоохранительные структуры, заявления с просьбами различного характера), в редких случаях необходимую информацию можно встретить в служебной переписке. Выявление таких сведений важно для подтверждения трудового стажа (подобные обращения имеются в делах), так как часто нет возможности получить необходимые сведения в других архивах.

Что касается членов семей сосланных, то не всегда указываются сведения по детям. Обычно в анкетах указываются имена и даты рождения, но встречаются записи «следуют двое детей», «с тремя детьми» и т. п., либо в постановлении указывается, что на иждивении находится столько-то детей, но по делу их судьба не прослеживается.

В отдельных случаях невозможно установить дату смерти спецпереселенца или члена(ов) его семьи. В части дел подшиты формализованные бланки ЗАГСа о смерти и её причинах, либо справки какого-либо органа власти с указанием даты смерти или просто её констатацией, в других – факт смерти подтверждался протоколами допросов свидетелей, информация в которых сводится к формулировкам, что проживали или работали вместе, а такой-то (имярек) потом умер (обычно указывается время года – зимой, весной и т. д.).

Полученный опыт работы с делами архива ИЦ УВД показал, что цели проекта были определены правильно. Выявлены новые, ранее неизвестные документы, которые привлекут внимание профессиональных историков, юристов, политологов, краеведов, музееведов, всех, кому небезразлична история России и своей малой родины. Например, найдено дело агронома В. И. Гвоздева, создателя первого в северных районах страны (!), действующего и поныне Бакчарского плодовогоодного питомника, содержащее подлинные документы, заслуживающие общественного внимания. Среди отбывавших ссылку были: поэт Н. А. Клюев, считавшийся «духовным отцом» С. Есенина, член ЦК партии эсеров Д. Д. Донской, жена другого члена ЦК этой партии М. П. Артемьева, шесть раз подвергавшаяся арестам за свою политическую деятельность; руководящие сотрудники

ОГПУ-НКВД ряда республик СССР; участники крестьянских восстаний начала 1920-х годов; члены семей министров и политических деятелей стран Европы; спецпереселенцы, в том числе и женщины, награждённые орденами и медалями Советского Союза за участие в Великой Отечественной войне и трудовые достижения и др.

С учётом поставленных целей, проект «Сибирские «спецы» позволит дополнить, уточнить и конкретизировать ранее проведённые исследования, расширить горизонты дальнейшего изучения темы судеб тысяч спецпереселенцев, ставших по воле государства «невольными сибиряками».

Литература

1. Боль людская: Книга памяти жителей Томской области, репрессированных в 1920-х – начале 1950-х гг.: в 3 т. – 2-е изд., доп. и перераб. /сост. В. Н. Уйманов. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2016. – 2038 с.

2. Земсков В. Н. Судьба «кулацкой ссылки» (1930–1954 гг.) // Отечественная история. – 1994. – № 1.

3. Из истории земли томской. Народ и власть. 1930–1933: сб. док. и матер. 2001. – 446 с.

4. Из истории земли томской. Невольные сибиряки. 1940–1956: сб. мат. и докум. 2001. – 352 с.

5. Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. – М.: Изд-во «Республика», 1993. – 223 с.

6. Спецпереселенцы в Западной Сибири: в 4-х т. Новосибирск, 1992–1996.

7. Уйманов В. Н. Репрессии. Как это было... (Западная Сибирь в конце 20-х – начале 1950-х годов). – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1995. – 336 с.

8. Уйманов В. Н. Ликвидация и реабилитация: политические репрессии в Западной Сибири в системе большевистской власти (конец 1919–1941 г.) – 3-е изд., доп. и перераб. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2016. – 736 с.

9. Currenttime. tv/a/Novosibirsk-mass-graves/30060165.html (обращение 27.10.2020 г.).

10. Аргументы и факты. 2019. № 9.

ЦЕНА ВОПРОСА О ЗЕМЛЕ

О. Г. Корниенко (Быстрякова)

ООО «Студия ОК» (Сургут), okstud@mail.ru

В основу публикации положены опубликованные работы автора «Уходящая натура: что осталось за кадром» (слайды, фрагменты документальных фильмов «Привет, Алёнка!», «Договор», «Неудобный Иосиф», «Весна в Тресколье», «Последний монолог»). Художественно-публицистическое издание вышло в свет в 2017 году, в ноябре 2017-го оно становится лауреатом премии Губернатора Югры в области литературы (публицистика), в декабре 2017-го – дипломантом конкурса «Лучшая книга Тюменской области – 2017» в номинации «Самая патриотическая книга года».

1. 70–80-е годы. В Сибири приступают к разработкам месторождений нефти и газа. Начинается форсированное нефтяное освоение края. В считанные годы нефть становится самой ходовой валютой российского государства. Это его стратегический запас, его статус-кво на мировом рынке. В тайге, на местах открытых месторождений, живут люди – ханты. Никто не знает, как быть и что с ними делать. Кто-то из коренных жителей уходит вглубь тайги, получая позорный среди своих статус беженца, кто-то выходит в города и посёлки, навстречу новой жизни. На примере истории жизни Иосифа Антоновича Сопочина, лидера национальной общины «Ханто» (Сургутский район) и его соплеменников.

2. 90-е годы. Перестройка. О проблемах коренной Югры узнают в высших эшелонах власти: из-за форсированного нефтяного освоения территория была объявлена зоной экологического бедствия. Коренные жители консолидируются и начинают заниматься формированием своего будущего. В Ханты-Мансийске создаётся общественная ассоциация «Спасение Югры», её лидером становится Татьяна Гоголева. Ненецкий оленевод Юрий Вэлла с сородичами ставят свой первый протестный пикет в районе села Варьёган (Нижневартовский район).

3. С созданием в 1992 году субъектов Российской Федерации в Ханты-Мансийском округе появилась возможность регионального законотворчества. «Положение о статусе родовых угодий», инициированное активистами ассоциации «Спасение

Югры», стало первым законодательным актом молодой югорской государственности.

В Югре заработал институт родовых угодий, юридически закрепляющий право коренного жителя на свой участок земли. К 1997 году официальные документы на родовые угодья получили 454 представителя семей и национальных общин.

4. В 1997 году хантыйскими пикетами нефтяные работы временно были остановлены на Тяне. Для нефтяников Тянь – это группа месторождений, которые срочно нужно было освоить. Для жителей тайги – не только последняя свободная, но и священная земля. Именно тогда, во времена Тянского противостояния, и появились первые экономические соглашения. Наряду с необходимым компенсационным набором, в состав которого входили транспортные средства, топливо, стройматериалы, небольшая финансовая помощь, главным условием экономического соглашения было не подрывать традиционную экономику, а, стало быть, работать экологически грамотно.

Среди несомненных плюсов – адресная, персональная поддержка каждой семьи и согласование с главами родов установки нефтяных объектов на территории их проживания. Минус – это порождение за счёт «дармовых» средств иждивенчества и пьянства. Тем не менее, этот документ способствовал урегулированию взаимоотношений между коренным населением и нефтяными компаниями. Начались переговоры.

5. Создание национальных общин. В девяностые годы в округе начался процесс становления нового политического института – общин коренных малочисленных народов Западной Сибири. Национальные общины «Ханто» (Тром-Аган) и «Яун-Ях» (Междуречье Юганов) были созданы одними из первых. На базе Устава именно сургутских общин через несколько лет Государственной Думой России будет принят Закон «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока». А в 2010 году «Яун-Ях» становится лучшей национальной общиной Российской Федерации.

Первые шаги к созданию общин: появление законов, позволяющих формировать семейно-родовые общины, привело в движение процесс определения границ родовых угодий и выда-

чи государственных земельных актов, подтверждающих права землепользования семей, проживающих на этих территориях.

6. Лидеры национального движения и формы общения с властью и природопользователями. Иосиф Антонович Сопочин, Раиса Ивановна Тывлина, Борис Антонович Комтин, Юрий Кылевич Айваседа (Вэлла), Татьяна Степановна Гоголева, Надежда Геннадьевна Алексеева, Александр Семёнович Айпин.

7. В апреле 1995 года в Югре разработан и вступает в силу Устав Ханты-Мансийского автономного округа. В Уставе прописано избрание в Думе округа Ассамблеи представителей коренных малочисленных народов Севера. В первый состав Ассамблеи вошли 6 человек, в их числе президент ассоциации «Спасение Югры» Татьяна Гоголева. Первое, к чему приступает только что сформированная Ассамблея – создание законодательной базы, юридически закрепляющей права коренных народов Югры. Формируются программа обеспечения жильём и программа трудоустройства, один за другим создаются документы, стимулирующие образование общин, сохранение и развитие фольклорного наследия, родных языков... Но, в первую очередь, пытаются уберечь землю, основу традиционной жизни.

С 2001 года бессменным руководителем Ассамблеи становится Еремей Данилович Айпин. В течение шести лет Думой округа обсуждается 12 вариантов «Закона о территориях традиционного природопользования», главного документа о земле. Спустя 20 лет именно этот период в жизни Ассамблеи назовут самым активным в области законотворчества. В это время увеличится и число родовых общин: с 454-х до 475-ти.

8. На 2016 год в Югре официально зарегистрировано 475 ТТП (территория традиционного природопользования) общей площадью 12,7 миллиона гектаров, что составляет 24,3 % территории автономного округа (в основном, земли лесного фонда). На этих территориях проживают и ведут традиционную хозяйственную деятельность 1 175 семей общей численностью 4 538 человек.

На 1 января 2015 года производственную деятельность на территории Югры осуществляют 82 компании, владеющие почти 400-ми лицензиями на право пользования недрами с целью разведки и добычи углеводородного сырья. Суммарная площадь распределённого фонда недр – порядка 160 тысяч квадратных

километров. Это 30 % от территории округа. Степень техногенного воздействия на исконную среду проживания коренных народов в районе освоения нефтяных месторождений очень значительна: из 475-ти ТТП 263 практически стопроцентно совмещены с лицензионными участками недр. В Сургутском районе это почти 70 % совмещения, в Нефтеюганском – 50 %, в Нижневартовском – 25 %.

Примерно к этому же времени выходит ряд Федеральных законов и подзаконных актов, ограничивающих права коренного населения на землю и природные ресурсы: Лесной Кодекс, Закон об охоте, Закон о рыболовстве, внесены изменения (2014-й год) в Федеральный Закон «Об особо охраняемых природных территориях», согласно которым территории традиционного природопользования (ТТП) коренных народов были исключены из перечня особо охраняемых природных территорий, они потеряли свой природоохранный статус. В округе возникают конфликтные ситуации вокруг освоения священного озера Имлор (Сургутский район), священного озера Нумто (Белоярский район), Аганского ягельного бора (Нижневартовский район) и водораздела реки Тром-Аган (Сургутский район). Коренным жителям не удаётся отстоять эти территории, начинается их нефтяное освоение.

В округе перестаёт действовать «закон двух ключей». Теперь нефтяные корпорации сначала покупают лицензию у государства на нефтяные разработки, а затем ставят коренных жителей в известность, что они начинают здесь работать.

В связи с несоответствием Федерального законодательства обычному праву человека, живущего в тайге и ведущего традиционный образ жизни, начинаются судебные разбирательства, количество которых год от года увеличивается. Основные причины штрафов и судов – незаконная охота, незаконная рыбодобыча, незаконная вырубка леса.

За каждой из этих позиций в тезисах стоит судьба человека, семьи или рода, которые описаны в книге.

**ИНДУСТРИАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ РОССИИ:
МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ,
ОПЫТ СОХРАНЕНИЯ, СТРАТЕГИИ РЕНОВАЦИИ**

**Сборник тезисов
Всероссийской научной конференции,
посвящённой 175-летию Русского географического общества
и 90-летию Ханты-Мансийского автономного округа – Югры**

Оригинал-макет подготовлен ООО «Югорский формат»

Подписано в печать 10.12.2020.
Формат 60х84/16. Гарнитура Times New Roman.
Усл. п. л. 12,75. Тираж 100 экз. Заказ № 30.

ООО «Югорский формат»
г. Ханты-Мансийск, ул. Лопарева, 15, подъезд № 8
+7 (3467) 91-20-19, +7 952 690 99 39
Uformat@mail.ru

Выставка Музея геологии, нефти и газа «ЗОЛОТОЕ СЕЧЕНИЕ ШУХОВА». Посвящена крупному русскому учёному, инженеру Владимиру Григорьевичу Шухову и его научным изобретениям

Выставка Музея геологии, нефти и газа «ПРИБОБСКОЕ: МЕСТО РОЖДЕНИЯ». Посвящена крупнейшему нефтяному месторождению Ханты-Мансийского автономного округа – Югры

